САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

КЛЮЧЪ

Философско-общественный
альманах Пушкинского центра
аналитических исследований
и прогнозирования

Выпуск 11

Под общей и научной редакцией проф. В. Л. Обухова, доц. М.В. Величко

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ПУШКИН
2017

УДК 1
ББК 1
К 524
ISSN 2411-1430

К 524
Ключъ: Философско-общественный альманах Пушкинского центра аналитических исследований и прогнозирования. Выпуск 11. — СПб: СПбГАУ, 2017. — 94 с.
ISSN 2411-1430

В Альманахе представлены материалы Пушкинского центра аналитических исследований и прогнозирования. Задачами Центра являются:

— Теоретический и практический вклад в разработку концепции развития страны, аграрного сектора и гуманитарного образования в аграрном вузе как на ближайшую, так и на более отдалённую перспективу.

— Выявление основных проблем и вызовов времени, с которыми сталкивается наша страна на современном этапе. При этом предполагается выделение угроз мнимых и реальных, более и менее значимых для всего мира и для России.

— Анализ причин наличия этих угроз, имеющих прежде всего внутренний характер: духовные «болезни» человека и общества, узость горизонта мышления, безразличие, погоня за сиюминутным.

— Изучение реальных путей решения выявленных проблем и рассмотрение практических возможностей обретения Россией подлинного величия.

— Выработка нового мировоззрения, отвечающего реалиям нашего времени, и в свете его — национальной идеи.

Альманах предназначен для всех, кто задумывается о судьбах России, её вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне, а также о состоянии и возможных путях развития аграрного комплекса страны. Поскольку Альманах издается в год 100-летия Октябрьской революции, часть статей в нем посвящены ее осмыслению с позиции сегодняшнего дня.

0302000000—001
050(01)—11 **Без объявл.**

© Коллектив авторов, 2017
© СПбГАУ, 2017

ISSN 2411-1430

© О. В. Граблевская, рисунок на обложке, 2017

Раздел I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

КОМПЛЕКСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ГЛОБАЛДИЗАЦИИ

М.В. Величко
канд. экон. наук, доцент СПбГАУ

Интенсивность развития глобализации и несовместимость целей внешней политики различных государств, в условиях ядерного противостояния и опасения глобальной ядерной войны и её последствий привели к тому, что термины «глобализация» и «гибридная война» правомерно расценивать как синонимы. Основанием для такой оценки является то обстоятельство, что для нанесения ущерба внешнеполитическим противникам или геополитическим конкурентам с середины XX века применяются любые средства, в большинстве своём не принадлежащие к категориям «вооружения» и «военная сила» в традиционном для прошлого понимании этих терминов: см. Директиву СНБ США 20/1 от 18.08.1948 г. «Задачи в отношении России», предусматривавшую: расчленение СССР, ликвидацию Советской власти и социализма, ликвидацию военной мощи постсоветских государств, создание условий, автоматически обеспечивающих военную и экономическую зависимость постсоветских государств от Запада, и чтобы всё это было сделано руками народов СССР и советского руководства [4]. Поскольку все поставленные в ней задачи (кроме расчленения Российской Федерации) были выполнены, то необходимо понять: на основе каких возможностей и как они были выполнены?

Всем политологам хорошо известно высказывание К. фон Клаузевица «война есть продолжение политики иными средствами». Но в наши дни его следует дополнить ещё одним определением: «политика мирного времени есть продолжение войны иными средствами», т.е. термин «soft power» (мягкая сила, мягкая власть) — во многих глобально политических ситуациях следует понимать именно как обобщающее название разнородных «иных средств» продолжения войны в «мирное время».

Те, кто с не согласен с такой трактовкой 1) глобализации как гибридной войны и 2) политики «мирного времени» как продолжения войны иными средствами («soft power»), — обречены непрестанно становиться жертвами (на их взгляд «самопроизвольного») стечения обстоятельств, которые, однако, стали поражающим их фактором не сами собой, т.е. не стихийным образом, а были целенаправленно взращены и прицельно направлены на реализацию определённых геополитических целей.

Однако сложившиеся к настоящему времени в политологии и социальной философии понятийный аппарат и методология интерпретации событий и их взаимосвязей не позволяют ни описать проблематику глобализации как гибридной войны, ни работать с этой проблематикой в целях обеспечения безопасности развития собственного государства и человечества в целом. Соответственно проблематике применения средств «soft power» и защиты от их применения в условиях глобализации как гибридной войны, текущей в более или менее «мирное время», необходим иной терминологический аппарат и иной методологический подход. Вся эта проблематика может быть описана и с нею можно работать в выше указанных целях только на основе теории управления — универсальной в том смысле, что она позволяет интерпретировать любой процесс как процесс управления или самоуправления, протекающий во взаимодействии с окружающей его средой, которая также представляет собой некоторую совокупность разнородных процессов. Возможность интерпретировать любой процесс как процесс управления или самоуправления — необходимая предпосылка к тому, чтобы: 1) анализировать процессы, в совокупности образующие процесс глобализации как гибридной войны, 2) изыскивать и реализовывать возможности защиты от гибридной агрессии и профилактировать гибридные агрессии в будущем. Такая достаточно

общая теория управления (ДОТУ), отвечающая этой потребности, в России имеется с начала 1990-х гг. (см. [1]), однако она не востребована на протяжении всего этого времени должным образом, вследствие чего Россия терпела и продолжает терпеть ущерб, наносимый ей посредством «soft power» государствами Запада. Поскольку ущерб реально наносится, то это обстоятельство ставит перед вопросом: чем отличается суверенитет реальный, фактический, от суверенитета чисто юридически формального?

Прежде всего, необходимо указать, что *реальный государственный суверенитет это — реализация обществом, живущим на территории государства, полной функции управления в отношении самого себя, включая и порождение государственности как системы управления делами общества на профессиональной основе*.

Это определение суверенитета принципиально отличается от исторически сложившихся определений, не основанных на полной функцией управления. Например, «Большой юридический словарь» [3] даёт следующее определение термина «суверенитет»:

«СУВЕРЕНИТЕТ (фр. souverainete — верховная власть) — верховенство и независимость власти. В науке конституционного права различаются несколько видов С.: 1) С. государственный — верховенство власти внутри страны и её независимость во внешней сфере, т.е. полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключающая подчинение властям иностранных государств, в т.ч. в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего С.; 2) С. национальный — полновластие нации, её политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до образования собственного государства; 3) С. народный — полновластие народа, т.е. обладание социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства. Народный С. является одним из принципов конституционного строя во всех демократических государствах».

Однако в умолчаниях, сопутствующих этому определению, остались факторы, которые делают суверенитет либо реальным, либо юридически декларативным, но фактически не реализуемым. Дело в том, что главная социокультурная закономерность цивилизованных обществ, обуславливающая как реальность суверенитета, так и его фиктивность, скрыта за афоризмом Ф. Бэкона (F. Bacon, 1561 — 1626) «knowledge itself is power», один из смыслов которого — «знание по своей сути есть власть». Это — одна из кратких формулировок главной социокультурной закономерности, которой подчинена жизнь цивилизованных обществ, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Обусловленность спектра управленческих решений и будущего качества жизни наукой и системой образования.

Суть её может быть изложена в следующих словах: социолого-экономические теории, которые порождает наука, входят в систему образования и формируют миропонимание носителей власти (управленческого корпуса в государственном аппарате и в бизнесе) и их культуру восприятия информации и её осмысления. Сформированные системой образования миропонимание и личностная культура восприятия информации и её осмысления предопределяют реакцию носителей власти на поток оперативной информации, т.е. предопределяют спектр вырабатываемых и принимаемых к исполнению управленческих решений. Спектр управленческих решений при их проведении в жизнь *многоаспектно* программирует качество жизни общества — подчас на многие десятилетия и столетия вперёд: необратимость последствий многих управленческих решений — объективная данность; возможности компенсации и устранения последствий управленческих решений прошлого ограничены и в большинстве случаев требуют выработки и реализации новых управленческих решений.

Однако наука производит не только достоверные знания, но и мнения, убеждения, которые могут господствовать в обществе в качестве якобы достоверного знания, однако не будучи таковыми. Если государственность де-юре суверенна, и народ де-юре — носитель суверена, но культура общества заражена недостоверными мнениями, на основе которых народ и государственность пытаются осуществить свой суверенитет, то в этом случае реальная власть над обществом и его государственностью будет принадлежать тем, кто смог некогда внедрить в их культуру недостоверные мнения и возвести их в ранг достоверного знания, поскольку если общество и его государственность будут руководствоваться в процессе выработки и принятия управленческих решений этими мнениями, то они сами реализуют цели тех, кто сконструировал эти мнения и внедрил в их в культуру соответствующего государства ради достижения своих целей путём эксплуатации чужих ресурсов.

Социокультурная закономерность, представленная на рис. 1, показывает, что понимание феномена суверенитета, предлагаемое «Большим юридическим словарём» [3], управленчески не состоятельно. Если же пользоваться определением суверенитета, построенным на основе понятия о полной функции управления, то открываются возможности к обеспечению комплексной безопасности общественного развития в условиях глобализации, носящей характер гибридной войны за мировое господство тех или иных корпораций.

«Полная функция управления» — термин ДОТУ. Полная функция управления представляет собой последовательность действий, включающую в себя:

1. Выявление фактора среды, который давит на психику, чем и вызывает потребность в управлении (т.е. начало реализации полной функции управления даёт выявление проблемы).
2. Целеполагание в отношении выявленного фактора.
3. Построение концепции управления, реализующей поставленные цели на основе решения задачи об устойчивости объекта управления (управляемого процесса) в смысле предсказуемости его поведения под воздействием внешней среды, внутренних изменений, управления.
4. Внедрение концепции в жизнь.
5. Контроль за течением процесса управления.
6. При необходимости коррекция решений, выработанных на предыдущих (1 — 5) этапах и принятых к исполнению.
7. В случае достижения намеченных целей с приемлемым качеством — высвобождение ресурсов, занятых в процессе управления; в противном случае — возврат к первому этапу полной функции (конечно, если крах управления не носит катастрофического характера, вследствие чего возврат к началу полной функции невозможен).

Возможность успешного прохождения 1 — 4 этапов полной функции управления обусловлена культурой (личностной и коллективной) выработки новых достоверных знаний и трансформации их в практические навыки, которая сложилась в обществе. Если такой культуры в обществе нет (а также пока её нет), то обществе и государственность в принципе не могут быть суверенными, и обречены быть жертвой гибридной войны, поскольку даже при юридически провозглашённом и признанном суверенитете — общество будет управляться на основе внедрённых в его культуру недостоверных мнений, сконструированных для того, чтобы это общество самоликвидировалось либо стало объектом эксплуатации со стороны хозяев тех, кто сконструировал эти мнения и внедрил их в культуру жертвы агрессии гибридной войны.

Соответственно, когда в Японии в июне 2015 г. ввели запрет на преподавание ряда гуманитарных дисциплин (философии, юриспруденции, политологии, социологии), то если не вдаваться в содержание образовательных программ по этим дисциплинам и их воздействие на жизнь страны, то это предстаёт как акт мракобесия [2]. А если вдаваться в рассмотрение их содержания, соотносясь с социокультурной закономерностью, представленной на рис. 1, то это — шаг в восстановлению полноты государственного суверенитета в смысле способности к реализации в государственном и общественном самоуправлении страны полной функции управления, поскольку в эпоху после реставрации Мейдзи национальная традиция освещения проблематики этих дисциплин в Японии была замещена традицией, выработанной в государствах Запада, которые воспринимались в качестве лидеров цивилизационного развития человечества. Содержание гуманитарных дисциплин в их виде, исторически сложившемся в культуре Запада, таково, что они внедряют в миропонимание учащихся множество недостоверных мнений, возведённых в ранг выверенного научного знания.

В частности, гносеология предлагаемая философскими школами Запада, оторвана от психологии личности и потому не позволяет выработать эффективную познавательно-творческую культуру, безальтернативно необходимую для реализации первых четырёх этапов полной функции управления, в том числе и в деле обеспечения и воспроизводства в преемственности поколений реального суверенитета общества и государства. И тем самым западная гносеология подрывает суверенитет.

Если с позиций ДОТУ в качестве объекта управления рассматривать биосферно-социально-экономическую систему, то её жизнь подчинена объективным закономерностям, которые можно разделить на 6 групп, представленных ниже.

1. Человечество — часть биосферы, и существуют объективные закономерности, регулирующие: 1) взаимодействие биосферы и Космоса, 2) формирование биоценозов и 3) взаимодействие биологических видов друг с другом в пределах биосферы.
2. Человечество — специфический биологический вид, и существуют специфические биологические (физиологические и психологические) видовые закономерности, регулирующие его жизнь .
3. Существуют нравственно-этические (религиозные и ноосферные) закономерности, регулирующие взаимоотношения обладателей разума и воли. И вопреки мнению многих закономерности этой категории выходят за пределы человеческого общества, а этика, диктуемая с иерархически более высоких уровней в организации разного рода систем, — обязательна для иерархически низших уровней и отступление от её норм наказуемо. Соответственно отступничество от объективной праведности — главная нравственно-мировоззренческая причина глобального биосферно-социального экологического кризиса.
4. Культура, которую генетически предопределённо несёт человечество, является информационно-алгоритмической системой. Культура вариативна, в том смысле, что как информационно-алгоритмическая система, она может быть ориентирована на достижение различных целей, на различных путях жизни общества, различными средствами. И существуют социокультурные закономерности (одна из них представлена на рис. 1), следование которым гарантирует устойчивость общества в преемственности поколений, а их нарушение способно привести к его исчезновению в течение жизни нескольких поколений под воздействием деградационных процессов.
5. Исторически сложившаяся культура всех обществ нынешней глобальной цивилизации такова, что мы вынуждены защищаться от природной среды техносферой и производством продуктов питания. И существуют финансово-экономические закономерности, предопределяющие как развитие общественно-экономических формаций, так и их деградацию и крах.
6. Всё это в совокупности может приводить к конфликтам интересов и конфликтам разных видов деятельности, разрешением которых необходимо управлять. И существуют объективные закономерности управления, единые для всех процессов управления, будь то езда малыша на трёхколёсном велосипеде либо комплексный проект, осуществляемый несколькими государствами на принципах частно-государственного партнёрства.

Эти закономерности познаваемы и являются основой для решения задачи об устойчивости биосферно-социально-экономической системы в смысле предсказуемости поведения под воздействием внешней среды, внутренних изменений и управления. Соответственно весь инструментарий воздействия на собственное общество и государство в ходе глобализации, принявшей характер гибридной войны, может быть выявлен на основе соотнесения с этими закономерностями, поскольку в результатах воздействия средств ведения гибридной войны выражаются именно эти закономерности и последствия попыток их нарушить или обойти; и на этой же основе могут быть выявлены и возможности защиты собственного общества и государства от гибридной агрессии, а также и меры воздействия на собственное общество и внешнеполитическую среду с целью профилактирования такого рода агрессий в будущем.

И если с позиций ДОТУ анализировать действительно мирную жизнь и жизнь в условиях гибридной войны, то средства воздействия на общество, которые могут применяться в гибридных войнах в качестве средств защиты, нападения и профилактирования нападений можно разграничить на группы, каждая из которых обладает разной приоритетностью в иерархии их применения. Таких групп тоже шесть.

Первый приоритет — методологический, гносеологический.

По сути это методология познания и творчества. Т.е. осознанное описание процессов в психике личности и в коллективной психике общества (или социальной группы), которые протекают в ходе познавательно-творческой деятельности. Если это описание адекватно, то индивид в состоянии соотнести с ним свою личностную культуру психической и интеллектуальной деятельности и выработать навык самостоятельного познания мира. В этом случае он обретает независимость от толкователей жизни тем в большей мере, чем более совершенна методология познания и творчества, которую он освоил, и чем дальше он продвинулся в её освоении. С другой стороны, если познавательно-творческие способности личности не востребованы, подавлены, извращены дефективной методологией познания, то личность, будучи не способной познавать жизнь самостоятельно, становится зависимой от внешних толкователей. Общества в целом характеризуются как отношением к познавательно-творческому потенциалу людей, так и статистикой его освоенности. В зависимости от последнего обстоятельства общество реально более или менее суверенно: при массовой методологической безграмотности общество обречено утратить реальный суве-

ренитет и подпасть под власть внешних толкователей смысла жизни, которые вовсе не обязательно будут добросовестны. В это случае общество оказывается в методологической ловушке, аналогичной той, в которой оказался Медведь в сказе «Вершки и корешки».

Второй приоритет — историко-алгоритмический.

История — это реализовавшаяся психодинамика обществ прошлого. Алгоритмика социальной психодинамики всегда многовариантна. Но всегда она реализуется единственным образом, выражая себя в фактах истории, которые имеют точную хронологическую привязку. Поэтому информация хронологического порядка следования фактов и явлений — наиболее характерна для второго приоритета. Грубо говоря, реализующий концептуальное управление допущен к формированию информации летописного характера, истории развития. Наиболее метко значимость этого приоритета характеризует Дж. Оруэлл («Год 1984»): «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым».

Третий приоритет — фактологический.

В него попадает вся фактология всех отраслей науки и техники. По отношению к обществу это приоритет, на котором с позиции данной концепции формируются воззрения всех партий, идеологий, религий, линий поведения, средств массовой информации, в том числе и спланированно «противостоящих» друг другу в рамках одной и той же концепции, не видящих её и не оспаривающих её правомерности.

Четвертый приоритет — экономический.

Информация финансово-экономического характера, соответствующие процедуры (финансовые инструменты), государственные и мировые деньги, цены и их соотношения, институты котировки стоимости всего и вся. Выстраивание финансовых схем, позволяющих перераспределять права собственностиГлавное в этом — мировая монополия на ростовщичество, искусственно соединенное с банковским делом (счетоводство макроуровня, которым занимаются банки, необходимо, но оно не должно намертво срастаться с ростовщичеством).

Пятый приоритет — оружие геноцида.

Подрыв генофонда, ослабление потенциала развития и уничтожение будущих поколений. Мотивация к насаждению всего этого проста — биологически выродившиеся рабы не обладают потенциалом личностного и общественного развития, позволяющим им жить свободно без «опеки». В числе таких средств — алкоголь, табак, наркотики, генная инженерия, разврат. Наркотизация населения проводится, как правило, в обход сознания, через мягкое подталкивание на этот путь внедряемыми в культуру традициями, обычаями, пословицами и поговорками, анекдотами.

Шестой приоритет — военное оружие.

Его применение или угроза применения (принуждение) единственно и воспринимаются самыми недалёкими людьми как реальная власть и как управление.

Все известные и возможные средства всех шести приоритетов — это инструментарий ведения гибридной войны, как в аспекте защиты, так и в аспекте агрессии и профилактирования агрессии. Но их применение способно обеспечить комплексную безопасность общества и государства только в русле определённой по целям и средствам их достижения концепции глобализации, альтернативной той концепции, под властью которой влачит существование Запад и которая трансформировала процесс глобализации в гибридную войну за мировое господство над человечеством, вместо того, чтобы придать ему характер сотворчества народов в деле построения единой глобальной культуры, обеспечивающей внутрисоциальную гармонию во многонациональном человечестве и гармонию взаимодействия цивилизации и Природы.

Литература

1. Достаточно общая теория управления. Постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики — процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета (1997—2003 гг.). — СПб, 2003; Новосибирск, 2007; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kobtv.narod.ru/files/Knigi-KOB/Dostatochno-obshchaya-teoriya-upravleniya.pdf.
2. Соломонова И. Япония отменила гуманитарные науки. Почему это важно? / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://republic.ru/posts/56806. Дата обращения: 09.12.2017.
3. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18560. Дата обращения: 09.12.2017.
4. Что такое «План Даллеса»? / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sakva.ru/Nick/DullPlan.html. Дата обращения: 09.12.2017.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

И.С. Панченко
докт. экон. наук, СПбГАУ
А.О. Туфанов
докт. филос. наук, проректор СПбГАУ

Классическую экономическую мысль следует, на наш взгляд, рассматривать не только как науку об экономике, о хозяйстве, но и как науку управления экономикой. Однако именно этот аспект экономической мысли в теории и практике управления зачастую опускается, что обусловливает целый ряд проблем управленческого характера, так как в управлении игнорируются основополагающие принципы экономической теории. Классическая экономическая теория — это теория трудовой стоимости. Поэтому не случайно в ней впервые дан анализ закономерностей развития товарного хозяйства, в соответствии с которыми разработаны основные понятия и принципы управления. Исходя из того, что основным источником богатства является труд, основатель экономической науки А.Смит обосновал общую закономерность развития экономики: рост богатства достигается посредством развития обмена, разделения труда, накопления капитала и экономической свободы. Обмен и разделение труда органически взаимосвязаны. В теории стоимости Смит различал потребительную стоимость или полезность вещи и меновую стоимость, которые не совпадают друг с другом. Так, алмаз имеет малую полезность и огромную меновую стоимость, дающую возможность приобретать другие предметы. Для экономики, подчеркивал Смит, важна лишь меновая стоимость, которая определяется трудом, затраченным на изготовление предмета. Но только в примитивных обществах, замечает он, количество затраченного труда является единственным обстоятельством, определяющим стоимость. В более сложно устроенных обществах надо принимать во внимание также капитал и землю. Поэтому меновая стоимость определяется издержками его производства, то есть рентой, прибылью, заработной платой и ценой сырья [1, 209]. Здесь важно отметить следующие обстоятельства в аспекте анализа экономической мысли. Смит, как и все представители трудовой теории стоимости до Маркса, употребляли термины цена, ценность как в аспекте потребительной стоимости товара, так и его стоимости, что неизбежно приводит к путанице понятий, особенно в современных экономических теориях, в которых стоимость сводится к цене товара. В каждом обществе, пишет Смит, существует средняя, или обыкновенная величина прибыли на капитал, земельной ренты и заработной платы. Они определяют естественную цену товара в отличие от текущей, или рыночной. Естественная цена, подчеркивает он, составляет средоточие, к которому постоянно стремятся цены всех товаров. И когда рыночная цена равна естественной, то товар продается именно за то, что стоит. Смит раскрывает механизм установления естественной цены, связывая его с платежеспособным спросом и свободной конкуренцией, подчеркивая, что в долгосрочной перспективе сельскохозяйственные продукты поднимаются в цене, тогда как цены на промышленные товары понижаются [3, 210].

Это может быть справедливым, на наш взгляд, лишь относительно, так как в условиях капиталистического производства, а не товарного, рыночного хозяйства вообще, как сейчас у нас определяется капиталистическая система хозяйства, цены на орудия труда для сельского хозяйства будут всегда намного выше, чем на продукты сельского хозяйства. Более того, диспаритет цен на продукты сельского хозяйства и промышленности по мере развития капитализма будет постоянно увеличиваться, что является *общей закономерностью* капитализма. Поэтому не случайно в современной экономике государство и международные экономически институты вынуждены «вмешиваться» в рыночный процесс, чтобы обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства и обеспечить тем самым структурную целостность экономики. И это для теории и практики управления является *закономерностью*. К сожалению, в нашей теории и практике управления так не считается. Отсюда и отсутствие четкой целевой программы по развитию *внутреннего* рынка. У нас, как в период первоначального накопления капитала, государство стимулирует экспорт. Но не экспорт промышленных товаров, как это было в период меркантилизма в Англии, а промышленного сырья, вывоз которого в промышленно развивающейся Англии в свое время сурово наказывался. Если же к этому добавить то, что у нас сформировался небывалый в истории олигархический капитализм, то станет понятным, насколько острой сейчас, а еще более в перспективе, является рыночная ситуация в стране. Если изменений не произойдет в политической системе, нацеленных на изменение ситуации, то катастрофа неизбежна. Неизбежность катастрофы в таком случае является *закономерной*.

Важное значение для современной экономической теории и теории управления имеет разработанная Смитом система понятий для определения показателей экономического развития: ВВП. ВНП. НД, основной капитал, оборотный капитал и др. Капитал — это запасы, необходимые для дальнейшего развития производства и позволяющие производителю преодолевать интервал во времени между затратой ресурсов и появлением конечного продукта. Здесь характерно его понимание основного капитала, к которому он относит не только машины, здания, но также и навыки и знания работников. Не менее важное значение для современной теории управления имеет положение Смита, касающееся размера заработной платы, который определяется *соглашением* (и мы это выделяем особо) между капиталистом и рабочим. Рабочий стремится получить больше, хозяин — дать меньше. Однако потребность хозяина в работнике меньше, чем работника в хозяине, что понижает заработную плату. Минимум заработной платы определяется ценой средств существования работника. *Минимальная заработная плата,* подчеркивает Смит, *должна быть достаточной для «порядочной пищи, одежды, помещения»* [3, 212]. Особо хотелось остановиться на так называемом принципе «невидимой руки» А.Смита, на который у нас повсеместно, не задумываясь, ссылаются как на аксиому, что личное благо автоматически приводит к общему. Абсурдность этого «принципа» очевидна, так как личное благо ни при каких обстоятельствах не становится общим. Личное благо есть личное, а общее — общим. Здесь следует говорить по другому, что благо **каждого** есть благо всех, то есть общее благо, как это прекрасно понимали и подчеркивали в свое время Платон и Аристотель. Важную роль Смит отводил деньгам, функционирование которых, подчеркивал он, невозможно без доверия к ним граждан, особенно при переходе на бумажные деньги. Граждане должны быть уверены, что банкир всегда будет в состоянии уплатить звонкой монетой по предъявлению билетов и обязательств. Основная функция банков состоит в экономии запаса драгоценных металлов, поскольку общее количество бумажных денег ни при каких условиях не может превышать ценности золотой и серебряной монеты, которую они заменяют. Кредитная функция банков также важна, считал Смит. Но процентная ставка должна ограничиваться нормой в 5% годовых, поскольку более высокий процент могут выплатить только расточители и спекулянты, и при более высокой процентной ставке значительная часть капитала страны не будет попадать в руки тех людей, которые могут дать им выгодное и прибыльное применение [3, 213].

Несмотря на то, что сейчас экономическая ситуация значительно отличается от экономики капитализма XIX в., основные закономерности ее функционирования в принципе продолжают действовать в тех рамках, в которых сохраняется капитализм как система ведения хозяйства. Что же касается России, то ее капитализм находится в «раскоряку» между практическим барским феодализмом, вымышленным «научным» капитализмом и империализмом сегодняшнего дня. И чтобы России выйти из катастрофической ситуации, необходимо, по крайней мере, хотя бы руководствоваться принципами управления, заложенными еще Смитом, *дополнив их современными требованиями и задачами.* Прежде всего, следует обеспечить деньги реальным товаром, каким раньше было золото и серебро. Сейчас таким товаром в мировом масштабе являются энергоресурсы. Именно они в перспективе должны выполнять роль мировых денег. Поэтому не случайно международная финансовая элита в лице США проводит политику так называемого управляемого хаоса именно в этом направлении. Далее: банки должны быть аккумуляторами денежных средств, обслуживать экономику, а процентная ставка не должна превышать 3-5 %. Как подчеркивал Жан Батист Сэй, талантливый популяризатор идей Смита, деньги — это только орудие обмена, повозки, перевозящие ценность продуктов при обмене. Они выполняют только временную роль в процессе обмена. Как только состоялась сделка, всегда оказывается, что за *продукты оплачено продуктами.* Отсюда — закон, известный как закон Сэя: каждый продукт создает сбыт для других продуктов на полную сумму своей ценности. Если товары не продаются, значит одних товаров слишком много, потому, что мало других. Чтобы продать все избыточные товары, надо увеличить производство других [3, 214]. Многие современные экономисты критикуют этот закон Сэя, подчеркивая, что он применим для простого товарного производства. На наш взгляд, такая критика не совсем правомерна. Этот закон является законом любого товарного производства. Но он действительно не является законом для капиталистического товарного хозяйства, где действует закон прибавочной стоимости, о котором писал К.Маркс. Отсюда неизбежность перепроизводства, кризисов, конфликтов, кровопролитных войн, рабства и т.д. и т.п. Здесь важно понять одно обстоятельство: предпринимательство и капитализм — это не одно и то же. Предпринимательство — это деятельность по организации и осуществлению производства, а капитализм — это организация производства для получения прибыли. Цель предпринимательства — производящее и организующее дело. Цель капитализма — бизнес, деньги. В современном хозяйстве, как в национальном, так и в мировом масштабе, действуют две противоречивые тенденции: прогрессивная, связанная с расширением и углублением предпринимательства, и регрессивная, связанная с расширением и углублением капиталистической системы хозяйствования в мировом масштабе. И первая и вторая тенденции объективны. Но их объ-

ективные источники разные. Первая связана с истинной природой, сущностью хозяйства, вторая — с историческими его деформациями, с растущей человеческой притязательностью. Субъективными формами реализации первой тенденции являются договоры и соглашения, направленные на решение социально-экономических задач, субъективными формами второй — сговоры, заговоры и т.п. И за первыми, и за вторыми стоят политика, власть, государство как инструменты организации общества и осуществления социально-экономической политики. Поэтому вопрос о власти является центральным вопросом теории и практики управления.

Если бы в наше время не применялись механизмы государственного и межгосударственного регулирования в экономике, хотя и по разным основаниям, то полный крах ее был бы неизбежен. Однако вмешательство государства по соображениям сохранения капитализма, лишь отодвигает катастрофу на более отдаленную перспективу, делая ее глобальной. Современная глобализация по капиталистически — это стремительное и эффективное движение мировой экономки в пропасть, что стало в определенной мере осознаваться с наступлением мирового финансового кризиса. Для того чтобы избежать неизбежной катастрофы, необходимы кардинальные изменения в мировой кредитно-финансовой системе, в которой деньги должны играть ту их естественную функцию, ради которой они и были изобретены. Деньги должны выражать *ценность* продуктов, их потребительную стоимость, и в соответствии с ними и их стоимость. Поэтому в перспективе всякое взымание процента на суженные деньги должно быть исключено. Все, в том числе и банкиры, получают свою долю по результатам труда. Для этого необходимо соответствующее законодательство как национального, так и международного характера. Среди теоретиков классической экономической теории в аспекте теории управления следует выделить Милля. Он разработал идею взаимосвязи экономического и социального развития. Наилучшим существованием для людей, подчеркивал Милль, является такое состояние общества, когда никто не беден, никто не стремится стать богаче и нет никаких причин опасаться быть отброшенным назад из-за усилий других протолкнуться вперед. При таком застое ничуть не уменьшится простор для роста всех форм духовной культуры, для морального и социального прогресса, состоящего в обеспечении «для всех людей полной независимости и свободы действий, кроме запрета на причинение вреда другим» [3, 216].

Заслуживает также внимания его позиция в отношении права частной собственности. Милль считал несправедливым право человека на вещи, им не созданные. Абстрактным коммунистическим идеалам он противопоставлял естественную эволюцию капитала, приводящего к объединению работников с капиталистами — в одних случаях, в других — к объединению работников между собой. В любом случае возникает кооперация, предоставляющая всем работникам на участие в прибылях. Свое завершение классическая экономическая теория трудовой стоимости находит, на наш взгляд, в марксизме. В «Капитале» К.Маркс придал теории трудовой стоимости систематизированный и целостный характер. В работе Маркс дает анализ капиталистического способа производства, применяя логический метод анализа, метод рассуждения от абстрактного к конкретному. В соответствии с данным методом, он начинает исследование товара как клеточки капиталистического способа производств. Товар есть предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. А каждую полезную вещь, подчеркивает Маркс, можно рассматривать с двух сторон: со стороны качества и количества. Качество — это потребительная стоимость товара, количество — его меновая стоимость. Если отвлечься от потребительной стоимости, пишет дальше Маркс, то остается, что товар — продукт труда абстрактного, как затраты человеческой рабочей силы безотносительно к его форме. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции — они товарные стоимости. Величина стоимости определяется количеством общественно необходимого труда [1, 54]. Здесь методологически важно, во-первых, то, что Маркс впервые проводит четкое различие между меновой стоимостью и стоимостью, дает определение стоимости. Во-вторых, определяет стоимостные отношения в аспекте качества и количества. Стоимость — это качественная сторона товара, так же как и потребительная стоимость, а меновая стоимость — его количественная сторона. Но потребительная стоимость и стоимость по-разному выражают качество товара. Потребительная стоимость — это конкретно ощутимое качество товара, стоимость — абстрактное качество товара, которое трудно ощутимо вне его потребительной стоимости. Другими словами, они выражают качество товара с двух разных, но органически связанных сторон. Поэтому качественное различение потребительной стоимости и стоимости, с одной стороны, с другой — учет их органической и неразрывной связи, имеет важное методологическое значение в теории и практике управления. Не случайно, в современной марксистской литературе уже длительное время обсуждается проблема потребительностоимостного отношения (Ельмеев В.Я и др.), но, к сожалению, в основном в аспекте противопоставления потребительной стоимости и стоимости.

Потребительная стоимость находится в центре внимания и в современной теории предельной полезности (в маржинализме), но основном в аспекте только субъективной *оценки* товара, а не его субъек-

тивно-объективного качества, т.е. вне его полезности (субъективная сторона) и того, как эта полезность удовлетворяется (объективная сторона, выраженная в затратах труда). Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром, подчеркивает Маркс. Чтобы производить товар, человек должен производить потребительную стоимость для других, *общественную потребительную стоимость*. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан другому посредством обмена. Наконец вещь, не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления [1, 49]. Маркс впервые в экономической мысли доказал двойственный характер заключенного в товаре труда. Всякий труд, пишет он в «Капитале», с одной стороны, есть расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле — и в этом своем *качестве* одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости [1, 55]. Важное значение для теории и практики управления имеет обоснование Марксом разделения труда как общей закономерности. В совокупности разнородных потребительных стоимостей проявляется, пишет Маркс, совокупность полезных работ, столь многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие товарного производства, хотя, наоборот, товарное производство не является условием существования общественного разделения труда. Только продукты самостоятельных друг от друга независимых частных работ, противостоят друг другу как товары. Здесь возникает естественный вопрос, существуют ли в современных условиях самостоятельные друг от друга независимые частные работы и если существуют, то какие и в каких условиях? Вопрос этот решается в плоскости анализа господствующей общественной формы товарного производства как глобально монополистического и ультраимпериалистического, а не просто рыночного, как у нас в основном рассматривается. Чисто рыночное хозяйство — это абстракция, которая образует исходный аспект анализа. В этом и только в этом заключается его методологическое значение. Поэтому не случайно, что Маркс сначала рассматривает чисто рыночное хозяйство и его общие закономерности, а затем переходит к анализу его исторических форм и переходу от простого товарного производства к капиталистическому. Рассматривая относительную форму стоимости и эквивалентную, Маркс особо подчеркивает, что они соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие моменты, но в то же время друг друга исключающие. Для того чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара выражается в стоимостном отношении двух товаров, необходимо рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно поступают как раз наоборот. При этом, замечет Маркс, что различные вещи становятся количественно соизмеримыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражение одного и того же единства, они являются одноименными, а следовательно и соизмеримыми величинами [1, 58].

К сожалению, в нашей экономической теории метод количественно-качественного анализа практически не применяется, а если и применяется, то как два разных метода анализа — количественный и качественный, что и приводит, на наш взгляд, в теории и практике управления к субъективизму под видом объективного анализа, когда мысль о предмете ставится на место самого предмета. Чисто количественный аспект, как и чисто качественный возможны только в сознании человека, которое, абстрагируясь от реального предмета, сначала отдельно анализирует количественную и качественную стороны предмета. Но, поняв их в отдельности, мы должны синтезировать их в аспекте единого органического целого. *Определенному качеству свойственно и определенное количество, а определенному количеству — качество*. Такое их действительное соотношение есть *всеобщая закономерность.* Не менее важное методологическое значение имеет и подчеркиваемая Марксом мысль, что человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но *сам труд не есть стоимость*. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Именно на это обстоятельство нам бы хотелось обратить особое внимание, когда у нас идет речь о рынке труда. В чисто рыночном хозяйстве никакого рынка труда в принципе быть не может. Но в капиталистическом хозяйстве рынок труда приобретает основополагающее значение, так как в нем сам труд становится товаром.

Данное положение Маркса имеет важное практическое значение при рассмотрении труда как товара. Если рассматривать труд как свойство человека, как его способность к определенному действию, то это неотъемлемое свойство человека, которое не может быть товаром. Товаром является продукт труда, который и обладает стоимостью, так как в нем заключен труд. Сам же труд, что и подчеркивает Маркс, не является стоимостью. Поэтому, когда в наше время речь идет о труде, то надо четко определить контекст рассмотрения, то есть то, о каком труде идет речь: о рабочей силе, о процессе труда (производства), о продуктах труда, о труде как факторе производства, о трудовых ресурсах и т.д., или о современном капиталистическом хозяйстве. Так, когда речь идет о труде как факторе производства, то здесь труд должен

рассматриваться как использование рабочей силы в процессе производства (труда), как трудовые ресурсы в действии. Когда же речь идет о трудовых ресурсах, то имеется в виду состояние рабочей силы в аспекте ее возможного применения в процессе производства. Данное положение имеет особенно важное значение в теории и практике управления. Здесь мы должны, прежде всего, последовательно определяться в подходе к анализу труда. Сначала — как свойства человека, затем в аспекте его использования в производстве (как фактора), из чего вытекают соответствующие требования по формированию труда (трудовых ресурсов) с точки зрения их дальнейшего функционирования и достижения поставленных целей.

Не менее важное значение для теории и практики управления имеет анализ Марксом товарного производства и капиталистического. Товарное производство не является синонимом капиталистического. Оно является исходным пунктом капиталистического производства. Товарное производство — это (Т — Д — Т). Капиталистическое производство — это (Д — Т — $Д^1$). В своей чистой форме процесс обращения товаров обусловливает собой обмен эквивалентов. Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров, как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства [1, 208]. В этом смысле, как мы ранее особо подчеркивали, говорить о рыночной экономике, о законах рыночной экономики, значит переводить анализ в плоскость совершенно абстрактного представления о существовании якобы чистого товарного производства товаров и их обмена, реальность которого уходит в далекое прошлое племенного общества. В наше же время следует говорить о капиталистическом рынке товаров в его самых разнообразных формах, с одной стороны. С другой, следует иметь в виду и другие, некапиталистические формы товарного производства и обмена, корни которых уходят как в прошлое, так и в настоящее и в неизбежное будущее. Исходя из того, что всякий непосредственно общественный или совместный труд нуждается в большей или в меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, Маркс подчеркивает, что функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности. Прежде всего, движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного труда, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного труда. По мере того, как растут размеры средства производства, растет и необходимость контроля над их целесообразным применением. *Кооперация наемных рабочих,* пишет Маркс, *есть только результат действия капит*ала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Далее Маркс рассматривает, как с развитием кооперации, функция управления все больше и больше переходит от капиталиста к группам рабочих особой категории наемных работников. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. А за капиталистом сохраняется главная функция — функция господства и распоряжения, функция властного управления или руководства. Капиталист, пишет Маркс, не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала. Рассматривая взаимоотношение наемного работника и капиталиста, Маркс подчеркивает, на наш взгляд, очень важное положение, на которое практически не обращается внимания даже в марксисткой литературе, что капиталист покупает рабочую силу как индивидуальную производительную силу, а использует ее благодаря кооперации как коллективную производительную силу. И эта коллективная производительная сила является производительной силой не труда, а капитала [1, 345].

С этой марксистской точки зрения, на наш взгляд, следует рассматривать и весь процесс капиталистического производства и воспроизводства. Источник эксплуатации наемных работников надо искать не в процессе производства или труда как общественного процесса, в котором всегда есть руководители и исполнители, труд по руководству и управлению и труд исполнительский, а в системе общественного распределения, где действуют не только экономические закономерности, но и социальные, политические, идеологические. А главный вопрос — это вопрос о власти. Вопрос о власти приобретает исключительное значение не только в аспекте осуществления властного руководства, что закономерно, но главным образом в аспекте распределения общественного блага. Систему распределения надо выводить не из экономического фактора, а из социального и политического. Естественно, экономический фактор дает опреде-

ленные возможности распределения путем создания благ. А как эти возможности используются и реализуются, зависит от социально-политического строя общества.

Литература

1. **Маркс К.** Капитал. — М., 1968. — Т.1. — 905 с.
2. **Панченко И.С.** Развитие экономической мысли и управления хозяйственными системами // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2002. — №27. — С. 159-162.
3. **Панченко И.С., Туфанов А.О.** Актуальные проблемы современного управления. — СПб, 2010. — С. 208-225.

ИСТОКИ И УРОКИ

В.С. Шкрабак, докт. техн. наук, профессор СПбГАУ,
Р.В. Шкрабак, канд. техн. наук, доцент СПбГАУ,

Четверть века после лихих девяностых, последствий «перестроечных процессов» страна с трудом поднимается из руин, укрепляя свою обороноспособность, экономику, социальную сферу, постепенно повышая благосостояние членов общества. Множество проблем, доставшихся нашему руководству страны в наследство, требуют напряженного труда и сплоченности общества, выбора рациональных путей динамичного развития страны, её возвращения в число ведущих держав мира с ростом благосостояния ,численности населения страны и сфер, обеспечивающих эти потребности. Мудрая внешняя политика страны всё больше укрепляет авторитет России в мировом сообществе. Об этом свидетельствует ряд деловых контактов со многими странами мира. Ориентация на решение сложнейших вопросов современности в ряде регионов мира политическими методами снискала уважение Президенту страны и стране в целом. Расширение торгово-экономических, культурных, энергетических, научно-технических и других связей со странами континента, наблюдаемое в последнее десятилетие, подтверждает верность выбранного курса взаимоотношений. Истоки бед, нагрянувших на страну в конце-начале девяностых по ряду направлений преодолены, по части из них хоть и с трудом и медленнее, чем нужно и хотелось бы, преодолеваются. Судя по методам и средствам их преодоления, его динамики есть уверенность в том, что в ближайшие годы и эти части проблем будут решены, несмотря на всякие санкции и помехи как вне страны, так и внутри неё. Выводы из истоков девяностых и уроки из их последствий позволили нынешнему руководству страны и обществу в целом определить вектор развития и двигаться в направлении не только динамичного восстановления упущенного, но и наращивания на основе научно-технического прогресса, трудолюбия и сплоченности нации, экономической мощи страны и решения на этой осне социальных и других проблем. Свидетельством тому являются решающие успехи в направлении обороноспособности страны, весомые успехи в строительстве (особенно жилищном), в аграрном секторе экономики, автомобилестроении и др. Не видеть успехов в перечисленных и других направлениях развития страны — значит смотреть на них с «закрытыми глазами». Однако вместе с тем нельзя не обращать внимание и на те недостатки, которые сдерживают интенсивное развитие экономики страны.

Речь идет о переориентации с «сырьевой экономики» на производственную, об интенсивной поддержке тех направлений деятельности, которые крайне необходимы практически каждодневно и в перспективе (к примеру агропромышленный комплекс, здравоохранение, образование, наука, социальная сфера, культура и др.), преодолении коррупции (а по существу — казнокрадства), прекращения практики вывоза капитала из страны и размещение его в других странах (способствующих развитию тех стран, а не страны, где эти капиталы накоплены и часто незаконным путем), о пресечении практики ухода от налогообложения и несоответствующего мировой практике уровня его (бедных слоев населения, средних и олигархических кругов), ликвидации низкого уровня повсеместного использования отечественных научно-технических достижений, немыслимых диспропорций в уровне оплаты труда в различных слоях работающих, несоответствии этого уровня вложенному труду, наведение порядка с правосудием, произволом чиновничества , ликвидации других негативных явлений в обществе.

Особого внимания заслуживают молодежь — будущее страны. Это им, молодым, вершить судьбы и прогресс Родины, нации. Практика показывает, что обществу, Отечеству, родителям есть основания быть спокойными за будущее Отчизны. Наши воспитанники продолжат созидание и, в случае необходимости, отстоят честь, достоинство и границы Отечества. Примеров тому несть числа практически во всех сферах деятельности. Вместе с тем из истоков конца-начала девяностых некоторым из многих не удалось определиться с созидательным жизненным путем. По воле своей и судьбы незначительная часть из них оказалась в рядах террористов, не определившихся с путями созидания, преступников, выпивох и нарко-

манов, доставляя хлопоты родителям, семьям и обществу Причин тому много, в том числе и материальное положение семей, трудности материального обеспечения семьи из 3-4 человек работающими отцом и матерью, невозможности содержания семьи кормильцем — главой семьи. Отсюда раздоры в семье, разлад, разводы, полуосиротевшие дети, необеспеченные престарелые родители (особенно инвалиды). Приходится от производственников слышать, что сейчас с уходом на пенсию в прошлом кадров-профессионалов, трудно найти токаря или сварщика высокого уровня профессионализма, несмотря на большую потребность. Истоки тому — лихие девяностые, разрушенные профессионально-технические училища (к сожалению не восстановленные до настоящего времени ,несмотря на огромную потребность), полуразрушенное среднее (особенно средне-техническое) профессиональное образование (первый из авторов прошел средне-профессиональное обучение в техникуме и знает ему цену в работе, жизни и последующем обучении в ВУЗе, аспирантуре и докторантуре). Переход ВУЗов на подготовку бакалавров тоже вызывает много нареканий у производственников, которым нужны специалисты, а не бакалавры. Не зря некоторые вузы (хотя и единицы) вернулись к специалитету, т.е. пятилетнему сроку обучения и выпуска специалистов. И чем страна быстрее определится в этом вопросе, с учетом запроса производства, тем больше будет пользы.

Вызывают нарекания и вопросы невосприимчивости отраслей экономики в использовании достижений отечественного научно-технического прогресса. Исключение составляют государственные предприятия, где в основном это реализуется. Акционерные общества, частные структуры в большинстве ориентированы не на затраты, связанные с использованием НИР, а на получение яко-можно больших доходов с существующих производств, доставшихся в основном со времен Союза. Между тем наука всё более стеснена в разработке и реализации новых направлений в технологиях, методах и средствах их реализации. Анализ показывает, что использование в широкой практике уже полученных результатов могли дать со временем существенные прибыли в различных видах экономической деятельности. Касаясь, к примеру, наземного колесного транспорта, тракторов, комбайнов, дорожно-строительной техники с поршневыми двигателями отметим, что их принципиальные недостатки общеизвестны [1], потенциальные возможности в части повышения эффективности практически исчерпаны [2]. И тем не менее известные им альтернативные энергетические установки (к примеру газотурбинные двигатели [3, 4] или бескривошипно-шатунные [5], имеющие практически по всем конструкционным, эксплуатационным, экологическим и массо-габаритным параметрам существенные принципиальные преимущества (осредненно в 2 раза), подтвержденные практикой эксплуатации опытных образцов, массово не используются в серийном производстве. Аналогичная ситуация и с видами минерально-сырьевых жидких топлив (бензин, дизельное, керосин), монополизирующих в указанных энергетических установках. Сегодня специалистами страны и мира доказана возможность и необходимость по экономическим и экологическим соображениям перевести автотракторные поршневые двигатели внутреннего сгорания на сжиженный газ. Дошло до того, что уже премьер-министр страны Д.А. Медведев в день Конституции 12.12.2017 г. на всю страну напомнил специалистам об этой возможности и необходимости. Однако помните, пока «гром не грянет, мужик не перекрестится» (между тем здесь это касается не тех мужиков, которые пашут и сеют, а тех, которые разрабатывают и поставляют пахарям и сеяльщикам такую технику). Ведь налицо не только нынешние преимущества указанных направлений, но и наличие в этих направлениях существенных потенциальных возможностей, реализация которых позволит иметь преимущества не в 2, а осредненно — в 3 раза по сравнению с современными поршневыми двигателями и названными жидкими топливами.

Надо бы учитывать и постоянное стабильное развитие научно-технического прогресса. В настоящее время отечественной [6] и мировой наукой доказана возможность работы энергетических установок мобильных машин на получаемом из воды водороде. Лабораторные исследования по этому направлению крайне необходимо выводить на дороги, поля и леса страны, как это делают в США и Японии (где с декабря 2016 г. серийно начали производиться легковые автомобили, работающие на водороде, а в США — и вертолет на том же топливе). Почему так медленно всё новое в стране так трудно доходит до полей и дорог, не объяснить ничем, кроме закоренелой инертности. В рождающих эти результаты коллективах нет средств на реализацию в широких масштабах разработок; получить гранты на это — значит затратить не меньше сил, чем на разработку, а кроме того, уровень грантов настолько мизерный, что серьезных сдвигов (кроме модельных или лабораторных установок для реализации) не получить.

По указанному направлению можно было бы приводить массу примеров. На ещё на один хотелось бы обратить внимание. В одном из выступлений полгода назад, отмечая востребованность сегодня и в перспективе в специалистах для страны, министр науки и образования отметила 5 ведущих направлений: технические, медицинские, педагогические, безопасность жизнедеятельности, физико-математико-химические. Касаясь технических направлений и безопасности жизнедеятельности, научно-педагогической школой ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский ГАУ» «Эксплуатационно-энергетическое и эргономическое

обоснование высокоэффективных и безопасных средства механизации и электрификации процессов АПК» за последние полвека достигнуты существенные научно-практические результаты. В их числе обоснованные и созданные 3 опытных образца газотурбинных тракторов семейства «Кировец», прошедших с положительными результатами лабораторные и дорожно-полевые испытания в составе пахотных, транспортных и бульдозерных сельскохозяйственных агрегатов на базе Северо-Западной МИС, НИПТИМЭСХ НЗ РСФСР, совхозов «Детскосельский», имени Ленсовета и учхоза «Пушкинское» [3, 6]. Предполагаемый перевод серийного производства тракторов семейства «Кировец» на газотурбинные двигатели, намечавшийся на начало девяностых годов по известным причинам не состоялся. Кроме того, зная сколько бед и горя приносят травматизм и заболеваемость на производствах, обоснована и разработана стратегия и тактика динамичного снижения и ликвидации производственного травматизма и заболеваемости в АПК [7]. Работы одобрены и рекомендованы к внедрению 5-ю решениями научно-технических советов МСХ СССР, РСФСР и РФ, как выполненных на мировом уровне. Новизна их подтверждена 230 патентами на изобретения. Над решением проблем за указанные полвека работало около 200 специалистов, аспирантов и докторантов по линии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский ГАУ» Кировского завода, Всероссийского НИИ охраны труда в сельском хозяйстве (г. Орел), Ярославского, Брянского, Орловского, Курганского, Челябинского СХИ(ныне академий и университетов)., Мордовского, Курганского и Орловского госуниверситетов. По результатам этих работ защищено более 200 диссертаций, в числе которых около 165 кандидатских и 35 докторских. Однако широкого внедрения результатов в практику АПК страны нет, несмотря на настоятельную необходимость в этом.

Ориентация на приобретение зарубежной техники пагубна по нескольким весомым причинам. В их числе превышающая в 2-3 раза цена зарубежных аналогов по сравнению с отечественными; потеря отечественного потенциала кадров данного направления и материально-технической базы; отсутствие запчастей и ремонтной базы; транспортные и таможенные расходы и другое.

И тем не менее по указанным направлениям, хотя и с минимальной интенсивностью, продолжаются работы названными и другими организациями. Весомый вклад в решение проблем вносит ФГБОУ ВО Санкт Петербургский ГАУ, АО «Спецмаш», ООО «Научный центр «Керамические двигатели» им. А.М. Бойко, ООО «Научно-технический центр «Стекло и керамика», структуры Кировского завода и другие. Ограниченное финансирование существенно сдерживает развитие проблем и их внедрение в практику. Отсутствие финансирования со стороны частных структур на разработку, испытание и внедрение новых решений по обсуждаемым проблемам очевидно будет иметь место и дальше. Тогда, очевидно, нет ясности, за чей счет эти решения будут выполняться. Бюджетное финансирование крайне ограничено. Одним из путей выхода из ситуации может быть опыт СССР — введение 1,5-2 % налога с производственных и архиприбыльных компаний на НИР. Тогда значительная часть проблемы и в части разработок, и в части внедрения, решались бы более интенсивно. Застой в решении названных проблем способствует разрушению отечественного научного потенциала, что противоречит интересам страны.

Литература

1. Николаенко А.В., Шкрабак В.С. Энергетические машины и установки. Двигатели внутреннего сгорания. Учеб. пособие, СПб, Изд-во СПбГАУ, 2005. 438 с.
2. Агеев Л.Е., Шкрабак В.С., Моргулис-Якушев. Сверхмощные тракторы сельскохозяйственного назначения. — Л.: Агропромиздат, Ленингр. отд-ние, 1986 — 413 с.
3. Шкрабак В.С. Эксплуатационно-эргономические свойства мобильных агрегатов с газотурбинным двигателем (теория, практика, конструкция). Монография.Часть 1. «Теория». С.-П., СПбГАУ, 1998, 500 с.
4. Шкрабак В.С., Шкрабак Р.В., Шкрабак В.В Мобильная энергетика — фундамент индустриализации АПК и других отраслей экономики страны. Вестник Петровской академии. 1-2 (34-35). С.-П.. 2014 г., с. 31.
5. Патент 2084664 Российская Федерация. МПК 6 А F02B 75/32. Двигатель внутреннего сгорания Шкрабаков. Авторы: Шкрабак В.С., Шкрабак В.В., Шкрабак Р.В., Шкрабак Р. Вас. Опубл. 20.07.1997. Бюл. 20.
6. Шкрабак В.С. Биобиблиографический указатель трудов / С.-Петерб. гос. аграр. ун-т. Библиотека: сост. Н.В. Кубрицкая, Н.С. Розанова — 3-е изд. перераб. и доп. С.-П., 2017. — 252 с. (поз. 855).
7. Шкрабак В.В. Стратегия и тактика динамичного снижения и ликвидации производственного травматизма в АПК (теория и практика). Монография. С.П. 2007 г. — 580 с.

Раздел II

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ

ЛЮБОВЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ЦИВИЛДИЗАЦИИ

М.Н.Миловзорова
канд. фил. н., доцент БГТУ «Военмех» им. Д.Ф.Устинова

Научный и прикладной интерес к исследованию ценностных основ русской цивилизации на протяжении первых двух десятилетий XXI века интенсивно возрастает с каждым годом. Он обусловлен тем, что результатом глобальной экспансии ценностей западной цивилизации — конкурирующего индивидуализма (эгоизма), этического релятивизма, либерализма, гедонизма, нарциссизма, потребления, конформизма, толерантности, унификации — явился глобальный экологический кризис, сопровождающийся непрекращающейся ожесточенной борьбой за ресурсы, которые экспоненциально истощаются вследствие внедренной в 40-е годы XX века экономической системы *расширенного воспроизводства*. Императивами данной системы являются: максимизация производства, максимизация прибыли и максимизация потребления. В свою очередь данные требования сформировали новый тип человека — homo consumers и новый тип культуры — массовую культуру потребления. Сегодня мы наблюдаем, как справедливы были предупреждения выдающегося исследователя причин заката Европы О. Шпенглера о том, что «диктатура денег продвигается вперед и приближается к своей естественной высшей точке, как в фаустовской, так и во всякой другой цивилизации», что «природа исчерпывается, земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению» [9, 537]. Шпенглер предлагал трактовку цивилизации как завершения культуры — культуры, словно окаменевшей под взглядом Медузы Горгоны — техносферы, сложившейся в результате scientia experimentalis — «ведущегося с *пристрастием* допроса природы при помощи рычагов и винтов» [9, 533], с торжеством *идеи машины* «как малого космоса, повинующегося воле одного только человека» [9, 533], что привело к тому, что «люди сделались рабами своего создания. Их численность и все устройство образа жизни оказались вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно остановиться хоть на миг» [9, 535]. На наш взгляд, в этих словах заключается аксиологически актуальный ответ на вопросы: *почему* происходит закат Европы и почему активно навязываемые всему миру космополитические ценности себя полностью дискредитировали.

7 февраля 2014 года в Сочи состоялась церемония открытия зимних Олимпийских игр, которая повлекла за собой аналитические (главным образом, культурологические) исследования по расшифровке символов и посланий, содержавшихся в перфомансе. Силу воздействия этой церемонии, свидетелями которой и сопричастными к которой оказалось более 3 миллиардов людей**,** тогда признали все мировые средства массовой информации, в том числе и масс-медиа «санкционирующих» Россию «партнеров». Это мощное воздействие было связано прежде всего с тем, что Россия впервые за много лет вновь продемонстрировала миру ключевую ценность, на которой зиждется русская цивилизация — Любовь. Ее аллегория была представлена в образе пронзительно-трепетной летящей девочки, глядя на которую, невозможно было не вспоминать слова Ю.Гагарина и других космонавтов о том, насколько хрупкой и прекрасной их взору предстала наша планета. Девочка во сне-мечте воспаряет в небо и видит проплывающую под ней Россию, но Россию не земную, не материальную, а её небесное отражение, словно эйдос Платона. Более того, ***Россия зовет за собой весь мир***, предлагая отвергнуть псевдоценности конкурирующего индивидуализма, гедонизма, релятивизма, унификации, ведущих к деградации и отмиранию. Россия предлагает выбрать жизнь, мир, нравственное здоровье, радость творческого труда [4, 145].

Следует акцентировать внимание на главной отличительной черте органической интерпретации единства в русской идее — противопоставлении живого неживому. Если технократическая цивилизация

Запада для объединения народов использовала насилие, претворяя в жизнь кредо: «спаять железом лишь и кровью», то единство (соборность) русского народа, напротив, было добровольным и обусловливалось *любовью к одним и тем же ценностям*.

Мы полностью разделяем мнение нашего выдающегося соотечественника И.А.Ильина о том, что любовь есть духовная ***воля к совершенству*** предмета любви [2, 59]. Это касается и любимого человека, и любимого Отечества, и любимой природы, и любимой планеты, и любимой Вселенной — и так до бесконечности. Кроме того, И.А.Ильин показал, что человеку доступна двоякая любовь: любовь инстинкта и любовь духа, которые не антагонистичны, но сочетаются сравнительно редко. Различие их заключается в том, что любовь инстинкта ищет того, что данному человеку *субъективно нравится* (выражая это русской поговоркой, «по милу хорош»), чтобы слепо и безосновательно приписывать ему в воображении возможные совершенства. Любовь духа ищет *подлинно (объективно)* хорошего («по хорошу мил»), тяготеет к качеству, достоинству, совершенству [3, 156-157].

Обращаясь к работам И.А.Ильина, мы находим необыкновенно актуальные замечания по поводу кризиса культуры, из под которой выбиты нравственные опоры. Философ указывает на *духовные раны* обреченной культуры, которая создавалась человечеством без веры, без сердца, без созерцания и без совести. Культура без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унизительную, мучительную жизнь. Расколотый человек всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом «разум», «разумный», и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем «настроения». Если ему удается держать кое-как равновесие между тем и другим, то его существование становится выносимым; если это ему не удается, то он становится жертвой ипохондрии и ведет жалкое существование. Главной целью его становится обогащение; все иное, высшее — недоступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святыни не существуют для него. Отсюда эта беспредметная тоска и скука жизни, которая владеет современным «цивилизованным», но культурно и духовно опустошенным человеком [2, с. 47-48].

Основная ложь и зло эгоизма заключается в том, что, приписывая себе безусловное значение и абсолютную ценность, человек *отказывает другим* в этом значении, признавая себя центром жизни, он других помещает на периферию своего бытия, оставляя за ними лишь относительную ценность. Как справедливо отмечал В.С.Соловьев в статье «Смысл любви», «рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом» [7, с. 155].

Полагая, что смысл человеческой любви есть оправдание и спасение индивидуальности *через жертву* эгоизма, В.С.Соловьев утверждал: «Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т. е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его [7, с. 152].

Феномен преодоления эгоизма через сострадание раскрывал также А.Шопенгауэр, различавший *три основные пружины* человеческих поступков: 1) эгоизм, который желает безграничного собственного блага; 2) злоба, которая считает благом чужое горе и стремится к этому; 3) сострадание, которое хочет чужого блага и потому служит действительной основой *свободной* справедливости и *подлинного* человеколюбия. На наш взгляд, злоба есть лишь вариация, частный случай эгоизма, и мы бы оставили всего две «пружины»: эгоизм и его диалектическую противоположность — любовь, то есть способность к состраданию. Сострадание Шопенгауэр связывал с упразднением *разницы* между людьми (так называемой «перегородки», отделяющей одно существо от другого), с *отождествлением* одного человека с другим человеком и желанием блага другому человеку как желанию блага своего собственного. Помимо упразднения разницы налицо и упразднение эгоизма тогда, когда человек чувствует горе *другого* как свое собственное [8, 205-207]. Как же возможно такое отождествление себя с другим? Только с помощью *познания*, метафизического умозрения, и Шопенгауэр заключает, что чем более развит интеллект, тем больше повышается и восприимчивость к страданию, способность словно выйти за пределы эгоизма, по-

сле чего «не-я» до некоторой степени превращается в «я» [8, 206]. Верно выявленная взаимосвязь интеллекта и духа приводит нас к выводу о том, что для того, чтобы в обществе преобладали «пружины» сострадания, а не эгоизма и злобы, необходимо постоянно расширять кругозор граждан, а не сужать технологиями примитивизации и одномерности мышления.

В.Н.Сагатовский в работе «Русская идея: продолжим ли прерванный путь?» представил цепочку ключевых ценностей, которые одновременно являются категориями, раскрывающими существо русской идеи, ее «неповторимого вклада в сокровищницу мировоззренческих ценностей становящегося единого человечества», следующим образом:

Соборность → Всеединство → Софийность → Общее дело → Ноосфера [6, 164].

Главной чертой русской идеи в данной цепочке выступает *соборность*, определяемая как «воля к любви против воли к власти». [6, 103]. Основными элементами соборности выступают: 1) сочетание (взаимная дополнительность, паритет) свободы и единства; 2) любовь как «*идущее изнутри взаимное принятие самоценности друг друга»*, как *единство в многообразии*, являющаяся основой этого сочетания; 3) абсолютные ценности, на которые направлена эта любовь [5, 34-37].

Согласно органической интерпретации русской идеи, совместная жизнь на Земле должна строиться на началах любви. Любовь есть базовая ценность русской цивилизации, вокруг которой (здесь автор представляет метафору стержневой корневой системы у растений) формируются остальные: защита жизни, нравственное здоровье, воспитание и усовершенствование духа, справедливость, совесть, интуиция, свободолюбие, соборность как ответственность за других людей, всемирная отзывчивость.

Пристальное изучение данных ценностей показывает, что по сути своей они являются *ноосферными*. Ноосферная аксиология русской цивилизации рассматривается нами как мера достижения устойчивого развития суверенных субъектов глобального общества, способная отменить энтропийный вектор движения по трансгуманистическому сценарию к эре, отрицающей человека. Поэтому России предстоит возглавить процесс освобождения граждан, населяющих биосферу Земли, от «блуждающих огней» потребительской цивилизации. И несмотря на искушение создать «маниловский раёк» на своей территории, Россия вновь берет на себя ответственность за всю планету. Действительно, достижение устойчивого развития на отдельно взятой (избранной) территории возможно лишь при геноциде остальных территорий. В 2005 году Ань Цинянь отметил: «Я бы рискнул сказать, что каждая нация, прежде всего, думает о себе, русские — о человечестве» [цит. по: 1, 187]. Эта мысль развивается в произведении И.А.Ефремова «Час быка» настолько, что настоящий человек не может быть счастлив, пасторально, по-маниловски, наслаждаться бегством (или, скорее, дезертирством) в «раёк» на какой-то отдельно взятой территории, если где-то во Вселенной творится несправедливость. 28 сентября 2015 года в речи на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которую многие аналитики впоследствии назвали знаковой и поворотной для будущей судьбы мирового сообщества, В.В.Путин наряду со ставшим теперь афоризмом риторическим вопросом: «*Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?*», отчетливо сообщил зов России всем народам мира, обладающим интеллектуальным потенциалом, заявил о недостаточности применения только *тактических мер* для преодоления экологического кризиса и о восстановлении нарушенного человеком баланса между биосферой и техносферой. Это выступление можно считать одним из шагов по долгому пути к созданию ноосферной цивилизации, отражающей ключевые позиции созидательного развития общества и являющейся важнейшим условием сохранения биосферы Земли как единого Дома бытия для всех народов, которые ее населяют. Именно принципы ненасильственного развития становятся ядром безопасности поколений, условием устойчивого развития человечества в целом, а не какой-либо «избранной» его части.

Таким образом, аксиологические основания русской цивилизации выражают мировоззренческие и футурологические императивы стратегии устойчивого развития государств глобального общества, обязательные для упреждающего учета угроз, рисков, вызовов глобализации, повышения качества жизни общества, создания экспертно-мониторинговой системы безопасности, бескризисного развития цивилизации в природе.

Литература

1. *Василенко В.Н.* Закон ноосферы субъектов цивилизации в управлении государств Земли: основы, условие, критерии безопасности России и глобального общества // Ноосферизм — новый путь развития: колл. научн. монография в 2-х кн. / Под науч. ред. Г.М. Иманова и А.А. Горбунова. — СПб: Астерион, 2017. 920 с. Книга I. 488 с.
2. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. // Ильин И.А. Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993.
3. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993. 431 с.

4. *Миловзорова М.Н.* Любовь как базовая ценность русской цивилизации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. СПб, 2015, — №3 (227), с. 145-150.
5.*Сагатовский В. Н.* Мировоззренческий проект. — М.: Издательство «Перо», 2013. 120 с.
6. *Сагатовский В. Н.* Русская идея: продолжим ли прерванный путь? — СПб: Петрополис, 1994. 217 с.
7. *Соловьев В.С.* Избранное. — М.: Советская Россия, 1990.
8. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность / Общ. ред., сост., вступ. ст. А.А. Гусейнова и А.П. Скрипника. — М.: Республика, 1992. 448 с.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1998.

ВОЙНА И ЛИМИТРОФЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Ф. Оропай
доцент. каф. философии и культурологии СПбГАУ

«Единство, — возгласил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью».
Ф. Тютчев, «Два единства».

В Толковом словаре Владимира Даля слово «война» имеет основной смысл *раздора* (т.е. ссоры, свары, несогласия, вражды и т.п.). И действительно, это слово вызывает чаще всего именно такие ассоциации. Однако имеются и коннотации, оттеняющие иную сторону войны. Это слово выступает и маркером сплачивающей воедино опасности.

Известно, что греческий философ Гераклит был убежден в метафизической вечности и созидательной стороне вражды. За непонимание этого он порицал автора «Илиады». Бессмысленно, по мнению отца диалектики, желать, подобно Гомеру, того, чтобы «вражда сгинула и меж богами и меж людьми». А по мысли русского мыслителя В.И. Вернадского, *мировая* война, в которую в июне 1941 г. вступил Советский Союз, должна была привести к глобальному торжеству *ноосферной идеи*. Вернадский крайне отрицательно отнесся к тому месту из знаменитого обращения В.М. Молотова от 22 июня, где говорилось об *отечественном* характере начавшейся войны. Вернадскому виделось в этом пассаже некое ограничение пределами одной страны всемирно-исторической значимости происходящей *консолидации* ноосферных сил. Именно такая смысловая составляющая слова, подчеркивающая *объединение* союзников, а не *вражду* противников представляется актуальной в контексте нашего изложения.

Русская революция 1917 г., разрушив империю Романовых, изменила политическую географию Европы. Не случайно, после нее в политическом лексиконе появился термин «лимитрофы» (от лат. limitrophus — «пограничный»), обозначающий совокупность государств, образовавшихся на территориях бывшей Российской империи. К ним относили Польшу, государства Прибалтики и Финляндию. Отношения советской и современной России с последним из перечисленных государств, по-видимому, имеют наиболее сложную историю, и этих отношениях мы ниже коснемся.

Одному из отцов-основателей Соединенных Штатов Б. Франклину принадлежит афоризм: «Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев». Но что происходит с этими «крохами» в дальнейшем? Не всех же ждет судьба США, которые, отложившись от Британской империи, сами превратились в мощнейшую мировую империю. Видимо, удел обломков империй с меньшей исторической субъектностью — быть втянутыми в орбиты более мощных политических образований, чаще всего, граничащих с ними. Это только в прекраснодушных мечтаниях академика А.Д. Сахарова с его проектом «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии» самоопределившиеся субъекты гипотетического Союза представлялись находящимися в некоем гомогенном пространстве позитивных политико-идеологических ценностей и опирающимися в «своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов».[1] Приходится признать, что война для государств-лимитрофов — самый очевидный путь к размежеванию с былой метрополией и приобщению к новому центру политического влияния. Спайка «железом и кровью» — исторически проверенный способ. Разумеется, в случае с геополитическими изменениями в Восточной Европе после 1917 г., речь идет

[1] Сахаров А.Д. Конституция Союза Советских республик. Проект. [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://constitution.garant.ru/history/active/1024/

о войнах с Россией (не обязательно красной), что не исключает вооруженных столкновений и между самими лимитрофами (как это было, например, между Польшей и Литвой).

По словам А.С. Пушкина, «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». И в таком отношении есть своя *антропологическая* сторона, что демонстрирует такой исторический пример. Когда в 1856 г. в долине Неандерталь, близ Дюссельдорфа, нашли фрагменты скелета ископаемого человека, ученые мужи сочли, что они принадлежали «казаку из конных отрядов, преследовавших армию Наполеона в 1814 году».[1] «Невежество» такой точки зрения имеет некоторое оправдание в тогдашней неразвитости палеоантропологии (находка случилась тремя годами раньше выхода дарвиновского «Происхождения видов…»). Что же касается «неблагодарности», то, как представляется, следует учитывать *дух места*, где эта находка состоялась. Географически долина несколькими десятилетиями ранее входила в состав Рейнского союза — пограничного вассала (можно сказать, «лимитрофа») наполеоновской империи, остававшегося верным ей вплоть до вторжения войск коалиции, во главе которой стоял русский царь, на французскую территорию. «Биологическое» неприятие русских населением наличествовало *до* оформления военно-политического союза и, как мы видим, не исчезло *после* его распада, однако способствовало его сплочению.

В мирные годы лимитрофы брали на себя роль пограничных стражей. Государственный деятель и девятый президент Финляндии М. Койвисто приводит в своей книге стихи финского поэта У. Кайласа (1901-1933), которые учил школьником в 30-е гг.: «Граница открывается как / полынья, впереди — восток, Азия. / Позади — запад и Европа, на страже / которых стою я»[2]. Стремление отграничиться от России затронуло не только сферу политической географии, но и лингвистики. Пограничную (до 1940 г.) реку Сестру финны переименовали в Райайоки, что и означает «пограничная река». Демонстрируя знакомство с восточнославянской этимологией, Койвисто вполне корректно производит название Украины «от русского слова *край*, что означает «пограничные земли»[3]. Но интересно, что финское «райа» также происходит от этого русского слова. Стремясь в целях демонстрации символического «отделения» от России ликвидировать *явный* русизм в топониме, его, сами того не замечая, заменили *скрытым*.[4]

Помнится, когда в середине 80-х гг. прошлого века автор статьи готовился к вступительному экзамену в аспирантуру по истории, ему довелось консультироваться с профессиональными историками по некоторым неудобным вопросам курса. Естественно, затрагивался и вопрос о начале Зимней войны 1939-40 гг. Удивляло, что знакомые историки (в неофициальных беседах) вполне безапелляционно отвергали тогдашнюю официальную точку зрения на развязывание советско-финской войны, согласно которой вся вина возлагалась на финскую сторону. Несоизмеримость масштабов и ресурсов воюющих сторон, по мнению консультантов, однозначно свидетельствовала об абсурдности этой позиции. Маленькая страна «по определению» не может быть агрессивной по отношению к большой. В этой связи вспоминается рифмованный афоризм Бонапарта, разоблаченный еще Л.Н. Толстым в «Войне и мире»: «Le gros bataillons ont toujours raison (Крупные боевые силы всегда одолевают)». Как известно, наполеоновские «le gros bataillions» по большей части сгинули в кампанию 1812 г. Л.Н. Толстой подчеркивал значение в войне не количественного, а *духовного* фактора, который он называет «неизвестным *X*».[5]

Нельзя сбрасывать со счетов и факторы иного порядка, уравнивающие несоизмеримые на первый взгляд военные силы. Можно привести такой пример. В прошлом столетии, когда существовало ныне разделившееся государство Чехословакия, абстрактный вопрос «могла бы чехословацкая армия завоевать Сибирь?» выглядел бы нелепым. Несоизмеримы пространства Сибири и бывшей Чехословакии. Однако же исторически так оно и было: в 1918 г., в результате антисоветского мятежа чехословацкого корпуса, перемещавшегося по железной дороге из Центральной России в направлении Владивостока, фактически вся обитаемая территория Сибири оказалась под его контролем. Так бывает: новый игрок, вмешавшись в игру, нарушил относительное равновесие сил в пользу одной из сторон.

Напрашивается аналогия с советско-финским конфликтом конца 30-х гг. К этому времени Советская Россия, уставшая от бешеных темпов социально-экономических преобразований, ослабленная в кадровом отношении и дезориентированная психологически сталинскими чистками, утратившая в значительной степени моральный авторитет из-за пакта с гитлеровской Германией, распылившая силы вследствие военных конфликтов на Дальнем Востоке, отнюдь не выглядела несокрушимой твердыней. И малые боевые силы в войне при таком раскладе имели бы немалые шансы на успех.

---

[1] Линдблад Я. Человек — ты, я и первозданный. — М.: Прогресс, 1991. — С. 112.
[2] Койвисто М. Русская идея. — М.: Весь мир, 2002. — С. 11.
[3] Там же. — С. 55.
[4] Успенский Л.В. Слово о словах. Имя дома твоего. — Л.: Лениздат, 1974. — С. 537.
[5] Толстой Л.Н. Собрание художественных произведений. — М.: Правда, 1948. — Т. 6. — С 109.

По нашему мнению, обе стороны имели свою заинтересованность в войне. Советской России жизненно необходимо было любой ценой отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда — второго по политическому, промышленному и логистическому значению города страны. Интересно, что еще в середине 30-х гг. предпринималась попытка переместить политический центр города на юг, подальше от границы. Тогда под руководством известного архитектора Н.А. Троцкого началось возведение Дома Советов у Средней Рогатки. По иронии истории, во время войны в этом здании располагался наблюдательный пункт командования Ленинградским фронтом, а немецкие артиллеристы обозначили его на своих схемах как ближайший к переднему краю ориентир «Parteihaus».

Западногерманский историк отставной генерал Дитмар в своей статье о финской кампании в войне с СССР упоминал (как о факторе, способствовавшем германо-финскому союзничеству) о «затеянной [Советским Союзом] под пустячными предлогами зимой 1939/40 гг. войне».[1] Не говорится о том, что никаких предлогов не было или что они были фальсифицированы советской стороной. Что же касается их «пустячности», то очень часто повод к войне выглядит малозначительным по сравнению с самой войной.

В случае с финской стороной, возможно, территориальные резоны в войне были второстепенными. На первый же план выдвинулся фактор *духовного единения* границы и центра. Антропологическая составляющая такового представляет особый интерес. Известен афоризм: «Когда не знаешь, как поступить, поступай по-человечески». Данная мудрость имеет и конкретно-историческое содержание, причем двоякое. Во-первых, не для всякого исторического периода характерна размытость мотивировок человеческих поступков, а во-вторых, представления о том, что значит «поступать по-человечески» исторически меняются. В этой связи приобретает актуальность философско-антропологическое понятие *образа человека*.

В настоящее время это понятие трактуется как единство *гносеологического образа,* совокупного результата познания феномена человека, и *нормативно-ценностного образца,* творимого в истории соответствующей культуры. В такой двойственности угадывается кантовское разграничение *теоретического* и *практического* разумов. В теоретической сфере, по Канту, решаются познавательные задачи, в том числе, и в антропологической сфере. С помощью же практического разума, определяются приоритеты долженствования, то, каким *должен быть* человек. В приведенном выше афоризме содержится как гносеологическая (касающаяся *знания* того, как поступить), так и нормативно-ценностная (образец для действия *по-человечески)* стороны. В одной из наших предыдущих публикаций[2] отмечалось, что историко-культурная жизнь образов человека является предметом постижения не только философской антропологии и социально-гуманитарных дисциплин, но и искусства. В связи с этим, под углом зрения проблемы властной преемственности в России, рассматривались образы, рожденные в *художественной антропологии* английского классика В. Шекспира. В нашем случае актуальным представляется другой английский классик, на этот раз XX в. Это *Ивлин Во* (1903—1966) с его произведением «Офицеры и джентльмены»(1955). В упомянутой предыдущей публикации подчеркивался *временной* аспект образа человека. В настоящей же статье, коль скоро в ней речь идет в большей степени о пограничных *территориях,* а не о временных *периодах,* актуализируется аспект *пространственный*.

Образ *английского джентльмена* явно выходит за пределы британской культуры. В каком-то смысле, английский джентльмен выступает воплощением *идеального европейца*. Вспоминаются рассуждения на сей счет тургеневского «джентльмена» Павла Петровича из «Отцов и детей», убежденного в том, что европейские социальные свободы и неотъемлемые права проистекают от английского благородного сословия. Главный герой книги И. Во британский офицер Гай Краучбек — католик по вероисповеданию и идеалист по убеждениям. Он был готов, подобно Дон Кихоту, «воевать со всем миром» — во имя *справедливости.* Джентльмена стать офицером побудило сообщение в прессе о советско-германском пакте 1939 г. «Все маски были сброшены», *мировое зло* явило себя в полной мере, поэтому он принял решение воевать и, если потребуется, отдать жизнь, за своего короля. Гай символически взял в руки *Меч чести,*[3] благоговейно коснувшись оружия какого-то несостоявшегося крестоносца, захороненного и почитаемого в местной церкви.

Период с сентября 1939 г. по май 1940 г. на западноевропейском театре военных действий получил название *странной войны,* что является переводом французского *drole de guerre*. Немцы использовали понятие *сидячая война* (*Sitzkrieg*). Немецкое обозначение вполне прагматическое, ведь *сидеть* можно и в засаде, поджидая удобного случая. За это время немцы без помех провели три успешных кампании на во-

---

[1] Мировая война. Сборник статей. — М.: Политиздат, 1957. — С. 135.

[2] Оропай А.Ф. Шекспировские образы на исторических переломах. — Ключъ: Философско-художественный альманах. — Вып. 10. — СПб.—Пушкин, 2016. — С. 56 — 61

[3] *Меч почета* (англ. Sword of Honour) — так называется первая глава книги И.Во. Более точным переводом представляется *Меч чести.*

стоке и севере. Французское же наименование ситуации, в которой пребывали войска западных союзников, выражает ее пугающую неопределенность. Война объявлена, войска заняли позиции, но активные военные действия практически не ведутся, что порождает сомнения в объявленных целях войны. *Странная война* поневоле вызывает ассоциацию с синергетическим *странным аттрактором,* т.е. фактором, чье воздействие на поведение системы непредсказуемо.

Естественно возникает желание ясности, т.е. в данном случае безупречной по целям и средствам войны, которая могла бы восполнить дефицит толстовского «неизвестного *X*», т.е. *духа войска*.

Во времена Афганской войны (а это была последняя из внешних войн, в которые был вовлечен СССР) среди западной общественности, открыто ставшей на сторону моджахедов, был распространен слоган: «Это наша испанская война». Т.е. проводилась аналогия с гражданской войной в Испании 30-х гг., имевшей большой мировой резонанс, и в которой на стороне республиканского правительства воевали отряды добровольцев из-за рубежа. (Интересно, что сам романтический образ справедливой войны в «дальней земле» Испании возник за десять лет до ее начала, в стихотворении М. Светлова «Гренада».) Герой И. Во порицал свое правительство за невнятную позицию по Испании. И вот — исторический дубль, советско-финская война! Вот реальная возможность «поступать по-человечески»! Гай с удовлетворением узнавал из прессы (благо воевать пока не приходилось), как «неуловимые лыжные отряды … прочесывают мрачные арктические леса и изматывают механизированные советские дивизии. <…> Английские войска, сдерживаемые лишь некоторыми дипломатическими осложнениями, находятся в пути для оказания помощи. <…> Маннергейм занимает в сердцах англичан место, завоеванное в 1914 г. королем бельгийским Альбертом».[1]

Московский мирный договор 1940 г. — первое разочарование, испытанное Гаем в его устремлениях. Второе — нападение Германии на Советский Союз и «неподходящее союзничество» его и Англии. Третье и самое сильное — объявление У. Черчиллем войны Финляндии (декабрь 1941г.). После этого — в войне «не имеет значения, кто побеждает. Раз мы объявили войну Финляндии».[2] Жесткий прагматик Черчилль оказался более гуманным, чем романтик Краучбек. Ведь первый перед объявлением войны пытался, письменно обращаясь к Маннергейму, остановить боевые действия хотя бы на одном участке многотысячекилометрового советско-германского фронта в самый тяжелый для русских период. Жалко только, что проводимые политиками курсы являются менее долгоживущими сущностями, чем образы человека.

Для Гая же даже союзничество руководства Финляндии с Гитлером никакого значения не имело. Поэтому в 1943 г. он, находясь в Лондоне, с презрительным безразличием глядел на длинную очередь своих соотечественников, «ревностных почитателей меча», «который был изготовлен по повелению короля в качестве дара «людям со стальным сердцем — жителям Сталинграда».[3] Ведь в его сознании, «русские виноваты не меньше немцев». Как уже отмечалось, для первой главы книги аутентичное название — «Меч *чести*». Одна же из последних глав, где и идет речь о королевском даре, именуется «*Государственный* меч». Дело политики правительства и дело чести джентльмена разошлись диаметрально.

Складывается впечатление, что умонастроение героя И. Во, идеализировавшего роль Финляндии в 1939-44 гг., распространено не только в Западном мире, но и в нашей стране. Так, участие Финляндии во второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии не акцентируется. Финны, подчеркивая свою обособленность, предпочитают употреблять словосочетание «война-продолжение» (разумеется, Зимней войны 1939/40гг.). В этой связи вспоминается, как автору, обучавшемуся тогда на военной кафедре Ленинградского университета, доводилось ознакомиться с фронтовыми агитационными материалами. Запомнился финский солдатский песенник, в котором в каждом тексте неизменно повторялись два понятные без перевода слова: «Hitler» и «Suomi». Боевое содружество гитлеровцев и финнов (закончившееся в сентябре 1944 г.) — факт столь же неоспоримый, сколь и не афишируемый.

Удивительно, но отечественные гиды, сопровождающие туристические группы в Финляндию неизменно подчеркивают «джентльменство» финнов и их главнокомандующего, повторяют небылицы о том, что финские войска остановились на старой границе и не хотели обстреливать Ленинград из пушек. Как будто финские войска не стояли за рекой Свирь, не захватили Петрозаводск — столицу Советской Карелии и Ухту — «столицу» бывшего Северокарельского государства, существовавшего в начале 1920-х гг. при финской же военной поддержке. И как свидетельствует письменный ответ Маннергейма Черчиллю на его обращение осенью 1941 г., останавливаться на достигнутом рубеже финский главнокомандующий

[1] Во И. Офицеры и джентльмены. — Минск: Беларусь, 1989. — С. 128.
[2] Там же. — С. 429.
[3] Там же — С. 434.

не собирался, заявляя: « …я не могу закончить военные операции, которые сейчас идут, до тех пор, пока мои войска не выйдут на позиции, которые, по моему мнению, обеспечат необходимую безопасность».[1]

Причиной того, что на Карельском фронте установилось в конце концов относительное затишье, явилось отнюдь не благородство финской стороны, о чем с определенностью писал генерал Дитмар: «Осенью 1943 г. перед финскими и немецкими войсками насчитывающими около 550 тыс. человек и находившимися в превосходном состоянии, действовали силы русских, не превышавшие 270 тыс. человек. Тот факт, что эта благоприятная обстановка не была использована, объясняется исключительно политическими причинами».[2] Что же касается отсутствия артобстрелов Ленинграда («любимого города Маннергейма») со стороны финской полуокружности блокадного кольца, то вспоминается известный анекдот про Бонапарта. Император отчитывал какого-то артиллерийского начальника за то, что тот не открыл огонь в нужный момент. Когда артиллерист, перечисляя оправдательные причины, первым пунктом назвал отсутствие пороха, император его прервал: дальнейшее излишне.

Можно изыскивать глубокие моральные основания тому, что из 150 тысяч вражеских снарядов, которые обрушились на город, не было финских. Однако действительные причины были физико-географического и технического порядка. Финны, по счастью, не захватили ближних пригородов и не имели в своем распоряжении господствующих над городом высот, вроде захваченной гитлеровцами горы Вороньей, с которой, по словам поэта М. Дудина, «весь Ленинград как на ладони». И тактико-технические характеристики финской артиллерии в период с 1941 по 1944 год были таковы, что она «фактически не имела возможностей обстреливать Ленинград. Даже если мы возьмем в расчет трофейные 180 мм железнодорожные транспортеры, которые действовали на железной дороге Терийоки (Зеленогорск) — Койвисто (Приморск). Также отметим, что до Кронштадта (ныне — части Санкт-Петербурга) финские артиллеристы доставали и абсолютно не стеснялись его обстреливать».[3]

Между тем, в Санкт-Петербурге в честь «благородного» Маннергейма организуются выставки, а недавно даже предпринималась попытка (по счастью, неудачная) установить на Захарьевской улице посвященную ему памятную доску. Один видный государственный деятель на этом торжестве заявил, что его виновник даже дольше служил России, чем Финляндии. По такому счету, и генерал-предатель Власов также заслуживает увековечивания благодарной памяти, ведь он, если считать по выслуге лет, во много раз дольше прослужил в Красной Армии (и не без успеха), чем в гитлеровском вермахте.

Склонность к идеализации политики нашего северного соседа не является детищем недавнего времени. Скорее, здесь имеет место наложение новоявленного западничества на традицию советского прекраснодушия, развившегося после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией (1948). В те времена, длившиеся вплоть до краха Советского Союза, о Финляндии было принято говорить «или хорошо, или ничего». Так, прославленный разведчик С. Ваупшасов описывал в своих мемуарах 1970-х гг., как в мае 1941 г. он наблюдал секретную разгрузку в одном из оцепленных полицией финских портов целой германской дивизии. Разведчик находит немало слов негодования по поводу очевидного двурушничества, однако Финляндия при этом эвфемистически именуется неким «сопредельным государством». Автору довелось в тех же 1970-х гг. служить в Советской Армии, и, помнится, в наглядных пособиях по политической подготовке в числе тогдашних государств-членов Совета экономической взаимопомощи, в который входили ближайшие союзники СССР, значилась Финляндия, что отражало мечтания начальства, но не реальность. В те же времена в западном политическом лексиконе даже появился термин «финляндизация». В период холодной войны под ним понималось отложение какой-либо страны от западного блока, вовлечение ее в политическую орбиту советского блока при сохранении прежней социальной идентичности. Финляндии довелось выступать в роли «лимитрофа наоборот». А это имело и свои антропологические стороны.

В архаические времена реальный эмпирический человек и идеализированный образ человека по сути не различались. Не случайно, например, этноним «ненец» в аутентичной транслитерации означает «настоящий человек». Условно говоря, со времен знаменитого *фонаря Диогена* сложилась практика искать образы настоящих людей в *иных пространствах*. *Физическая* удаленность Финляндии от Западной Европы и *социальная* — от СССР сыграла свою роль в отмеченной выше идеализации.

Видимо, имелась абстрактная возможность придания термину «финляндизация» не негативного, а, напротив, положительного смысла. Он означал бы в таком случае отношения между граничащими госу-

---

[1] М. Хейно. Как Черчилль объявил войну Финляндии.. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://inosmi.ru/history/20161219/238412796.html

[2] Мировая война. Сборник статей. — М., Политиздат, 1957. — С. 143.

[3] Почему «добрый» Маннергейм не обстреливал Ленинград. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nstarikov.ru/club/74547.

дарствами «не союзнические, но позитивно-нейтральные».[1] В таком виде в термине фиксировался бы и обобщался политический опыт Финляндии определенного периода, кульминацией которого стал *Хельсинкский* акт 1975 г. о безопасности и сотрудничестве в Европе.

Однако реалии современной международной жизни навевают ассоциации с другими периодами. Ключевыми словами политического лексикона становятся не «разрядка», «безопасность» и «сотрудничество», а «санкции» и «война» («холодная 2.0», «гибридная», «информационная» и т.п.). Тема лимитрофов (с иной номенклатурой) снова становится актуальной. Не случайно, украинский президент П. Порошенко в интервью финской газете Helsingin Sanomaat назвал сам себя «украинским маршалом Маннергеймом». Цитируемый выше М. Койвисто в 90-е гг. прошлого века инициировал поворот во внешней политике его страны от России к ЕС. Тогда и начался процесс «дефинляндизации» Финляндии.

Привычное уже именование финнами своего участия в мировой войне — «война-продолжение» — поневоле приобретает угрожающее звучание. Ведь если последовало *продолжение*, то можно ожидать и *завершения*? Так, первый президент независимой Украины Л. Кравчук недавно заявил, что его страна находится в трехсотлетней войне с Россией (видимо, отсчет ведется от предательства гетмана Мазепы). В такой измышленной «войне» (как, например, и в исторической Столетней) неизбежны перерывы и продолжения. Известно также, что некоторые из воинствующих украинских националистов публично грезят будущим парадом ВСУ на Красной площади в Москве, т.е. речь идет буквально о скорой войне-«завершении». К сожалению, чаемое Ф.И. Тютчевым «второе» единство, на основе любви, не состоялось. «Славянский мир» не «сомкнулся». Что касается финских «войн-продолжений» против России и ее союзников после сентября 1944 г., то, по крайней мере, один финн в частном порядке таковые вел. Это уроженец Выборга Л. Тёрни, который после выхода его страны из войны вступил в ряды вермахта, а после его капитуляции стал американским военнослужащим и был убит во Вьетнаме. Можно было бы считать это неким казусом (авантюристы есть в каждом народе), если бы в 2004 г., по результатам голосования телезрителей, Тёрни не занял бы 52-го места в так называемом «списке ста величайших финнов». Новое время взывает к жизни образы отнюдь не миротворцев.

О националистических настроениях в современной Финляндии, по традиции, говорить не принято. Однако они есть и усиливаются. Так, в своем недавнем разговоре с североамериканским коллегой нынешний финский министр обороны, «истинный финн» по партийной принадлежности, Ю. Нийнистё назвал своих соотечественников «поставщиками, а не потребителями безопасности». Повторяется знакомая песня: «Позади — запад и Европа, на страже которых стою я».

Как следует из предложенного рассмотрения, образ человека и выступает функцией определенной рациональной политики, и одновременно обладает относительной самостоятельностью от нее, имея автономные источники культурной подпитки. Образы *людей границы* — такие, как «вольные казаки» в русской культуре или «первопроходцы-фронтирсмены» в американской, — имели и имеют особую значимость. Корень этого видится в своеобразном наложении человеческой склонности к психологической идентификации с теми, от кого люди находятся в зависимости,[2] на так называемую «любовь к дальнему». Вполне понятно безотчетное чувство симпатии к тем, кто обеспечивает нормальное течение жизни и одновременно, вследствие своей удаленности, избавлен от ее унылой обыденности. Не случайно же книжный джентльмен Краучбек в мыслях видел себя с мечом крестоносца на краю «христианского мира».

Героико-романтический ореол подобных образов человека нередко использовался как идейный компонент в антироссийской политике (например, политика «санитарного кордона», составленного из лимитрофных государств). И если в настоящее время «приходится сталкиваться с тем, что трудно воспринимать иначе, как воссоздание санитарного кордона к западу от границ России» (С.В. Лавров), то неизбежна актуализация, имеющей, казалось бы, чисто исторический интерес темы лимитрофов. В антропологической проработке этой темы следует учитывать значимость обеих сторон образа человека — и как знания о сущем в нем, и как предписания должного ему. Как историко-культурные причины возникновения соответствующих образов человека, так и конкретно-ситуативная эксплуатация их в политической практике, должны быть рационально исследованы, доказательно вскрыты и наглядно продемонстрированы.

Литература

1. Во И. Офицеры и джентльмены. — Минск: Беларусь, 1989.
2. Койвисто М. Русская идея. — М.: Весь мир, 2002.
3. Линдблад Я. Человек — ты, я и первозданный. — М.: Прогресс, 1991.

[1] О термине «финляндизация». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://burckina-faso.livejournal.com/900091.html.

[2] В частности это проявляется в пресловутом «стокгольмском синдроме».

4. Мировая война. Сборник статей. — М.: Политиздат, 1957.
5. Оропай А.Ф. Шекспировские образы на исторических переломах. — Ключъ: Философско-художественный альманах. — Вып. 10. — СПб. — Пушкин, 2016. — С. 56-61.
6. О термине «финляндизация». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://burckina-faso.livejournal.com/900091.html
7. Почему «добрый» Маннергейм не обстреливал Ленинград. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nstarikov.ru/club/74547
8. Сахаров А.Д. Конституция Союза Советских республик Европы и Азии. Проект. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/active/1024/
9. Толстой Л.Н. Собрание художественных произведений. — М.: Правда, 1948. — Т. 6.
10. Успенский Л.В. Слово о словах. Имя дома твоего. — Л.: Лениздат, 1974.
11. Хейно М. Как Черчилль объявил войну Финляндии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://inosmi.ru/history/20161219/238412796.html

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тарба И.Д.,
Заслуженный работник Высшей школы Республики Абхазия,
зав. кафедрой философии и культурологи Абхазского госуниверситета,
г. Сухум, Республики Абхазия, т. +79407709942

Глобализация — одно из важнейших философских и политических понятий нашего времени. В любом случае глобализация означает нечто намного большее, нежели сращивание финансовых рынков или глобальная торговля товарами и услугами. Глобализация — это и тенденция к «*стиранию границ*» между многими условиями нашей жизни и нашего мышления. Мы видим, как границы теряют своё значение не только в качестве физических, правовых и культурных барьеров, но и в качестве рамок для обмена товарами, людьми, знаниями и идеями.

В условиях глобализации особенно актуальным становится вопрос о философских обоснованиях и осмыслении процессов интеграции и проблем национальной идентичности и уникальности, необходимости этнического и межнационального диалога и взаимодействия, осознания и сохранения культурного многообразия и своеобразия, роль каждой формы человеческой культуры в жизни человечества. При этом не следует забывать, что глобализация — это не природная стихия, которая обрушивается на нас словно непогода, а ещё и цепь решений с учётом мировоззрения и мировосприятия, что позволяет надеяться на более толерантное отношение к носителям других форм ментальности и культуры. Следует учитывать также объективный характер глобальных процессов в рамках всеобщего закона развития. Одновременно обращаем внимание и на субъективные факторы, обуславливающие характер и темпы протекания, в том числе интересы отдельных социальных групп, подталкивающих либо к ускорению, либо противодействию ей. Кроме того, в условиях информационного общества существенно повышается роль СМИ, влияющих всё сильнее на формирование общественного мнения, коллективных представлений, в том числе на этническое сознание и самосознание. С одной стороны, идея глобализации, активно внедряемая СМИ в коллективное и индивидуальное сознание людей, начинает воздействовать на бытовое этническое сознание. Идёт размывание этничности, подмена государственностью с помощью лингвистических средств. С другой стороны, понятие глобализации ещё не совсем утвердилось в сознании этносов и индивидуумов и, естественно, не совпадает с научным понятием «глобализация». Структура представления о глобализации в сознании людей находится в нестабильном состоянии, подвержена изменению под влиянием СМИ и др.

Речь и о процессах трансформации этнонационального сознания под воздействием меняющихся условий среды обитания Homo Sapiens, причём не только информационной, но и природной и техногенной. Национальные, религиозные, экономические, социальные и многие другие особенности уклада жизни сегодня уже не в состоянии формировать в человеке принадлежность к определённому государству, строю, обществу.

Сознание, в том числе и этническое, влияет на формирование коллективных — национальных и групповых представлений о глобализации. В связи с различием национальных интересов, менталитета, стиля жизни, общественно-исторического опыта наций коллективные представления о глобализации в высокоразвитом западном обществе отличаются от аналогичных представления населения, допустим

Абхазии и России. Напомним, что этноцентризм — базовый элемент развития культуры и сознания, заложенный в человеке в слое бессознательного, на архетипическом уровне, противопоставляет обычно как «свой-хороший» и «чужой-плохой». В оправдание этого же человека отметим, что он иначе не смог бы стать человеком, не обрёл бы самосознания. По нашему мнению, человечество вряд ли когда-нибудь освободится от этничности, не утратив своей сути. Даже в условиях современного глобального информационного общества. Чем плотнее контакты, тем больше оснований для этнической самоидентификации. Вспомним и народную мудрость — «*чем дальше, тем роднее*».

Специфика действия национального самосознания в переходный период приобретает особое значение в связи с разрастанием процессов вышеупомянутой глобализации, которые имеют непосредственное воздействие на область национального. Что касается последнего, то многие склоны полагать, что в условиях постмодерна национальное отжило свой век, и, как когда-то сказал Ф. Энгельс, но по другому поводу, должно быть отправлено «*в музей древностей рядом с прялкой и бронзовым топором*». Так, в частности, немецкий социолог Х. Беркинг обобщенно это мнение выразил следующим образом: «*Национальное» — перед лицом транснационализации рынков товаров, финансов и культур — ... в возрастающей степени утрачивает свое значение для конструкции коллективных идентичностей и подчиняется (или даже уступает место) тем формам идентичности, которые частично по-новому определены с социально-пространственной точки зрения, частично же являются полностью межтерриториальными*»[1].

Но мы не совсем согласны, что национальное, а тем более национальное государство, даже с учетом усиливающейся глобализации экономики, сохранится в качестве абсолютного инструмента решения сложного комплекса проблем, может в роли одного, пусть даже очень важного.

Парадокс заключается в том, что современные полиэтничные государства, каковым является и Россия, находясь в русле современных модернизационных процессов (*или стремясь к ним*), одновременно обнаруживают при этом небывалый всплеск национального самосознания, повышение интереса ко всему национальному, что может объективно вести к усилению процессов дезинтеграции, а значит, входить в определенное противоречие с интеграционными глобальными процессами. Уже в этом видна противоречивость взаимодействия глобального и национального и то, как могут меняться их роли и содержание. XX век был веком национального, именно на его основе появились ростки глобализации в форме интернационализации хозяйственной жизни. Именно из бесформенной, рыхлой совокупности, в частности, национальных экономик возникло целостное региональное, а потом уже и глобальное. Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что тогда национальное было, образно выражаясь, инициатором движения к объединению, его интеграционное ядро перевешивало дезинтеграционное. Национальное не было на периферии, а возглавляло модернизационные процессы. Соответственно этому вело себя и национальное самосознание, превратившись в мощное, устойчивое, сильное, уверенное в себе (*но не лишенное собственных противоречий*) явление, породившее глобальное сознание. Это был процесс продвижения национального самосознания снизу вверх по пути преодоления собственных инстинктов и принесения определенных социальных жертв на алтарь нового. Таким образом национальное самосознание как бы *поделилось своими полномочиями*, передав их часть глобальному сознанию. Это движение не было легким и безболезненным.

Сегодня же, когда глобализация громогласно заявила о себе, национальное из центра общественной жизни переместилось на ее периферию, утратив прежние позиции в системе национальное-глобальное. Теперь последнее диктует (*а не делегирует*) свои условия первому, которое утратило былые возможности в целенаправленной защите собственной, а потому и стало отвечать крайними и агрессивными методами. И как следствие — распространение мнения о том, что национальное, будучи конфликтным, по сути, противоречит глобальному и должно быть нивелировано. Такой акцент лишь на одну из характеристик национального, порожденную определенными обстоятельствами, позволяет игнорировать тот факт, что оно не является проявлением чисто национального, не сводится к замкнутости, лишающей национальное восприимчивости, зависимости и обусловленности. Национальное пребывает в различных состояниях, наполненных разным содержанием, и в зависимости от этого меняется соотношение в нем собственно-национального и приобретенного.

Многие задаются вопросом о том, в чем опасность модернизации для развития национального. Если учесть тот факт, что основу любого национального составляет национально-особенное, рожденное на специфически национальной почве, определенное именно этническим своеобразием, его самобытностью и являющееся истинным пристанищем национального, то очевидно, что речь идет об угрозах

[1] Цит. по *Мотрошилова, Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть вторая // Вопросы философии. 2004. № 12. — С. 7.

модернизации именно в этой области. *«В настоящее время в национально-государственном устройстве и культурном поле современной цивилизации сложилась достаточно парадоксальная ситуация: глобализация, дающая возможность реализовать в первую очередь экономический потенциал в любой стране мира, диктует необходимость уменьшения роли нации и национального государства, она микширует всё «национально особенное», подтачивает национальные традиции, вынуждает преодолевать культурные запреты, вызывая кризисные явления»*,[1] — пишет исследователь проблем глобалистики Т.Г. Струкова. Национальное самосознание тем увереннее, чем прочнее эта основа, ее расшатывание придает ему черты агрессии и нетерпимости, неадекватности в реакции на вызовы и угрозы. Оно становится крайне чувствительным, щепетильным, возбуждаемым по малейшему поводу. Думаем, глобализация наталкивается на «сопротивление» именно со стороны национально-специфического, доля которого в соотношении к национально-приобретенному, заимствованному становится меньше обычного. И не только в силу объективных причин, а как результат целенаправленной деятельности, которая далеко не всегда учитывает подлинные национальные интересы. Главная проблема современной модернизации по большому счету состоит в разрешении «спора» между национально-специфическим и национально-приобретенным, а деятельность агентов глобализации должна быть направлена не на усиление второго, а на их гармоничное сочетание.

Современная модернизация зачастую страдает абстрактностью, пользуясь универсалистскими подходами. Мы должны помнить о том, что роль и сила национального фактора у разных народов не одинакова и соответственно этому на разных уровнях развития находится и национальное самосознание. Нынешние реалии развития национального опровергают следующий утвердившийся «глобализационный» стереотип: чем слабее национальное и национальное самосознание, тем легче процесс модернизации, и наоборот. А, следовательно, его нужно ослаблять. Но парадокс этой внешне кажущейся правильности заключается в том, что слабое национальное способно отвечать силой своего национального самосознания, которое может быть индифферентным к воздействиям лишь при условии развитого национального. Поэтому те, кто вольно или невольно ослабляет национальное — даже из самых лучших побуждений, — способствует как раз таки его усилению, формируя национального Левиафана, справиться с которым становится все труднее. Отсюда же истоки экстремизма и терроризма.

Особой гордостью глобалистов являются достижения в экономической интеграции. «*Исторически сложившаяся структура международного разделения труда постоянно модернизируется путем переноса из высокоразвитых стран в менее развитые трудоемких, материало- и энергоемких, а также экологически обременительных этажей реального сектора экономики. Такой процесс носит более или менее каскадный характер: с самого верхнего уровня мировой технико-экономической пирамиды производственные мощности попадают, как правило, на ближайший к нему по уровню развития* “ярус”, *ускоряя темпы его развития. Оттуда со временем переносятся нижние* “этажи*” местного производства на следующий зарубежный* “ярус*” и т.д. Все это напоминает конструкцию многоярусного фонтана, когда вода, переполняя верхнюю чашу, последовательно стекает в расположенные ниже*»[2].

В таком каскадном втягивании, например, национальных экономик в глобализацию содержится вторая серьезная проблема для развития национального. Она — в разрушении веками сложившейся и обеспечивавшей выживание этноса структуры традиционных видов хозяйственной деятельности, в утрате национальных профессиональных навыков трудовой деятельности, национальных бытовых традиций художественных ремесел и промыслов, в которых выражен национальный дух. Смена основополагающих экономических основ существования этносов объективно и субъективно так или иначе ведет к закономерным потерям в самобытности. Проблема во многом состоит и в том, что, лишившись традиционных навыков в сфере труда и быта, многие народы оказываются не включенными или слабо включенными в современную индустриальную цивилизацию, а если это еще связано и с этностатусным понижением в модернизационной структуре, то велика вероятность маргинализации народа. С такими метаморфозами национальное самосознание не захочет мириться и начинает замещать этностатусный провал, повторяемся, всяческими «-измами». Тем более что примеров того, как отстающие народы совершили небывалый социальный подъем в глобализационной иерархии, практически нет, зато примеров падений, более болезненных для национального самосознания, предостаточно.

---

[1] *Струкова, Т.Г.* Глобализация: её отражение в современном романе/Научная мысль Кавказа. — 2003. № 1. — С. 30.

[2] *Шишков Ю.В.* Глобализация экономики — продукт индустриализации и информатизации социума / Общественные науки и современность. — 2002. № 2. — С. 150.

Затрагивая проблему о необходимости сохранения и приумножения национальной специфики правомерно говорить не о внешних ее атрибутах, ставших по большей части предметом туристической экзотики, и даже не о культуре — при всей ее важности, — а об экономической специфике, но в соответствующих времени реалиях. На волне экономической модернизации и приходят (*привносятся, насаждаются*) чуждые потребности, вкусы и ценности. Сопротивляется этому национальное самосознание, в том числе и уходом в себя, реанимированием архаики, повышением религиозности *(и отождествлением ее с национальным*) и т.д. По большому счету, во взаимодействии между национальными и модернизационными процессами нет ничего, что не отражалось бы на национальном самосознании.

Национальное сопротивляется модернизации, главным образом, из-за того, что она прибегает к одним и тем же образцам, имея дело с разными народами, государствами с их специфическими культурно-ценностными системами, в целом подразделяемыми на восточные и западные. Не потому ли упомянутая не однажды Н. Мотрошилова уверена, что эти различия не следует преувеличивать и превращать в «мнимое» противостояние двух ментальностей: «*при обращении… к ценностным системам, построенным на основоположениях восточной мудрости…, их неповторимое своеобразие, их отличия от системы, принципов и ценностей, положенных в фундамент современного европейского единства, не выглядят такими, чтобы отсюда обязательно вытекала* “война культур*”, тем более следовали кровавые военные конфликты, борьба Запада и Востока* “не на жизнь, а на смерть*”». Более того, при внимательном рассмотрении обнаруживается прочная ценностная почва для мирного взаимодействия и взаимообогащения всех культур. Но это лишь при условиях, исключающих доминирование какой-либо из культур…, притязаний* “своих*” систем ценностей на более “*высокий*” статус, … любой вид фундаментализма, экстремизма, терроризма, которые прикрываются ценностными, религиозно-идеологическими лозунгами или оправданиями*»[1].

В чрезмерной унифицированности, шаблонности, единообразии применяемых схем и их схематичности сквозит небрежение национальным, а значит, разнообразным. Такие черты современной модернизации роднят ее с ассимиляцией, которой национальное всегда противостоит независимо от того, естественна она или искусственна, потому что в ней кроется опасность деэтнизации. Уже существует в литературе, кино, СМИ образ современного человека, который, независимо от национальной и государственной принадлежности, одет в джинсы, ест чипсы и гамбургеры, пьет апельсиновый сок, кофе и пепси, пользуется японской аппаратурой, говорит по мобильному телефону, лечится аспирином[2]. В этом прослеживается не появление новых форм, возникающих на почве действительного взаимопроникновения и взаимообогащения культур, а развитие глобального консумеризма, безудержности стандартизованного потрибительства, тиражирование низкопробной массовой культурой.

Прежние страхи по поводу внедрения образа человека-унисекса сменились переживаниями по поводу человека, лишенного национальности (*униэтничного, если так можно сказать*). Неудивительно, что в таких условиях как бы неожиданно и беспочвенно вступает в действие национальный механизм в форме суверенизации, автономизации, национализма, ксенофобий, консервации любой самобытности, лишь бы она была своей — всего того, что З. Фрейд назвал «нарциссизмом малых культур», который порождает вражду ко всему иностранному, чуждому, к любым формам объединения. Но механизм этот запускается тогда, когда объективная опасность деэтнизации воспринимается таковой национальным самосознанием, формируя соответствующие психологические чувства и настроения. Национальное самосознание разных народов отличается уровнем восприятия одной и той же опасности, что объясняется этногенезом народов: одни чрезмерно привязаны к своему, к своей территории, языку, другие — менее. И, конечно же, их реакции на вызовы модернизации отличаются.

Литература

1. Цит. по *Мотрошилова, Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть вторая // Вопросы философии. 2004. № 12.- С.7.
2. *Струкова, Т.Г.* Глобализация: её отражение в современном романе/Научная мысль Кавказа. -2003. №1. — С. 30.
3. *Шишков, Ю.В.* Глобализация экономики — продукт индустриализации и информатизации социума / Общественные науки и современность. — 2002. № 2. — С. 150.

[1]*Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Вопросы философии. — 2004. № 12. — С. 5.

[2] *Гобозов, И.А*. Глобализация, стандартизация и шоу / Философия и общество. — 2002. № 3. — С.117-118.

4. *Мотрошилова,Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Вопросы философии. — 2004. № 12. — С.5.
5. *Гобозов, И.А*. Глобализация, стандартизация и шоу /Философия и общество. — 2002. №3. — С. 117-118.

ОБЩИННЫЙ АРХЕТИП, МАКСИМАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКО-РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Л.И. Сугакова
старший научный сотрудник СПбГУ

Сегодня, в год столетия Октябрьской революции, можно слышать и читать самые полярные мнения об ее причинах и последствиях. Советский период — кто называет трагедией, кто — триумфом. Представляется, что здесь, как всегда в сверхсложной социокультурной исторической ситуации, были сильно переплетены и позитивные и негативные стороны. Не случайно, один из современников этого периода так и назвал свою книгу — «Триумф и трагедия» (Д.И. Волкогонов).

Многие исследователи, изучающие новейшую историю России, справедливо указывают на присутствие в ней огромного, отличающегося особыми связями и характером проникновения в последующие типы культуры, архаического пласта. Они выделяют это в качестве характерной особенности российской культуры, отличающей последнюю от стран Западной Европы.

Нередко можно слышать, что в наше время отсутствуют и мышление и политики, соразмерные масштабам и проблемам России. Правда, лучше было бы сказать не мышление, а мировосприятие и миропонимание. Представляется, что это далеко не так. Именно в эти постсоветские годы, которые совпали со становлением постнеклассической мировоззренческой парадигмы во всей мировой научно-философской мысли, появилось новое мироучение и в Европе и у нас — синергетика, как учение о диалектическом единстве порядка и хаоса во всех природных, социальных и духовных процессах. Законы этого явления Россия серьезно испытала и продолжает испытывать на себе.

Наиболее значимым для нашей темы является исследование В.В.Васильковой: «Порядок и хаос в развитии социальных систем», где автор органически соединяет синергетическое мировидение с архетипическими истоками человеческого духа и рассматривает последние в индивидуальном сознании как алгоритмы мироупорядочения. В.В.Василькова справедливо отсылает нас к натурфилософским основаниям у древних космогоний различных народов, которые до сих пор являются безграничной сокровищницей образов и ассоциаций, связанных с осмыслением проблемы взаимопереходов хаоса и порядка. Современному культурному сознанию архетипы известны через посредство универсальных символов культуры, присущих общественному и индивидуальному осознанию (коллективное бессознательное). Причем глубоко исследуя К.Юнга, автор подчеркивает, что «благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа на уровне индивидуальной психики отражается некий общечеловеческий алгоритм мироупорядочения, в котором синхронизированы законы саморазвития Природы, Космоса, социума и человеческой души … и закреплены они в человеческом сознании как его особые образнологические константы».[1]

Хорошо известна убежденность К. Юнга в том, что западная культура давно сошла с естественного пути психического развития, в то время как Восток не окончательно сбился с этого пути. Россия, будучи страной евразийской, несет в себе немало естественных начал. Однако эти естественные начала имеют свои позитивные и негативные стороны. Фундаментом данной проблемы является вопрос о соотношении сознательности и стихийности в социальных выступлениях, то есть, говоря синергетическим языком — то же соотношение порядка и хаоса во внешней и внутренней массовой психологии народа, что и проявилось в период революции. Как отмечает О.А. Сухова[2] в своем редком и крупном исследовании истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) «стихийный характер народного движения в эпоху «общинной революции» как противоположности сознательности заждется на почве доминантного воздействия так называемого «общинного архетипа», вытесненного в сферу бессознательного».[3] Общинный архетип со своими идеалами коллективизма и справедливости, а главное с терпеливым «смирением» перед многовековым гнетущим бесправием в исторически сложившихся обостренных условиях проявил себя оборотной стороной — «бунтом»

[1] Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. — СПб, 1999. — С. 348-349.
[2] Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. — М. 2008. — С. 582, 581.
[3] Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. — М. 2008. — С. 581, 582.

восставшего крестьянства. Погромные движения толпы выступали как наказание «сил зла» и уничтожение всех символов «старого порядка».

Полуграмотному многомиллионному российскому крестьянству конца XIX века, жившему и трудящемуся среди российской природы, органически было свойственно первоначальное космогоническое мифорелигиозное мироощущение с его предельным восприятием порядка и хаоса. Согласно А.Ф. Лосеву «миф есть энергийное самоутверждение личности»[1]. Именно эти мифы самоутверждения были реконструированы исследователем О.А. Суховой. Не случайно ХАОС «общинной революции», вдохновленный построением Царства Божия на земле (или «черный передел») быстро сменился воинствующим ПОРЯДКОМ диктатуры пролетариата, как жесткой закрытой тоталитарной социальной системы, доходящей до массовых репрессий и братоубийственной гражданской войны. Представляется, что общим подходом к пониманию исторически переломного события является соотношение типа государства и основных типов личности в обществе, о чем писал еще в конце 18 века И.Г. Гердер в своем великом труде «Идеи к философии истории человечества». Известно, что к осени 1917 года в России не было уже никакого государства: ни монархии, ни республики. Именно большевики оказались той силой, которая сохранила государство, хотя и в форме диктатуры. Но за ними пошел народ, ведь само слово «большевики» от корня большинство.

Но кем был народ в начале 20 века? Осмысливать революцию и ее движущие силы надо с органической точки зрения, то есть с точки зрения внутреннего возраста народа, о котором писал еще в 19 веке известный историк С.М. Соловьев. Юность народа — это время сильных страстей, максимализма вплоть до экстремизма, дальше идет время возмужания, обретения чувства реальности, разумной взвешенности и волевой сдержанности. В своем юном естественном состоянии, как и в первобытно родовом, человек направляет свое сознание главным образом на внешний мир, и затем только на мир внутренний, на свое духовное самоощущение, самосознание и самостояние. Так случилось и с нашим молодым народом. Ведь почти все говорят, что подавляющее большинство населения России в это время было крестьянским (больше 80 %). Но почему-то оно редко рассматривается как главная движущая сила революции со всеми ее трагедиями и победами, кроме отмеченного выше исследования О.А. Суховой. Но тут нам может помочь «зеркало русской революции», т.е. Лев Толстой, о котором ярко, но по-разному писали и Владимир Ленин, и Николай Бердяев. Ленин постоянно подчеркивал, что наша революция была крестьянской и что Толстой является «зеркалом» наивной, мягкотелой патриархальной деревни, а в своем творчестве он несет кричащие противоречия. С одной стороны — самый трезвый реализм, срывания всех и всяческих масок. С другой — юродивая проповедь «непротивление злу насилием» и пропаганда религии по нравственному убеждению, что Ленин считал самой утонченной и потому «особенно омерзительной поповщиной»[2]. Как можно видеть, духовно-нравственную сущность религии Ленин совершенно не ощущал. Отсюда можно понять его воинствующее богоборчество и жестокое участие в гибели духовенства.

Следует подчеркнуть, что уже к 1916 — 1917 годам эта «патриархальная мягкотелость», выраженная в вековых долготерпениях народа, напичканная отвлеченными теориями разночинцев и усиленная трагическими судьбами солдат, вдруг обернулась пробуждающимся «Ревом племени», о котором писал В. Муравьев в известном сборнике о русской революции «Из глубины»[3].

С полярных мировоззренческих позиций, с большей глубиной и нравственно-психологической тонкостью, по-своему пророчески писал о влиянии на революцию Льва Толстого известный русский философ Н.А.Бердяев. На этом следует остановиться подробнее. Бердяев доказывает, что русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства — в ней отпечатался русский толстовский морализм и русская аморальность, которые являются двумя сторонами одной и той же болезни нравственного сознания[4]. Саму болезнь философ видит, прежде всего, в отрицании личной ответственности, в слабом развитии чувства долга и чести. Моральная настроенность русского человека характеризуется по Бердяеву «болезненной претензией». Толстой весь погружен в природный коллективизм, который представляется ему жизнью божественной, пишет Бердяев. Он весь погружен в жизнь телесно-душевную. И вся религия Толстого есть требование такой всеобщей кроткой животности. Во имя счастливой подобной жизни всех отверг он личность и всякую сверхличную ценность. Мыслитель называет Толстого максималистом, игнорирующим всякую историческую преемственность. Именно этот мотив мы и слышали в словах революционной песни: «отречемся от старого мира». Бердяев

[1] Лосев А.Ф. Из ранних произведений. — М. 1990. — С. 484.
[2] Ленин о Толстом. — Тула, 1978. — С. 15-16.
[3] Муравьев В. Рев племени // Из глубины. М.-Пг. 1918. — С. 186.
[4] Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. — М., 1990. — С. 134-135.

пишет, что толстовская мораль, его непротивленчество обезоружила и расслабила русский народ, оставила не преображённой животную природу человека, она не знала ни греха, ни покаяния, возрождающего человеческую природу. Представляется, адекватней было бы сказать, что писательский гений Толстого был не так вдохновителем, как отражательным зеркалом реального массового «душевно-телесного» сознания многомиллионного полуграмотного крестьянства того времени.

В заключении, обобщая философ пишет о недостаточной духовной возмужалости русского народного сознания, на которое он смотрит с точки зрения целостной трансцендентно-имманентной духовной вертикали или с точки зрения христианского триединства (Дух-Душа-Тело). Трансцендентные переживания в массе народной, пишет Бердяев, сопровождались чувством религиозного благоговения и покорности, но они не переходили в имманентное переживание святыни и ценности. Внутренняя духовная зрелость в революции не достигается. И это верно. Но настоящая стихийная многомиллионная революция дает первоначальный прорыв, выход народным массам к новой жизни: к образованию, профессии и культуре, хотя и на атеистической, односторонне материалистической основе. Этот природно-душевный коллективизм, выросший на вековой общинности крестьянства, построил крепкое государство с выдающимися достижениями промышленности и техники, науки и образования, медицины и культуры, с победой в Великую Отечественную войну. В этом многолетнем творчестве, в трудовых и военных деяниях закалился и духовно возмужал характер и интеллектуальный уровень народа, стало активно созревать внутреннее самосознание личного достоинства.

В связи с этим партийно-государственный абсолютизм, сплачивающий ранее людей, из стимулирующего превратился в тормозящий развитие личности фактор. Это и привело снова к массовой потребности в индивидуальных свободах, что и случилось в стране в конце 80-х — начале 90-х годов 20 века. Но, к сожалению, это произошло при слабом и не интеллектуальном руководстве страны. Как сейчас говорят, с излишней доверчивостью к нашим западным партнерам.

Повышение роли человеческой индивидуальности обусловливает иную постановку вопроса об индивидуализме как мировоззренческой позиции человека. Так, в конце 80-х годов Ю.А. Замошкин, ратуя за новый подход к индивидуализму, подчеркивал, что прежде в нашей литературе он трактовался как абсолютизация позиции отдельного индивида в его противопоставлении обществу. Изучалась связь исторических судеб индивидуализма с развитием предпринимательства, рынка, конкуренции и института собственности, но связь индивидуализма с созданием правового государства, с самоценностью человека и его индивидуальных свобод серьезно не рассматривалась.[1]

Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что у молодого поколения меняется направленность ценностных ориентаций жизненного мира от социальной к индивидуальной. Наглядным отражением различных жизненных миров старшего и младшего поколений явились результаты сравнительного социологического исследования жизненных установок учащихся и выпускников СПБГУ, проведенного автором статьи в 1994 г. В ценностном сознании универсантов имеются как общие черты, присущие всем поколениям, так и специфические качества, свойственные жизненно-мировоззренческим установкам того или иного поколения, созвучные конкретной эпохе и ее историческим событиям.

К общим чертам можно отнести: выраженный интерес к фундаментальности и всесторонности университетского образования, его научным школам, интеллектуальной атмосфере, а также стремление к полноценной культурной жизни, включающей традиции и современность. Среди характерных черт старших поколений можно назвать: целеустремленность и работоспособность, увлеченность наукой, личное деятельное участие в решении профессиональных и общесоциальных проблем, четко выраженные общественно-политические интересы, известное единомыслие учителей и учеников. Эти черты особенно ярко проявились у довоенного и военного поколений. Несколько слабее они представлены у поколений студентов 50-60-х годов — времени «оттепели» и освоения Космоса. Значительное ослабление этих качеств и одновременно рост значимости других, ориентированных преимущественно на личную жизнь и собственное духовное развитие, на узкопонимаемый профессионализм, престижность и материальное благосостояние, наблюдаются у студенческой молодежи 70-80-х годов.

Как можно интерпретировать сложную духовно-историческую эволюцию Жизненных миров универсантов? Представляется, что она имеет как негативные, так и позитивные аспекты. В первую очередь она отражает специфику переломной исторической эпохи, которая характеризуется сменой мировоззренческой парадигмы и переоценкой ценностей в массовом сознании, что часто влечет за собой крайние, экстремистские взгляды и нормы поведения. Если раньше энергия и активность молодежи были устремлены на преобразование внешнего мира, то в последние десятилетия исследователи обнаруживали

[1] Замошкин Ю.А. За новый подход к проблеме индивидуализма // Вопросы философии. — 1989, № 6. — С. 4-6.

значительный рост ценностных ориентаций именно на личные интересы, в том числе материальные, на семью и собственное духовное совершенствование. Можно констатировать, что таким образом рождались движущие силы, которые стимулировали кардинальные перестроечные процессы в обществе и обновление страны.

Несмотря на тенденцию к усилению индивидуалистического мировоззрения молодежи, исследования последних лет (1994-2014 гг.)[1] показывают, что подавляющее большинство молодых людей ориентированы на сочетание государственных и индивидуальных ценностей. Они ощущают себя гражданами России, но считают, что новая российская государственность еще не состоялась.

Итак, в начале XX в. социальность человека в России носила более непосредственный характер. А в настоящий период личностная связь индивида с социумом приобретает опосредованный, отчужденно-индивидуалистический и формально-правовой характер. В обществе наблюдается рост «формальной рациональности» (М. Вебер). Одновременно меняется социальный характер основных черт молодежи. Но, как уже отмечалось, изменения эти подготовлены объективным ходом культурно-исторического развития и в социальном, и в индивидуальном плане. В то же время у многих людей, в том числе у молодежи, в конце перестроечного десятилетия наблюдается процесс преодоления крайних, односторонних позиций, и они высказываются за оптимальное, разумное сочетание индивидуальных и общественных интересов.

Социологические исследования в 90-е годы показали растущие потребности людей в индивидуальных свободах: в политической, экономической, духовно-культурной сферах. Но развал огромной страны во всех областях показал еще недостаточную возмужалость народа и его экономико-правовую неопытность. Говоря о новой России, Бердяев был пророчески прав, предсказывая, что «она не будет цельной по своему духовному облику, в ней более резко будут разделены христианские и антихристианские начала. Но христианский дух России должен явить свою силу, даже если большинство отпадет от него»[2].

---

[1] Исследования выполнены сотрудниками лаборатории проблем молодежи НИИКСИ СПбГУ под руководством проф. А.А. Козлова.

[2] Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. М., 1990, с. 139

Раздел III

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЯ 1917: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

П.И. Смирнов,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Введение

События октября 1917 года не имеют однозначной оценки в российском общественном мнении. Их называют «Великой Октябрьской Социалистической революцией» и «большевистским переворотом», что обусловлено соперничающими интересами социальных групп, придерживающихся разных идеологических позиций. Но парадокс в том, что приверженцы разных идеологий опираются на одну и ту же (марксистскую) теоретическую концепцию эволюции общества, используя понятия «капитализм» и «социализм». Это препятствует адекватному осмыслению названных событий. Нужны новые теоретические средства, и в настоящей статье события Октября 19917 г. осмысливаются на основе концепции, в которой эволюция общества прослеживается с точки зрения возможности самореализации в нем человека как социального существа [Смирнов, 2004: 12-22].

Теоретико-методологическая основа статьи.

Причины отказа от марксистской схемы эволюции общества, в которой эволюция прослеживается как смена общественно-экономических формаций, состоят в том, что сама схема и описание ее этапов построены теоретически не вполне корректно. Признаки, с помощью которых описываются формации (общественная и частная собственность, рабовладение, насильственный и экономический способы эксплуатации человека человеком, товарно-денежные отношения и т.д.), произвольно взяты из общественной практики. Сами по себе эти признаки отражают действительность, но они не заданы изначально в качестве «строительных элементов» теории, поэтому их корректное сравнение невозможно. Марксизм есть учение, а не теория [Смирнов. 2017. № 3. С.14-23. С.18]. Кроме того, эта схема однолинейна. Она предполагает поступательную (и прогрессивную) смену одной формации другой, теоретически не рассматривая попятного (и циклического) развития. Наконец, в ней не учитывается множественность сфер общественной жизни, следствием которой (множественности) одни и те же события, являясь прогрессом в одной сфере, оказываются регрессом в другой.

Теоретические средства описания событий Октября 1917. Основным средством их описания (и осмысления) служит схема эволюции, включающая в себя идеальные типы дикости, варварства, цивилизованного сообщества, напряженной, служебно-домашней и рыночной цивилизаций [Смирнов, 2004: 12-22]. Непосредственно для осмысления октябрьских событий используются следующие идеальные типы:

Цивилизованного сообщества, понимаемого как объединение людей, возникшего на основе общего языка, религии, общей исторической памяти, групповой идентичности. Ему свойственно наличие учителя нравственности, который учит отличать добро от зла, и общих правил взаимодействия со «своими» и «чужими». В светском варианте сообщества религия заменяется идеологией, а учителем нравственности становится вождь. Цивилизованные сообщества называют культурами, цивилизациями, культурно-историческими типами.

Напряженной цивилизации, понимаемой как объединение людей, в котором организованное меньшинство узурпировало право применения силы по отношению к большинству. Меньшинство эксплуатирует обслуживающее его большинство. Примеры: Римская, Османская, Британская империи, империи Карла Великого, Чингисхана и т.д.

Служебно-домашней цивилизации, понимаемой как объединение людей, возникающее под влиянием внешних условий: природной среды и внешней опасности. В богатых природными ресурсами поймах ве-

ликих южных рек возникают общества с чертами служебно-домашней цивилизации (далее СДЦ). Таковы общества Месопотамии, Древнего Египта, Китая, Индии. Для них характерно доминирование ценности «общество» над ценностью «личность», коллективной служебной деятельности, домашнего хозяйства, которое определяется не размерами, а направленностью на «удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей» [Вебер, 1923: 8].

Аналогичные признаки присущи обществам, формирующимся под влиянием внешней опасности (таковы византийское, российское и, отчасти, китайское общество).

Рыночной цивилизации, понимаемой как объединение людей, возникающее в небольших разнообразных ландшафтах с естественными транспортными путями и относительно небольшой внешней опасностью. Таковы общества Карфагена, Афин, Новгородской республики, современных стран Запада. Для них характерно доминирование ценности «личность» над ценностью «общество», эгодеятельности (деятельность для самого деятеля) в рыночной форме, рыночного хозяйства, цель производства которого — получение прибыли.

Основное содержание статьи

Сходство признаков идеального тип СДЦ и реальных обществ в России и СССР. Подробное сравнение содержится в ранее опубликованных статьях [Смирнов, 2014а: 115-132; 2014б:104-126], ниже сравниваются лишь важнейшие признаки.

Факторы возникновения.

Постоянная внешняя опасность — главная причина, толкнувшая Московскую Русь на путь служебно-домашней цивилизации. Борьба на два фронта вынуждала московских государей концентрировать в своих руках всю силу русской земли [Данилевский, 1995: 496-497; Тойнби, 1995:157-158]. Угрозы с Запада и Востока, смертельно опасные для существования русского народа, принципиально отличались механизмом воздействия. Западные соседи, захватывая русские земли, сохраняли население для дальнейшей эксплуатации. Русским не грозило физическое истребление. Они подвергались постепенному изменению национальной идентичности путем смены религии, изменений в языке и бытовой культуре, что смертельно опасно для существования самобытного народа. Под влиянием римлян и германцев исчезли кельтские племена, жившие на территории современной Франции. Почти полностью были онемечены полабские и приморские славяне и т.д.

На Русской равнине в результате захвата славянских (и русских) земель германцами, литовцами и поляками после нашествия татар прекратилось складывание единого народа в бассейне Великого водного пути. Под влиянием католичества, организационной структуры польского государства и польского языка на территориях нынешней Украины и Белоруссии началась смена прежней идентичности, основанной на православии и древнерусском языке. Результаты ее проявились в настоящее время.

Восточные соседи стремились либо полностью истребить русское население там, где оказывалось возможным вести пастбищное кочевое скотоводство, либо захватить русских в плен для продажи в рабство. По примерной оценке, за четыре века после татар в турецкий плен было уведено от 3 до 5 миллионов человек, т.е. только турки (с помощью крымских татар) увели в плен массу, почти равную всему населению страны в середине XVI века [Солоневич,1998: 404]. В ситуации постоянной внешней угрозы цивилизованное сообщество движется в сторону СДЦ, подчиняя всю свою жизнедеятельность нуждам обороны.

В Московской Руси для этого формировались слои служилых людей (стрельцы, дворянство). Была введена воинская повинность, поскольку безопасность России могла быть гарантирована только ею, а она из факторов несвободы является первым и решающим [Солоневич, 1998; 46]. Другие сословия тоже были обязаны выполнять определенные повинности в пользу государства, поэтому со времени Петра «весь народ был запряжен в государственное тягло: дворянство непосредственно, а прочие сословия посредственно…» [Данилевский, 1995: 421-422]. Дополнительными причинами, способствовавшими формированию общества с признаками СДЦ в России, были практическое и духовное влияние Золотой Орды и Византийской империи, а также вотчинный тип Московского государства. Благодаря им усиливалась струя служебной деятельности в стране. Монголы ввели методы хозяйствования (подушная подать, переписи населения и др.), заимствованные ими из Китая (страны почти классической СДЦ). Впечатляли русских князей, ездивших в Орду за ярлыком на княжение, беспрекословное повиновение хану и жесткая дисциплина, которые были залогом военных успехов монголов. Усваивали они также достоинства и пороки служебной деятельности, доминирующей в Орде.

Главным средством византийского влияния была православная вера. Долгое время русскими патриархами были греки по происхождению, греки толковали русским Евангелие, учили иконописи и т.д. Византийское право повлияло на становление русского законодательства [Ключевский, 1995. Кн. 1: 182-189]. Была заимствована идея о связи власти православного монарха с церковью, о его задаче хранить православную веру [Трубецкой,2003: 179-182 и др.]. Воспринимались и элементы служебной бюрократии, не-

обходимые для управления государством. Черты византизма усваивались тем легче, что сама Восточная Римская империя приобрела черты СДЦ под влиянием внешней опасности. Ей еще раньше пришлось держать оборону на два фронта — на юго-востоке, сдерживая натиск персов, арабов, турок-мусульман, и на северо-западе, отбиваясь от разного рода «варваров».

Вотчинный тип Московского государства усиливал струю служебной деятельности тем, что, поскольку московские государи владели княжеством на правах личной собственности, другие лица оказывались их свободными или несвободными слугами, которым позволено пользоваться земельными или иными угодьями на условиях выполнения определенных обязанностей и повинностей.

Струя же рыночной эгодеятельности не получила в Московской Руси простора для развития. Русские люди в условиях того времени (климат, внешняя угроза, междоусобицы), чтобы выжить, должны были вести «многоотраслевое хозяйство». Крестьянин пахал землю, сеял хлеб и держал скот, производя для себя и частично на рынок предметы домашнего хозяйства, утварь, ткани и пр. Аналогично действовали стрельцы и мещане. Бойкая торговая деятельность людей в тогдашней России не была подкреплена прочным специализированным производством на рынок, следствием чего явилось отсутствие в стране мощного слоя хозяев-рыночников (буржуа).

В советский период внешняя опасность также была важной причиной, толкавшей развитие страны в русле СДЦ. Она проявилась сначала в виде иностранной военной интервенции 1918-1921 гг. и создании «санитарного кордона» вокруг Советской России. Позже в форме экономической блокады, нашествии германского фашизма, создании блока НАТО и пр. Имели значение и традиции служебной деятельности, унаследованные от царской России

Перечни высших ценностей в царской России и СССР включают ценность «общество», свойственную идеальному типу СДЦ (она нашла в царской России своеобразное преломление в виде ценности «отечество»). Но в России высшими ценностями стали также «вера» и «царь», а в СССР — «личность вождя» и «марксистская идеология». Ценность «отечество» всегда была прочной в сознании русских людей. Массовый и индивидуальный героизм при защите Родины был им свойственен во все времена, и не случайно две крупнейшие войны в нашей истории названы «отечественными». Поведение выдающихся государей и государственных деятелей (Петр I, А.В. Суворов, П.А. Столыпин и др.) также свидетельствует, что отечество было для них высшей ценностью.

Наличие и сходство других (аналогичных) ценностей в царской России и СССР обусловлено выполняемыми ими функциями. Религия и коммунистическая идеология обеспечивали духовное единство сообщества (и общества). В царское время православие объединяло русских по признаку «свой — чужой». Оно служило средством самоотождествления каждого человека со своим народом, без чего народ не смог бы сохраниться как единый самобытный организм. Быть русским и быть православным фактически означало одно и то же. Кроме того, в годину невзгод православие придавало русским людям духовные силы, укрепляло волю и приносило утешение. Оно хранило основы народной нравственности, уча различать добро и зло, что является самым важным, но и самым трудным в жизни человека и народа. Не случаен чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни в период татарщины, когда русские метались, ища точку опоры [Трубецкой, 2003: 162]. Но по мере укрепления и усиления светской власти в России значение веры постепенно падает, религиозность народа слабеет. К концу царской России в обществе развивается равнодушие к религии, резко проявившееся в отношении к церкви в период большевистской революции. Ведь народ, пусть не без сопротивления, пусть с чувствами возмущения и негодования, но допустил избиение священнослужителей, ограбление церкви, разрушение храмов. В ослаблении религиозного чувства повинны просвещение и атеизация. Но более важную роль сыграло подчинение церкви светской власти. Упразднение при Петре I патриаршества, превращение синода в нечто похожее на «министерство по делам религии», а при Екатерине II, после секуляризации церковного имущества, перевод большинства священников на государственное жалованье, сделали православных священников своеобразными чиновниками в духовной сфере. Чиновников же, «приказных», на Руси издавна не любили.

В советское время коммунистическая идеология заменила религию и стала признаком цивилизованного сообщества, названного «советский народ». Замена стала возможной, поскольку «теория Маркса о классовой борьбе и восстании пролетариата, его призыв к низвержению … буржуазного общества ответила … мечте безграмотного русского мужика» [Франк, 1992: 328]. Русская сельская община строилась на принципах равенства и справедливости по отношению к земле, основному средству производства, и русские рабочие, т.е. те же мужики в первом или втором поколении, легко усвоили большевистские лозунги: «Землю — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!». А демократичность общины в решении житейских вопросов столь же легко позволила усвоить призыв «Вся власть Советам!». Нашел отклик среди трудового народа и слегка измененный христианский принцип «Не работающий да не ест».

В дальнейшем коммунистическая идеология выполняла аналогичные с православием функции — просвещала (в атеистическом духе), утешала (обещанием лучшей жизни если не для себя, то для потомков), придавала силу, маня мечтой о построении самого справедливого общества на земле и обольщая гордой ролью первопроходцев. Аналогичен был и процесс разочарования в коммунистических идеалах, поскольку советское партийно-государственное чиновничество, погрязшее в удовлетворении своекорыстных интересов, все дальше удалялось от масс. Поэтому коммунистическую партию никто всерьез не защищал против так называемых «демократов».

Ценность «государь» или «вождь» необходима в реальных обществах с чертами СДЦ. Носители ее, реальные фигуры фараона, богдыхана, царя, или «вождя и учителя», выполняют три важнейшие функции: 1) высшего эксперта, определяющего вклад человека в общее дело, 2) главного хозяйственного управленца, 3) центра быстрого принятия решений в сложных ситуациях. В обществе с чертами СДЦ требуется массовое количество высоконравственных и квалифицированных экспертов, способных объективно оценить заслуги человека. В реальной жизни их замещает барин, который «приедет и рассудит» или первый секретарь райкома (персонаж в советской литературе и искусстве). Главой экспертов является носитель высшей справедливости, в России понимаемый как «царь-батюшка» или вождь — «отец народов».

Вторая функция связана с тем, что в таком обществе слабо развит рынок как средство саморегуляции хозяйственной жизни, поэтому высшее лицо становится арбитром, чьи однозначные указания равно обязательны для любого звена управления [Селюнин, 1988: 187].

Третья важная функция — центра быстрого принятия решений — связана с размерами страны и постоянной внешней опасностью (некогда собирать Боярскую Думу, когда татары «шалят на Крымском шляху»).

Носитель этих функций становился в общественном сознании высокой ценностью. К царской России подходят слова, сказанные о Византии: «Кесарей, изгоняли, меняли, убивали, но святыни кесаризма никто не касался. Людей меняли, но изменять организацию в целом никто не думал» [Леонтьев, 1991: 176]. Меняли государей и в России, не касаясь основ самодержавия, напротив, пресекая попытки ограничить его. Эти же функции стали предпосылками культа личности в атеистической Стране Советов. Царь являлся неоспоримым носителем высшей власти, ибо был «помазанником божьим». Не будучи таковым, человек может стать ее «легитимным» (в общественном сознании) носителем лишь в случае его возведения на степень божества. Поэтому после развенчания культа личности Сталина осуществлялись попытки создать «культики» Хрущева и Брежнева.

Служба как доминирующая разновидность деятельности свойственна идеальному типу СДЦ, царской России и советскому обществу.

В литературе отмечалась определяющая роль служебной деятельности в жизни российского общества [Данилевский, 1995: 423; Медушевский, 1993: 22], ибо «... русское государство представляло собой совокупность сословий, … связанных государевой службой» [Гумилев, 1992: 288].

Тип российской государственности сохранился и при Петре I, который не преобразовал Россию на европейский манер (как иногда думают), а довел до логического конца социальную политику своих предшественников. Ведь «крепостное состояние только закреплено ревизией при Петре, а введено Годуновым» [Герцен, 1969: 450].

В советском обществе служебная деятельность приобрела гипертрофированные размеры, распространившись на материальное производство и торговлю, которые предпочтительнее строить на базе эгодеятельности. В Конституции СССР 1977 года (статья 60) прямо указывалось, что «обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд…». В стране широко применялась система поощрений и наказаний, свойственная служебной деятельности. Награды и почетные звания за успехи в труде, штрафы и выговоры за опоздания на работу (вплоть до уголовного преследования в военное время), борьба с тунеядством.

Признаки домашнего типа хозяйства в России и СССР заметны во все время существования страны.

Главный из них — производство для внутреннего потребления — не абсолютен. Связь с мировым рынком в России существовала всегда (русские государи настойчиво боролись за выход к Балтийскому морю для облегчения условий торговли с Западом). Но в Московском княжестве, в Российской империи, а позднее и в СССР торговля на внешнем рынке была в решающей степени направлена на удовлетворение *внутренних потребностей* страны. В период татарского владычества с Запада через Новгород ввозилось серебро для выплаты дани, в петровское время и позже ввозились промышленные изделия, включая фабрично-заводское оборудование и оружие, а в поздний советский период даже фуражное зерно для животноводства. Дополнительными признаками домашневости народного хозяйства царской России и СССР являются государственная монополия во внешней и внутренней торговле, централизованное планирование, наличие государственных предприятий.

В царское время всегда были товары, торговать которыми на внешнем рынке могло только государство. Оно же объявляло время от времени монополию на внутреннюю торговлю солью, водкой, табаком. В советское время монополия на внешнем рынке стала абсолютной, а на внутреннем — почти абсолютной. Элементы планирования в управлении народным хозяйство в царское время проявлялись через указы, а в советское — план стал главным средством управления хозяйством.

В царской России имелась масса «казенных» предприятий, учрежденных для удовлетворения нужд государства. Да и частные предприятия в большой степени работали на казну, которая была оптовым покупателем, настроенным покровительственно, и имела чрезвычайно большое значение [Заозерская, 1947: 77]. В СССР практически все предприятия стали государственными.

Напряженная цивилизация, смута и революция в России и СССР

В обществе с признаками СДЦ появляются черты напряженной цивилизации, если высший правящий слой «забывает» о своих обязанностях, сохраняя привилегии. Общество теряет управляемость, в нем наступают периоды «застоя» или аномии (смуты, революции). Для возвращения управляемости требуется смена правящего слоя, что в России происходило неоднократно.

Впервые правящий слой был сменен после Великой Смуты, поводом к которой послужило пресечение династии Калиты, а причиной устранение непосредственной угрозы татарского нашествия после взятия Грозным Казани. До этого боярская знать служила государю (и государству), опасаясь такого нашествия. Пользуясь устранением угрозы и отсутствием царя из привычной династии, боярство, «начало Смуту», в которую постепенно втянулись и другие социальные слои [Ключевский, 1995. Кн.2:148, 168 и др.].

Для возвращения государству управляемости московские великие князья и цари сформировали слой служилых людей, дворянство, как надежную опору трону и источник кадров для выполнения государственных функций. Какое-то время дворянство исправно несло службу, поскольку еще требовалось устранить угрозу с Запада и Юга. Кроме того, служа государю, дворянство осуществляло свой эгоистичный сословный интерес — закрепощение крестьян. После побед русской армии в XVIII-ом веке внешняя угроза на обозримое время была снята. Сделав царя заложником императорской гвардии в Петербурге, дворянство к царствованию Александра I освободило себя от государственных обязанностей и сохранило все привилегии (Манифест о «золотой вольности дворянства»), не став при этом деятельным хозяйственным классом. Грозившую стране потерю управляемости устранил Сперанский, создавший, уравняв на службе дворянина с разночинцем, новый правящий класс — служилую бюрократию, которая более или менее удовлетворительно управляла страной на протяжении XIX века. Но к его концу она открыто и принципиально приносит в жертву личным и семейным интересам дело государства [Федотов, 1991: 132-141]. После Февральской революции страна опять потеряла управляемость, и в Октябре большевики продолжили традицию расширения доступа к власти лицам из низов, опершись на Советы. К управлению пришли энергичные, жаждущие дела люди, нередко фанатично преданные идеалам революции, отличавшиеся смелостью мысли, дерзостью желаний, крепостью воли. Благодаря им страна превратилась во вторую мировую сверхдержаву.

Однако советско-партийное руководство деградировало быстрее, чем любой российский правящий класс до него. В послевоенные годы были решены задачи восстановления народного хозяйства, и страна на волне патриотического подъема ворвалась в космос. Но в это же время «властвующая элита», с одной стороны, догматически твердила о «построении коммунизма», не позволяя трезво и спокойно обсудить реально достижимые стратегические цели развития страны, а с другой — полностью предала забвению государственные и национальные интересы. Она повела себя как боярская знать перед Смутой. Страна потеряла управляемость, и, пережив катастрофические последствия «перестройки» и «радикальных реформ», завершила Февральскую революцию 1917 года, втянувшись в русло рыночной цивилизации. К сожалению, эта цивилизация ныне не имеет длительной перспективы существования.

Заключение

Сравнение ведущих признаков идеального типа СДЦ и обществ в России и СССР показывает, что в октябре 1917 г. страна не вступила на новый неизведанный путь, а вернулась к прежнему, несколько измененному, социальному устройству. Большевистская революция явилась социальной контрреволюцией по отношению к Февральской революции, призванной двинуть страну к рыночной цивилизации. При этом события Октября были политической революцией, поскольку к управлению страной, через Советы, пришел народ. Правда, ненадолго.

Литература

1. *Вебер М.* История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. — Пг.: Наука и школа. 1923. 240 с.
2. *Герцен А.И.* Былое и думы. БВЛ. Т. 1-2. — М., 1969. Т. 1. 925 с.

3. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. — М.: Экспресс, 1992. 335 с.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — СПб: Изд. “Глаголь”; Изд.: СПбГУ, 1995. 552 с.
5. *Заозерская У.И.* Мануфактура при Петре I. — М.-Л. 1947. 190 с.
6. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. — М.: Мысль, 1995. Кн.1. 427 с.; Кн. 2. 584 [2] с.
7. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / Россия глазами русского. — СПб.: Наука, 1991. С. 171-296.
8. *Медушевский А.Н.* Общество и государство в русском историческом процессе // Вестник Московск. ун-та. Сер. 12. 1993. № 1. С. 15-30.
9. *Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 168-189.
10. *Смирнов П.И.* О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. 2004. № 8. С.12-22.
11. *Смирнов П.И.* Служебно-домашняя цивилизация в России: причины возникновения // Теоретический журнал Credo new. 2014а. № 1. С.115-132.
12. *Смирнов П.И.* Признаки служебно-домашней цивилизации в России и СССР: сходство и различие // Теоретический журнал Credo new. 2014б. № 2. С.104-126.
13. *Смирнов П.И.* Возможно ли возрождение и обновление позитивизма в теоретической социологии // Социологические исследования. 2017. № 3. С.14-23.
14. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. — Минск: Лучи Софии, 1998. 504 с.
15. *Трубецкой Н.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Классика Геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.144-226.
16. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х т. — СПб.: София, 1991. Т.1. 352 с.
17. *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции / Русская идея. — М.: Республика, 1992. С.326-340.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН — ФИЛОСОФ, ПУБЛИЦИСТ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

М.А. Арефьев,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ;
А.Г. Давыденкова,
доктор философских наук, профессор СПбГАУ

Традиционно политическая культура рассматривается как состоящая из трех направлений: консерватизм, либерализм и радикализм. Российская общественная мысль даёт нам пример развития всех этих направлений политической культуры. Среди них в дореволюционной России заметное место занимала философия русского классического анархизма. Как пишет известный исследователь этого феномена Сергей Федорович Ударцев, «крупными теоретиками российского анархизма второй половины XIX — начала XX вв. (пожалуй, самой яркой странице истории мирового анархизма) были: теоретик революционного анархизма-коллективизма М.А. Бакунин, анархист-коммунист П.А. Кропоткин, анархист-коммунист и мистик А.А. Карелин, анархист-гуманист А.А. Боровой, анархист-универсалист А.Л. Гордин, теоретик ассоциационного анархизма П.Д. Турчанинов (Лев Черный), сторонник мистического анархизма А.А. Солонович и др.»[1]. Говоря об отличительной черте теории анархизма и анархического сознания в целом, Ударцев подчёркивает не столько негативный его характер как отрицание государственности (этатизма) и безвластие, сколько позитивное содержание, заключающееся в том, что анархизм выступает политическим антитезисом по отношению к этатизму, заставляя его эволюционировать и развитваться. Современная научная парадигма, непосредственно связанная с синергетикой, давно уже реабилитировала отрицательные значения противоположности и противоречия: хаоса и порядка, ассиметрии и симметрии и т.п.

В начале двадцатого столетия в отечественной теории анархизма наибольшую роль сыграли воззрения известного русского ученого-географа, философа-анархиста и журналиста-публициста Петра Алексеевича Кропоткина. В 2017 г. мы отметили 175-летие со дня его рождения. Начальный период журналистской деятельности Кропоткина относится к 80-м годам XIX века, когда он выступил с рядом статей в зарубежных общественно-политических изданиях, в частности — во французской газете «Бунтовщик» («Le révolté»). Впоследствии эти статьи были им сведены в монографическое издание, известное под названи-

[1] Ударцев С. Философия права анархизма: научное издание. — Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2016. — С. 12.

ем «Речи бунтовщика» — большой теоретический труд, в котором впервые Кропоткиным была сформулирована в целостном виде доктрина анархокоммунизма.

Особенностью его газетных публикаций данного периода была критика парламентаризма, представительной демократии, предвыборных махинаций, манипуляций сознанием избирателя со стороны политиканов. Кропоткин, ориентируясь на западного читателя, писал о необходимости развития в различных регионах производств, ориентированных на насущные потребности местного населения, а не на максимальную прибыль. Наконец им была затронута проблема преодоления сырьевой ориентации народного хозяйства (столь актуальная для современной России). Наконец, была обоснована идея организации общественного самоуправления коммун, объединений жителей городов. Впоследствии проблема самоуправления и самоорганизации стала ведущей в его теоретическом труде «Взаимная помощь как фактор эволюции». Задача самоуправления — освободить граждан от всевластия бюрократии. Свобода, — по словам Кропоткина, это не именинный подарок. Ее нужно взять, даром она никому не дается — такова центральная мысль социально-философского учения Кропоткина в целом.

Об этом периоде жизни Кропоткина московский философ В.М. Артемов пишет: «После смелого побега из Петропавловской крепости русский анархист умеренного, нравственно ориентированного, так сказать, типа в течение сорока лет вынужденно находился на Западе. Там он развертывает поистине титаническую работу, результаты которой известны всему миру (кроме собственно пропагандистской работы он вел исследовательскую деятельность в разных областях науки, опубликовал множество научных трудов). Тем не менее, в 1882 г. Кропоткин был снова арестован, на сей раз во Франции. Хотя за его освобождение выступали В. Гюго, Г. Спенсер и другие известные деятели науки и культуры, из тюрьмы удалось выйти только в 1886 г. Уехав в Лондон, он с группой английских анархистов выпускает первую собственно анархистскую газету в Англии — “Freedom”»[1].

Журналистская деятельность П.А. Кропоткина получила свое наибольшее развитие в лондонский период его жизни политика-эмигранта. Она была связана с публикацией ряда статей, в первую очередь, в серьезных естественнонаучных изданиях Англии. В них он обосновывал на естественно-историческом материале суть «синтетической философии». По Кропоткину синтетическая философия — это синтез естественных и социальных наук, поиск мета оснований для научных гипотез и выводов. Эта философия формировалась под определяющим воздействием классического позитивизма. Хотя она имела и свою специфику, которая выражалась в том, что в социальных законах, как считал Кропоткин, отражаются закономерности, которые можно выявить на иных уровнях организации мира. На ступенях эволюции социальной жизни прослеживаются особенности природного характера. Согласно Кропоткину, «общество… существовало задолго до появления человека среди животных»[2]. Рассматривая закон взаимной помощи и солидарности как основополагающий в эволюции человека, Кропоткин приходит к выводу, что это лишь частный случай общего биосоциального закона эволюции общественных существ. Для методологии учёного в лондонский период его жизни постепенно становится определяющим приоритет эволюции, в отличие от ранних революционистских воззрений. Революция как прерывание постепенности стала рассматриваться им как исторически назревшая фаза общего эволюционного процесса. Вероятно, это повлияло в последующем на его отношение к одной из ведущих социальных проблем — вопросу войны и мира.

Начало Первой мировой войны в 1914 году в значительной мере определило раскол в оппозиционных силах по вопросу защиты Отечества. Как отмечал в своё время С.Ф. Ударцев, в отношении Кропоткина к войне выразилось два противоположных начала: с одной стороны — осуждение войн, разоблачение их как выгодных эксплуататорам, но в то же время признание права на существование справедливых войн. С другой стороны, осознание того, что победы Германии в Первой мировой войне явилась бы национальной катастрофой для России. Отсюда проистекает его так называемая «оборонческая позиция», за которую критиковали Кропоткина как слева, с позиций большевиков, так и не принимали эту позицию в анархистской среде. В основе оборончества Кропоткина, по нашему мнению, лежал его патриотизм как русского человека, душой болеющего и переживающего беды и страдания Родины.

По представлениям современных исследователей, актуальна проблема реабилитации социальной позиции Кропоткина по вопросам войны и мира во время Первой мировой войны. Например, петербургский историк анархизма П.И. Талеров в своей монографии отметил, что взгляды Кропоткина в этот период в определённой мере противоречили его анархистским идеалам, поскольку «любая поддержка любой

[1] Артемов В.М. Нравственность и свобода в этико-философской концепции П.А. Кропоткина / Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И.И. Блауберг. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2012 (Философия России первой половины XX в.). — С. 159 — 160.

[2] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. — М.: Правда, 1989. — С. 275.

государственной политики претит анархистскому противогосударственному принципу. Нельзя выступать против власти и вместе с тем поощрять её действия, руководствуясь хотя бы и благими целями. Анархисты всегда и везде выступали и выступают за разрушение любого государства, за свободу от любого угнетения и насилия»[1]. Вместе с тем Талеров отмечает, что «однако Кропоткин увидел в мировой войне нечто большее, чем просто столкновение враждующих сторон с территориальными и экономическими претензиями». Кропоткин был активным сторонником победы Антанты над Германией, осуждал пацифизм и пораженчество. Он считал, что победа монархической Германии приведет к милитаризации социума, усилит позиции самодержавия в Европе и похоронит надежды на приход социальной революции. Так, в одном из своих писем он прямо писал, что «при данных условиях всякий, кто чувствует в себе силы что-нибудь делать, и кому дорого то, что было лучшего в европейской цивилизации, и то, за что боролся рабочий Интернационал, может делать только одно — помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий империализм»[2]. Как отмечает И.В. Петушкова, главной причиной оборончества Кропоткина была его ненависть к германскому империализму (вспомним в связи с этим Николая Яковлевича Данилевского с его антигерманизмом), вера в цивилизационную роль демократической Франции и защита России, способной после Февральской революции 1917 года привести российское общество на более высокую ступень исторического развития[3].

В диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук О.Н. Шенниковой эта тенденция реабилитации позиции оборончества со стороны Кропоткина прослеживается наиболее явно. Автор приходит к выводу, что оборончество Кропоткина оказалось наиболее дальновидной позицией защитника Отечества. Патриотизм Кропоткина-анархиста, по мнению Шенниковой, не противоречил его мировоззрению в целом и явился несомненным достижением Петра Алексеевича как социального философа, который, начиная с народнического периода, отражал интересы русского крестьянства[4].

Оборонческая позиция Кропоткина по отношению к воюющей России и странам Антанты нашла своё отражение в публицистической деятельности классика русского анархизма. В феврале 1916 года была опубликована «Декларация 16-ти» (Манифест анархопатриотов), в которой Кропоткин вместе с другими анархистами европейских стран публично определил своё одобрительное отношение «освободительной миссии» антантовского милитаризма. Первыми документ подписали активисты из Франции (Жан Грав, Жак Герен, Альбер Лезан, Франсуа Лё-Леве, Марк Пьерро, Поль Реклю, Шарль Малато), Французского Алжира (Антуан Орфила, Ф. Ришар), России (Кропоткин, Черкезов), Бельгии (Анри Фюсс, Жюль Муано), Японии (Исикава Сансиро) и Нидерландов (Христиан Корнелиссен). Всю вину за возникновение войны авторы декларации возлагали исключительно на германский блок: «Мы глубоко убеждены, что немецкое нападение было угрозой — приведенной в исполнение — не только против наших освободительных надежд, но и против всей человеческой эволюции, — говорилось в заявлении. — Вот почему мы, анархисты, антимилитаристы, враги войны, горячие сторонники мира и братства народов, встали в ряды защиты и не сочли возможным отделить свою участь от участи всего остального населения». Авторы манифеста решительно отвергли любые мирные переговоры, так как «говорить в настоящий момент о мире — значит, играть на руку немецкой министерской партии, Бюлова и его агентов». «Вместе с теми, кто принимает участие в борьбе, мы считаем, что вопрос о мире не может стоять до тех пор, пока немецкое население не вернется к более здравым представлениям о справедливости и праве, пока не откажется быть орудием проектов господства пангерманской политики», — заявляли подписавшие декларацию, фактически целиком солидаризируясь с официальной позицией государств Антанты[5].

Другой пример из публицистического опыта П.А. Кропоткина в отношении его к Первой мировой войне мы находим в высказываниях по поводу успеха среди социал-демократов манифеста Циммервальдской конференции (против империалистической войны). Циммервальдская конференция проходила 5-8 сентября 1915 года в Швейцарии. Конференция, которая ставила себе целью объединить все революционные элементы социалистического движения, оказалась далеко не однородной по своему составу. После долгих прений конференция сошлась на средней линии и выпустила манифест-призыв начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Затем была образована постоян-

[1] Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е — 1920-е гг.: Монография.- СПб.: Институт иностранных языков, 2016. — С. 192.

[2] Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. — М.: Задруга, 1917. — С. 3.

[3] Петушкова И.В. Петр Алексеевич Кропоткин и Первая мировая война //Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. — М., 1997. — Вып. 2. — С. 88 — 98.

[4] Шенникова О.Н. П.А. Кропоткин в контексте истории русского анархизма: Автореф. дис…канд. истор. наук. — Барнаул, 2000.

[5] Анархисты: документы и материалы: в 2 т. — М., 1998. — Т. 1.

ная интернациональная социалистическая комиссия с временным секретариатом в Берне. Впоследствии к Циммервальдскому союзу примкнуло более двадцати партий и партийных меньшинств. Циммервальдская конфедерация просуществовала вплоть до I Конгресса Коминтерна, на котором она объявила себя распущенной. Кропоткин во время встречи с П.Н. Милюковым, происшедшей весной 1916 г., обсуждая содержание Циммервальдского манифеста, обосновывал тезис о необходимости поддержки стран Антанты, говоря о том, что справедливыми войны могут быть не только национально-освободительные, но и происходящие между империалистическими державами. Победа в войне над прусско-милитаристской Германией способствовала бы социальному прогрессу человечества, отвечала бы интересам крестьян, ремесленников и рабочих[1].

Находясь еще в эмиграции, 27 марта 1917 года Петр Алексеевич послал две телеграммы в московскую либеральную газету «Русские Ведомости». Призыв революционера-эмигранта был напечатан в виде листовки партией «Народной Свободы»: «Германский император сосредоточивает войска, чтобы пойти на Петроград и восстановить господство абсолютизма ... Мужчины, женщины, дети России, спасите нашу страну и цивилизацию от черных сотен центральных империй!» Уже в России, отвечая на приветствие солдат Семеновского полка, Кропоткин говорил «о двойной задаче», стоящей перед Россией: «Война, прежде бывшая только защитою своей земли, стала теперь для России защитою такого высокого идеала, как Права Человека, т. е. равенства всех граждан в их политических правах».

В качестве основных выводов укажем, что, во-первых, кропоткинский анархизм выражал общинные устремления русского крестьянства, самоуправленческие начала отечественной народной жизни. Соборность, общинность издревле были присущи духу русского народа, и Кропоткин, в отличие от его последователей, все же был истинным патриотом России, прекрасно понимал, что вектор социальных преобразований должен быть основан на традиционной культуре.

Во-вторых, будучи революционером-анархистом, он мог совмещать свои антимонархические идеи с любовью к России и русскому народу. Как патриот Кропоткин становился на сторону своей страны в дни, когда ей угрожала внешняя опасность (осуждал в 1904 г. Японскую агрессию против России, а в годы Первой мировой войны, как мы отметили, занял позицию защитника Родины).

В-третьих, суть оборонческой позиции Петра Алексеевича заключалась в том, что перед лицом внешнего врага, угрожающего самому существованию России, русской цивилизации, стоит забыть многочисленные взаимные обиды и политические споры и сплотиться для обороны своей Родины. Сплотиться всем — и тем, кто видит развитие России в качестве монархии, и тем, кто придерживается республиканской формы правления, и даже тем, чьи идеалы лежат в плоскости безгосударственного социалистического устройства общества.

В-четвертых, Кропоткин в революционном 1917-м году отнюдь не выступил за немедленное уничтожение российской государственности. Отступив от буквы своего учения, он сохранил его дух, который выражался в требовании широких прав для самоуправления в различных его вариантах. Российская государственность представлялась им в таком случае в форме федеративного устройства. Самостоятельность субъектов федерации должна строго контролироваться федеральным центром и в стратегически важных вопросах мнение федерального центра должно быть решающим.

В-пятых, как философ и гуманист, крупный специалист по истории Великой французской революции Петр Алексеевич мог себе наглядно представлять весь ужас возможной гражданской войны и высказывался однозначно за ее предотвращение посредством превращения страны в федерацию с сильной центральной властью. Гражданская война в постреволюционной России была для него абсолютным социальным злом.

Литература

1. Анархисты: документы и материалы: в 2 т. — М., 1998. — Т. 1.
2. Артемов В.М. Нравственность и свобода в этико-философской концепции П.А. Кропоткина / Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И.И. Блауберг. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2012 (Философия России первой половины XX в.). — С. 159 — 160.
3. Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. — М.: Задруга, 1917.
4. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. — М.: Правда, 1989. —
5. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. — М., 1992. — Т. 1.
6. Петушкова И.В. Петр Алексеевич Кропоткин и Первая мировая война //Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. — М., 1997. — Вып. 2.
7. Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е — 1920-е гг.: Монография. СПб.: Институт иностранных языков, 2016.

[1] Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. — М., 1992. — Т. 1. — С. 153 — 154.

8. Ударцев С. Философия права анархизма: научное издание. — Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2016.
9. Шенникова О.Н. П.А. Кропоткин в контексте истории русского анархизма: Автореф. дис…канд. истор. наук. — Барнаул, 2000.

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ, ИЛИ НАДО ЛИ ПРОСЛАВЛЯТЬ ДИКТАТОРОВ?

В.Л. Обухов, доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии СПбГАУ

История сохранила нравоучительный разговор Сталина со своим сыном, Василием. Добиваясь от сына более скромного поведения, Сталин объясняет ему, что он не Сталин. Более того, и он сам — тоже не Сталин. «Вот, кто Сталин» — воскликнул вождь, указав на свой портрет. Сталину хватило мудрости понять, что его парадный портрет и сам он — не одно и то же. К сожалению, этой мудрости не достает многим нашим сталинистам, которые за Сталина принимают его парадный портрет.

Демокрит верно заметил, что подобное соединяется с подобным, и на морском берегу маленькие морские камешки ложатся рядом с маленькими, а большие — с большими. И не случайно, что самыми любимыми правителями России у Сталина были как раз Иван Грозный и Петр I. Только этим двум правителям России были посвящены культовые фильмы, режиссеры которых верно угадали «сталинский» заказ, свидетельством чему является вручение им Сталинских премий. И Иван Грозный и Петр I показаны в фильме как правители, денно и нощно пекущиеся о благе России, для которых благо России дороже собственной жизни.

Подобно тому, как парадные портреты Сталина имеют слишком мало сходства с реальным Сталиным, так и киношные образы этих двух правителей имеют слишком идеализированный характер, весьма далекий от реальных персонажей. Стоило Эйзенштейну во второй серии фильма «Иван Грозный» дать более достоверный образ царя, который в итоге погони за неограниченной властью путем коварства и жестокости был обречен на трагическое одиночество, как фильм сразу оказался запрещенным к показу. Можно ли после этого любить Сталина или хотя бы просто уважать его, если он за созданный лживый образ своих любимых правителей поощрял создателей, и за правдивый — наказывал?

На совести Ивана Грозного десятки тысяч человеческих жизней, многие их которых, как уверяют современники царя — «невинно убиенные». Нынешняя мощная волна попыток реабилитации образа Сталина, привела к тому, что реабилитации подвергнут и хрестоматийный образ жестокого царя. Впервые за всю многовековую историю России ему на наших глазах был сооружен памятник. Не Ивану III, который гораздо больше был достоин памятника от благодарных потомков, а этому царю-извергу. Некоторые авторы, узнав, что в Варфоломеевскую ночь было загублено 4-5 тысяч людей, и у Ивана Грозного находят «только» 4-5 тысяч умерщвленных «врагов». Получается, что царь в этом отношении был не более как заурядный правитель, «как все» — время, де такое. Но почему-то забывают об «усмирении» Новгорода, когда по одним источникам было убито от 3 до 10 тысяч, а по другим даже от 25 до 60 тысяч человек. Если сравнить число убитых при войне татар и ливонцев и число казненных людей собственного государства, то количество вторых явно превысит первых.

Первым, кто пытался обелить царя Ивана, был, конечно же, Петр I: "Глупцы только, коим неизвестны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем". Вот так, вот! — Народ, оказывается, был плохой, а царь то — хороший! При Петре «великие деяния» привели к гибели уже сотен тысяч россиян. Только пышное и горделивое вознесение из «тьмы лесов, из топи блат» новой столицы обошлось почти в сто тысяч умерших работников. И это явно превышает количество убитых им в сражениях шведов. Еще более «великие деяния» Иосифа Сталина посредством «великого злодейства» привели к гибели уже миллионов соотечественников, и их число, по опубликованным данным, скорее всего, превышает количество убитых в сражениях финнов, немцев и японцев вместе взятых. Не случайно на заданный Черчиллем в 1942 году вопрос, когда у Сталина был самый тяжелый период, вождь ответил — период коллективизации. Это когда он, воюя с собственным народом, организовал первую волну Большого террора.

При сооружении памятника, посвященного тысячелетию России, Александр II особо отметил, что на нем не должно быть Ивана Грозного, поскольку, хотя Иван IV и образовал Российскую империю, присоединив к ней многие земли, он не заслуживает памяти из-за жестокостей, совершенных против собственного народа. После смерти Ивана Грозного в 1584 году его имя в истории России вызывало ненависть и его обходили молчанием; его не прославляли, памятники ему не ставили.

В статье Мануэля Вильяторо «Жестокое детство Ивана Грозного, душевнобольного царя, одержимого страстью к женщинам и обожаемого Сталиным» отмечается, что все изменилось, когда к власти пришел Сталин, которого очень привлекала личность царя, создавшего при помощи зверств и жестокостей огромную империю. В конце войны Сталин поручает Эйзенштейну покончить с незаконным, как он считал, очернительством образа царя, делая упор не на его жестокостях, а на революционных преобразованиях. При всей симпатии к Ивану Грозному, Сталин не удержался от критики в его адрес за… излишнюю мягкость. В беседе с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым по поводу фильма "Иван Грозный" 26 февраля 1947 года И. Сталин сказал: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал… Нужно было быть еще решительнее».

Сравнивая Грозного и Сталина, Н.С. Хрущев сказал на одной из встреч в Кремле: «Сталин был безумным тираном, как и Иван Грозный, с той лишь разницей, что царь убивал своих врагов, в то время как Сталин отправлял на казнь своих соратников»[1]. Это неверно, Грозный тоже казнил своих соратников. Отличие же между ними в том, что жестокость царя никогда не достигала такого космического масштаба, какой она приобрела в эпоху Сталина. Поэтому, если Иван был Грозным, то Иосиф был Грозным в квадрате. Здесь более уместным было бы противопоставить Сталину В. Ленина. Ленин тоже был очень жестоким человеком. Известна его крылатая фраза, что без насилия по отношению к насильникам нельзя избавить народ от насилия, как известно и его очень жесткое отношение к попам и проституткам. Но он, в отличие от Сталина, не отправлял на казнь своих соратников. Как бы Ленин ни критиковал Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева и того же Сталина, он умел с ними со всеми работать, используя их талант, знания, энергию на службу общему делу. Сталин же никак не умел работать с оппозицией. Для оппозиции им были придуманы определения «троцкисты», «правый уклон», «левый уклон», что почти во всех случаях означало одно — смертную казнь, поскольку любой человек, позволивший себе думать как-то иначе, чем вождь, автоматически зачислялся во «врага народа». (Когда Сталина спросили, какой уклон хуже — левый или правый, он ответил, что «оба хуже» и пообещал, что «мы уничтожим оба».)

Итак, если брать деятельность Сталина в совокупности его целей и реальных результатов, то ее можно оценить следующим образом: большая часть деятельности вождя была злом для страны, имела губительные последствия, от многих из которых мы не избавились до сих пор. И меньшую часть его дел можно оценить как положительные. Эти положительные дела, определяемые не столько вождем, сколько коллективным разумом и общими усилиями народа, не грех показывать и пытаться как-то брать на вооружение. Как совсем недавно, например, мы восстановили ГТО. Не грех взять и то ценное, что было у нас в системе образования и здравоохранения в сталинскую эпоху. Но в целом Сталин неприемлем для нашей эпохи, и нынешние попытки реабилитации его образа, ничего, кроме бед и новых страданий, не принесут нашему народу. — Этому учит история.

Аристотель утверждал, что высшая ценность трагедии заключается в катарсисе, очищении. Если мы сможем осознать и прочувствовать правление трех Грозных как страшную трагедию, мы очистимся от нее, и она никогда не повторится вновь. Но если некоторые авторы будут и далее сосредотачивать внимание только на позитивные сторонах деятельности Грозных, и будут преуменьшать трагичность их правления, этот тип снова и снова может появляться на нашей многострадальной земле.

Мы живем в необычное, сверх иррациональное время. С одной стороны, невиданная с Февральской революции демократия и свобода слова. С другой — невероятное прославление правителей, особенно отличившихся склонностью к тирании. Известно, что в России после кончины Ивана Грозного никто и никогда его не прославлял. Прославление его началось лишь в конце 30-х годов прошлого века и продолжалось до середины 50-х годов, и связано оно было непосредственно с культом личности Сталина. Когда на XX съезде КПСС его культ был разоблачен, Грозного перестали вспоминать. И совсем неожиданно в наши дни Грозного снова стали усиленно прославлять — вплоть до открытия памятников, чего никогда в России, даже в эпоху культа личности Сталина, не делали. Интересно, к чему бы это? Возможно, здесь действует закон отрицания отрицания, когда после одной крайности — прославления демократии (тезис) люди затем бросаются к другой крайности — прославлению тирании (антитезис)? Неужели, как пишут некоторые авторы, люди просто объелись свободой, и стали снова мечтать о тиранах?

[1] См. подробнее: http://inosmi.ru/history/20170416/239147380.html

Здесь так и подмывает еще раз процитировать слова Бердяева: «Свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы». Можно также привести строчки из письма А.С. Пушкина А.И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года: «Я… написал на днях подражание басни умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя):

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Тем, кто воспевает деспотов, призывает восстановить монархию, действительно не нужна свобода — наше время это блистательно доказывает. Никогда за всю долгую историю России памятников Ивану Грозному не ставили — не заслужил! Его нет даже на памятнике «Тысячелетия России», где представлены все основные действующие лица российской истории. И вдруг (именно вдруг — неожиданно для всех) в наши дни памятники ему начали ставить: в 2016 году — в Орле, в 2017 — в Москве. И, притом, памятники в высшей степени несуразные. В орловском памятнике Иван представлен держащим огромный крест, будто он являлся ревностным хранителем христианских ценностей, в том числе — «не убий». В московском памятнике Иван, всю жизнь много читавший и основавший книгопечатание в России, представлен топчущим книгу.

На памятнике в Орле царь представлен на коне и с огромным крестом в руке. Если он совершает с крестом крестный ход, то он обычно совершается пешим ходом. Кроме того, как известно, несмотря на свою начитанность и несомненную принадлежность к православной вере, царь одновременно был суеверным человеком, язычником и постоянно прибегал к услугам ворожей и волхвов. Кроме того, — и это тоже известно, царь казнил огромное число церковных иерархов: от рук царёвых опричников пострадали представители фактически всех слоев клира: от митрополита и епископов до рядовых священнослужителей и иноков, умерщвляемых порой целыми обителями. Еще можно было бы как-то смириться, если бы царь был изображен в кольчуге и с мечем в руке, но с крестом-то за что? В итоге получился не памятник царю, а памятник невежеству орловских градоначальников. Ведь не случайно орловский градоначальник заявил, что Иван не убивал своего сына, поскольку тот умер по дороге из Москвы в Петербург.

В последнее время стал модным еще один способ отбеливания царя — через сравнение его с действующими монархами Европы того времени. В ходе такого сравнения оказывается, что наш царь ничуть не хуже других монархов — те ведь тоже уничтожали своих противников в огромном количестве.

Потапчук Людмила: «Иван Грозный был не таким уж грозным. Нет, белым и пушистым он тоже, конечно, не был, но на фоне тогдашних правителей он не очень-то выделялся жестокостью. Тот же Генрих VIII, автор знаменитого мадригала и, возможно, прообраз «Синей бороды», за время правления казнил около 72 тысяч человек; Иван же Васильевич — около четырех тысяч, то есть примерно столько же, сколько французов погибло во время Варфоломеевской ночи. Можно сказать, что Иван Грозный был типичным монархом своего времени»[1].

Нам нет дела до чужих правителей, — пусть тамошние народы сами с ними разбираются, но честь, правда и забота о будущем требуют, чтобы мы давали своим вождям объективную оценку.

Наряду с Иваном Грозным по всей стране идет мощная волна прославления и другого диктатора — Петра Первого. Здесь я солидарен с писателем Борисом Акуниным, который, выступая перед читателями, сказал буквально следующее: «Вчера я задал читателям вопрос про самого важного человека в российской истории. Получил очень много ответов и все их просмотрел. Вам тоже советую, там в комментах много интересного, а самое интересное — складывающаяся в результате симфония. Ведущую

[1] *Потапчук Людмила.* Семь достоверных фактов, которые изменят ваше мнение об Иване Грозном http://www.eg.ru/society/65516/

партию в ней исполняет, почти что солирует, с большим опережением, Петр Первый. Это было предсказуемо. У меня в предисловии к еще не вышедшему 5 тому «Истории российского государства» (он весь про Петра) феномен необычайной популярности этого монарха объясняется тем, что он импонирует обеим традиционно враждебным российским партиям, только по разным причинам. «Государственникам» он нравится как создатель мощной военной державы, «либералам» — как западник, повернувший страну лицом к Европе. Но лично я Петра главным персонажем отечественной истории не считаю. Мне кажется, что важность исторической фигуры следует оценивать вот по какому критерию: если бы человека не случилось вовсе, насколько изменилась бы судьба страны? Личность Петра, конечно, оставила яркий отпечаток на российской исторической ткани. Но предположим, что в 1689 году партия Нарышкиных не пришла бы к власти. Что бы изменилось? Реформы все равно произошли бы, Василий Голицын намеревался сделать примерно то же самое, только менее радикально (что, возможно, было бы и к лучшему). Ну, походили бы русские дворяне еще какое-то время бородатыми, да не построили бы на болоте красивый город, вот и вся разница. (Хотя Питера, конечно, жалко).

Однако есть человек, без которого Россию в ее нынешнем состоянии представить совершенно невозможно. Ему бы я и отдал первенство. Это Пушкин, которого назвали всего несколько комментаторов. Просто вообразите, что Пушкина никогда не было. Получилась бы какая-то другая Россия, и говорила бы она на каком-то другом русском языке. Все равно, что Англия без Шекспира. (Кстати говоря, если самым важным человеком в истории страны является поэт, это характеризует страну не самым плохим образом). Если же говорить о России в более узком, политическом смысле, то тут я согласен с теми, кто назвал самой важной персоной Ивана III. Этот человек создал государство, которое существует до сегодняшнего дня. Все сильные и слабые его стороны восходят ко второй половине XV века. Ремонт производился неоднократно, но фундамент всё тот же, заложенный великим князем Иваном Васильевичем»[1]. И этому тирану, замедлившему развитие страны и принесшего его народу неисчислимые беды и страдания, по всей стране ставят памятники. Даже создается впечатление, что после волны сноса памятников Ленину на первое место может выйти Петр.

Правомочна была бы установка по одному памятнику Петру в Петербурге и Кронштадте. Этот город и эта крепость, основанные Петром, сыграли значительную, подлинно великую роль в истории России. Но остальным то городам за что ему памятники ставить, памятуя о том, что отдавая все силы своему детищу — Петербургу, царь обрекал на подлинно нищенское существование все другие города России, включая и Москву. Но такова уж иррациональная роль деспотов — очень любит их народ.

Подобная же картина наблюдается сегодня и с попытками возвеличения третьего тирана — Иосифа Грозного. Газеты, радио, телевидение, интернет практически ежедневно обрушивают на нас информацию о нем: то где-то открывается памятник или бюст Сталину, где-то устанавливается в честь него памятная доска, печатаются все новые и новые статьи, пронизанные восторгом перед «вождем всех времен и народов» и пытающиеся обелить его. По результатам опроса, проведенного российским "Левада-центром" в марте 2017 года, 54 % граждан РФ считают, что Сталин сыграл положительную роль в истории страны. Исходя из данных социологов, позитивное отношение к Сталину в соцопросах стало преобладать над негативным в марте 2014 года. В последние годы в России появились от 60 до 100 памятников Сталину, в 2015 году в Пензе открыли "Сталинский центр", а в ноябре 2016 года в театре драмы имени Максима Горького в Ростове-на-Дону решили поставить спектакль о Сталине как о "ярком вожде". Вся несуразность этой новой волны дедесталинизации ярко высвечивает история с установкой памятной доски в честь товарища Сталина в стенах Московской государственной юридической академии. Адвокат и вице-президент Федеральной палаты адвокатов Генри Резник написал об этом следующее в блоге на сайте «Эха Москвы»:

«Примерно неделю назад в коридоре Московской государственной юридической академии (МГЮА), на стене центральной аудитории появилась мраморная мемориальная доска с тиснением: «здесь выступал в июне 1924 года после XIII съезда РКП Иосиф Виссарионович Сталин». Мне об этом стало известно вчера, я не поверил и отпостился в ФБ: «если это не фейк — проверю в понедельник — выйду из профессорства в МГЮА и никогда не появлюсь в этом осквернённом здании». Сейчас знаю точно: не фейк. Доска висит. Теперь: почему не поверил. Представьте, мог допустить, с учётом нынешнего внутриполитического тренда, если бы нечто подобное появилось на здании (в цехе) какой-то фабрики или бывшего Наркомата — памятников индустриализации, проведённой на крови и костях крестьянства. Но в юридическом вузе?! Первое, что сделал большевистский вождь — он похоронил право. Сталин — это массовые внесудебные органы и репрессии: особые совещания, тройки и двойки, узаконенные пытки, ликвидация независимого суда, презумпции невиновности и принципа состязательно-

[1] https://blog.newsru.com/article/08Jun2017/pushkin

сти, депортации целых народов. Традиции сталинской «социалистической законности» до сих пор не можем преодолеть. Сталин — это антиправо. И в честь могильщика ПРАВА — главной ценности современной цивилизации — памятная доска устанавливается в храме юридической науки. Нет, увольте. Это край. Из числа профессоров МГЮА выбываю»[1].

Сталинисты сейчас запустили идею, будто люди, критикующие Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, не патриоты, поскольку они очерняют историю своей страны. И только те, кто их восхваляют, являются истинными патриотами. Эта вздорная идея встречает все более решительный протест у граждански мыслящих жителей России, которые справедливо указывают, что как раз бездумное восхваление деспотов и их ничем не оправданного насилия над собственным народом и есть показатель отсутствия патриотизма, подлинной любви к своей стране.

Егор Холмогоров, российский политический деятель, публицист, автор термина «Русская весна», много лет занимающийся изучением биографии Сталина, в своей статье: «Что такое «реальный сталинизм» сегодня», опубликованной в газете «Взгляд» 6 марта 2017 года, пишет, почему он из сталиниста превратился в убежденного антисталиниста. Автор отмечает, что именно новые факты, ставшие достоянием гласности в последнее время о Сталине, заставили его пересмотреть свое отношение к нему. И дело не в том, чтобы отплясывать на трупе поверженного кумира, а в том, чтобы иметь всестороннее, непредвзятое, объективное мнение об этой исторической личности. И вот к каким выводам он приходит: «В какой-то момент стало понятно, что современный «сталинизм» — это апологетика права чиновника у вас красть, вам врать и бить вас сапогом за то, что вы пытаетесь против этого протестовать. Что сталинизм — это не сохранение социального государства, строившегося в XX веке, а защита тех силовых приемов, с помощью которых осуществляется его демонтаж…»

Здесь с Холмогоровым нельзя не согласиться. В последнее время в средствах массовой информации активно муссируется мысль, что люди, позволяющие себе критически относиться к своим правителям, не патриоты. Данная мысль, насквозь пропитанная нафталином и вытащенная из монарших сундуков, настолько абсурдна, что она не может вызвать ничего, кроме иронии и сарказма: «Самое главное — надо понятие „патриотов“ забрать у тиранов от Сталина до Ивана Грозного. Они себе присвоили „патриотизм“. Патриоты — это мы, кто оплакивает погибших, кто хочет, чтобы история не повторялась». (Кинорежиссер Павел Лунгин)[2].

Егор Холмогоров далее продолжает: «Все это находит свою историческую опору в таком апофеозе «реального сталинизма», как массовый психоз после сообщения ТАСС 13 июня 1941 года (когда было, по сути, запрещено даже думать о том, что немцы могут напасть) и репрессий против лучших представителей русской науки и культуры, отношение к которым — это своеобразный оселок, на котором легко все проверяется (например, академик Вавилов, великий русский биолог, создатель одной из самых влиятельных естественнонаучных теорий XX века, умученный ради развязывания рук сталинскому профану Лысенко). Вот что такое «реальный сталинизм» сегодня. Поэтому быть сталинистом в 2017 году нет никакой возможности и смысла. При этом к Сталину нужно относиться трезво. Как к хитрому кавказцу, десятилетиями пообтершемуся среди русских, а потому понявшему, как русскими править, в какую сторону следует развивать Россию как великую страну, чтобы в ней таким, как он, было вольготно, чего делать все-таки не надо, где и как нужно русским льстить, чтобы они не отрезали голову, и как их разводить, чтобы они голову не подняли. Стоя на русских спинах, Сталин сумел стать одним из крупнейших исторических деятелей XX века, и его СССР действительно стал сверхдержавой. Он проявил незаурядные качества дипломата и военного лидера…

Существует известная фраза о Сталине, принадлежащая Исааку Дойчеру, но которую часто приписывают Черчиллю (чай герцог Мальборо, а не какой-то непонятный троцкист): «Сталин принял Россию с сохой и оставил ее с атомной бомбой»… Эта мифологическая формула грешит сознательными существенными пропусками и умолчаниями, которые носят откровенно манипулятивный характер. Эту формулу, на мой взгляд, можно усовершенствовать так, что она высветит совершенный переворот более точно. Сталин принял Россию (от Ленина) с сохой (и мечтами) и оставил ее с (сохой, высшей школой и) атомной бомбой. Совершенно очевидно, что Россия февраля 1917 г. при всех недостатках своего социально-экономического развития никак не могла быть описана формулой «соха». Это была страна железных дорог, аэропланов, подводных лодок, автомобилей и телефонов. Для этой страны не было никакой проблемы войти в век танков и авианосцев. И если сомнительно, чтобы она вошла второй в ядерный век, то только потому, что вряд ли бы царское правительство испытывало потребность в такой мобилизации ресурсов и ядерной гонке за лидером. Но русская физика дореволюционной эпохи была

[1] *Источник:* philologist.livejournal.com
[2] https://m.ura.news/news/1052296012

вполне на уровне… Сталинизм и его гуру должны быть предметом скрупулезного фактологического изучения, в котором следует научиться всему, что было интересного и эффективного, и что можно воспроизвести, не воспроизводя тоталитарно-репрессивной системы как целого. Еще же больше следует учиться всему негативному, тому, воспроизведение чего категорически недопустимо и что должно быть искоренено. Сталина следует уважать, даже если мы уважаем его как противника и врага. А вот современных русофобствующих неосталинистов уважать действительно не за что. Они — гиены, угощающие прохожих мясом мертвого льва»[1].

Холмогоров, много лет изучавший Сталина и прошедший все типы отношения к нему, в итоге приходит к выводу, идентичному тому, который когда-то сделал главный научный сотрудник Эрмитажа Б.В. Сапунов, изучая Ивана Грозного: **«Геополитические заслуги Сталина перед русскими существенны, но бесконечно меньше того ущерба, который он и его банда нанесли на внутреннем фронте».**

Здесь напрашиваются два дополнения. Во-первых, царская Россия вполне могла стать второй ядерной державой в мире, поскольку сам В.И. Вернадский с 1911 года серьезно работал над проблемой получения ядерной энергии. И только перед самой смертью, в начале 1945 года, он передал свои разработки второму поколению наших физиков, которые смогли довести его работу до конца.[2].

И второе. Я считаю, что руководство страны поступает правильно, дозированно освобождая документы от грифа «Секретно», поскольку, если бы они срезу обрушились на наши головы, многие мыслящие граждане в стране испытали бы невыносимое чувство шока, от того, что они узнали. Но по мере того, как все большее число документов, относящихся к нашей истории, будут рассекречены, не только Холмогоров, но и все большее число сталинистов с неизбежностью будут вынуждены становиться антисталинистами. Я даже надеюсь, что несмотря на временный всплеск нездорового интереса к личности красного диктатора, я смогу дожить до того момента, когда последний сталинист раскается в своем ошибочном представлении о Сталине. Наталия Нарочницкая, президент Фонда исторической перспективы, руководитель Европейского института демократии и развития, справедливо отмечает, что переоценка, осознание и осмысление истории в более широком контексте происходит все время и что это — нормально и необходимо, но избавляться от заблуждений прошлого и отказываться от них нужно, не глумясь над жизнью отцов и не совершая грех библейского Хама! Настала пора освободиться от безудержного восхваления Сталина, от его культа личности. Суммируя все сказанное о вожде, можно сделать вывод, что культ личности возможен лишь при совпадении целого ряда необходимых условий:

- Вождь должен олицетворять учение (в одном случае — это Библия, провозглашающая, что всякая власть — от Бога, в другом случае — это марксизм-ленинизм, считающий себя единственно истинным социальным учением в мире). Персонифицируя это учение, вождь фактически становится носителем абсолютной истины, т.е. приравнивается к божеству, ибо, как сказано в Библии, *истина есть Бог.* Если вождь принимает неверное решение, то виноват не вождь, а тот, кто это решение выполнял. Тому в истории Сталина «мы тьма примеров видим».

- Вождь должен все время «спрямлять» свою биографию, для чего он вынужден был постоянно убирать лишних свидетелей.

- Вождь постоянно занимается лицемерием, демагогией и откровенной ложью, пытаясь представить все свои распоряжения и приказы как единственно правильные. Ему в этом постоянно помогают его окружение и представители художественной интеллигенции.

- Вождь должен быть невероятно жестоким, и эта его жестокость, как ни странно, также приравнивает его в глазах народа к тому библейскому Богу, который мог карать страшной карой до десяти поколений оступившегося человека. Отсюда следует, что настоящий культ личности возможен только при наличии мощнейшего репрессивного аппарата.

- Настоящий культ личности возможен только при установлении двух железных занавесов: один — с царским временем, а другой — с западным миром. О железном занавесе с царским временем говорилось выше на примере биографии Паустовского и воспоминаний Хрущева. Но был и не менее глухой занавес с западным миром, когда был затруднен выезд за границу и когда советским людям запрещалось говорить, что на Западе что-то лучше, чем у нас.

Только при наличии этих глухих занавесов, отгораживающих сталинский Советский Союз от прошлого России и от всего окружающего мира, можно было утверждать, что у нас все самое лучшее, и что бесконечно благодарить за это надо нашего вождя. В результате всего этого обыкновенный чело-

---

[1] *Егор Холмогоров*: Что такое «реальный сталинизм» сегодня. «Взгляд». Деловая газета. 6 марта 2017 г.

[2] *Сапунов В.Б.* Наукоемкие технологии как основа национальной безопасности. / Проблемы и базовые принципы укрепления суверенитета России. СПб., 2017. С.360.

век («выдающаяся посредственность», как его не без основания характеризовал Троцкий) трансформировался в мифологический образ, божество, которое все знает («корифей всех наук» — и это человек, шельмующий все новые научные направления), указывает человечеству единственно верный путь («вождь всех времен и народов», главная «заслуга» которого — миллионы безвинно погибших и отбрасывание страны по некоторым показателям на многие десятилетия назад), по-отечески относится ко всем народам («отец народов», подвергший депортации многие пароды, в ходе которых многие погибали). Культ личности был настолько велик, что основная масса приняла мифологизированный образ вождя за самого вождя. Для различения этих образов необходима гносеологическая культура: диалектическое чутье, способность мыслить самостоятельно, способность за внешностью, явлением (парадный портрет) увидеть подлинную сущность. Эта культура, а также преданность идеалам демократии, в итоге освободит людей от культа. Все названные причины культа сейчас канули в Лету, поэтому нет причин для восхваления Сталина, и восхвалять его сегодня могут только «вечно вчерашние», которых история ничему не учит.

Но пора по-настоящему учиться у истории.

— История всех трех деспотов наглядно доказала, что правая цель не может быть реализована неправыми средствами. Мы до сих пор расхлебываем негативный опыт правления всех трех диктаторов, и Россия, будучи по своим природным ресурсам в сотни раз богаче Америки (в ее недрах от 15 до 40 % всех полезных ископаемых Земли, а проживает всего 2 % населения), влачит неподобающее ей существование развивающейся страны

— Все три персонажа, в том числе и Сталин, были противоречивыми личностями шекспировского масштаба. Когда-то в очерке, посвященном Льву Толстому, Максим Горький заявил, что Толстой так же отличается от толстовцев, как каланча Ивана Великого от пигмеев. То же самое может быть сказано обо всех великих людях. Так, Дарвин свое эволюционное учение не называл учением, а более скромно — гипотезой. Ибо он прекрасно сознавал, в отличие от дарвинистов, что столько же фактов в биологии подтверждают ее, сколько и опровергают. Также отличался и Маркс от марксистов. Когда мы на третьем курсе философского факультета изучали философские воззрения К. Маркса, на нашем курсе возник вопрос: «Мог ли Маркс на экзамене по марксистской философии получить тройку?» И после сдачи экзамена мы единогласно пришли к выводу, что Маркс мог получить только двойку. Несколько лет спустя я узнал, что к такому же выводу (независимо от нас) пришел и сам Маркс, заявляя, что из всех марксистов он один не марксист. То же самое может быть заявлено о Сталине: если он в ряде случаев заслуживает понимания и даже одобрения, то сталинисты ничего, кроме недоумения и жалости вызвать не могут.

— Настало время относиться к Сталину как к историческому персонажу и прекратить попытки представлять его как гения всех времен и народов. Кстати, именно так относится Запад к своим тиранам: никто там не прославляет их и не пытается взять в пример на будущее. Стоят памятники Робеспьеру, Кромвелю (аж 2 в Англии!) и др. — и все, тишина! Никто новых памятников им не ставит, никто не прославляет, никто не требует их реинкарнации. И нам надо относиться так же. Существует нерушимый закон природы, гласящий, что действие равно противодействии и что угол падения равен углу отражения. В полном соответствии с этими законами, чем более сталинисты будут пытаться прославлять диктаторов, восхищаться их мнимыми достижениями, тем больший отпор они будут получать со стороны трезво мыслящих ученых. И будет тогда это бесконечное плутание, каким был когда-то поход евреев под руководством Моисея по Синайской пустыне.

Я когда-то отдыхал в Шарм-эль-Шейхе, бродил по Синайской пустыне. Размер Синайского полуострова таков, что от его центра да выхода из него в любую сторону менее 2 недель ходу. Но Моисей умудрился по той земле водить свое племя аж 40 лет. Мы вокруг вопроса осознания значения Сталина в истории нашей страны ходим уже более 60 лет. Пора понять, что полемика вокруг имен трех Грозных связана только лишь с недостатком знания, недостатком гносеологической (мыслительной) культуры, которая отказывает людям в возможности увидеть всех трех рассматриваемых персонажей адекватно, такими, какими они были на самом деле, и какими, не приведи Господь, еще кого-то увидеть на русской земле.

В 1963 году, через десять лет после кончины «вождя всех времен и народов» его любимая дочь, заканчивая «Двадцать писем к другу», напишет пронзительные слова. Она заявит, что не ее право, давать оценку той эпохе. Но у нее есть совесть, которая говорит ей, что если не видишь бревна в своем глазу, то не указывай на соринку в глазу другого. Она честно признает, что все мы ответственны за все, и надеется, что придет новое поколение — молодых и задорных, которые объективно оценят ту эпоху, как столь же непонятную, странную и страшную, какой была эпоха Ивана Грозного. И не смогут они назвать то время прогрессивным и что якобы оно было «на благо всей Руси». И скажут они, наконец,

новое, действенное слово, — без брюзжания и нытья, и «перевернут страницы истории своей страны с мучительным чувством боли, раскаяния, недоумения, и это чувство боли заставят их жить иначе… Пусть только не забывают тогда, что Добро — вечно, что оно жило и накапливалось в душах даже там, где его и не предполагали, что оно — никогда не умирало и не исчезало».

Прошло свыше 50 лет после написания этих строк, но не сбылся еще прогноз Светланы Аллилуевой, и большая часть жителей страны по-прежнему прославляет мифологизированный образ ее отца. Но я тоже верю, что обязательно придет поколение молодых и задорных, которые объективно оценят эпоху Сталина, и которые найдут в себе силу и мудрость перевернуть страницы истории своей страны и это заставит их жить иначе.

ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Д.А. Шишов

Важнейшим этапом национальной, социальной, экономической и культурной истории Руси является принятие в 988 г. христианства как государственной религии.

Наш интерес к вышеупомянутому этапу объясняется тремя основными причинами:

- во-первых, появлением на Руси новой формы собственности (владения) на землю, к которой относятся церковно-монастырские земли. Данный факт подтверждает теорию перманентности перераспределения земель уже на ранних стадиях формирования русского государства;
- во-вторых, несомненным влиянием христианской идеологии на менталитет русского общества в вопросах отношения к собственности на землю;
- и наконец, мощной поддержкой христианским учением основ государственности путем умаления роли личности и возвышения роли государства в жизни общества.

Социально-экономическое наследие всей русской истории неразрывно связано с религиозными основами общества, где частная собственность выступает преимущественным предметом социально-философского анализа. Философско-религиозная и общественно-политическая мысль о собственности конца XIX — начала XX в. представлены в работах выдающихся русских философов и правоведов. И.А. Ильин, Н.Ф. Федоров, В.Ф. Эрн, П.Б. Струве, С.Л. Франк и другие в своих работах дали достаточно глубокий анализ христианских канонов отношения к собственности.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что раннее христианство не отрицает частной собственности, но и не поощряет ее наличие. Негативное отношение вероучения распространяется, скорее, на поведение субъекта во владении, а не на объект частной собственности как таковой. И в то же время церковь умело использует отношение субъекта к частной собственности (как объективную необходимость), во-первых, для поддержания иллюзии греха — «верующий не может быть безгрешен» (Мф. 6, 32), и во-вторых, у истинно верующего христианина всегда остается шанс для подвига «отречься для Христа от всего и стать ближе к Богу» (Мф. 6, 24). Таким образом, христианство как важнейшая идеологическая сила развивающегося русского государства в своем учении признает частную и другие виды собственности и опосредованно стимулирует их развитие. Наиактивнейшим продолжателем идей Романовых восстановить и укрепить дворянское землевладение стал, конечно, царь Петр Алексеевич (1682-1725). Трезво оценивая тенденции второй половины XVII в. в форме неуклонной трансформации условного землевладения в вотчинное, при попустительстве властей, царь Петр Алексеевич издает указы, коренным образом формирующие представления о собственности. Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» вводил следующие правовые новшества: во-первых, было прекращено деление земель на вотчины и поместья; во-вторых, помещики получили право полного и неограниченного владения и распоряжения землей, а не на условных началах, как ранее; в-третьих, был введен запрет дробления дворянских имений при отчуждении и наследовании земельных владений; в-четвертых, важнейшим нововведением, позволившим сформировать систему российского земельного права и экономические основы землепользования, является озвучание важнейшей правовой категории «недвижимая собственность (имение)», пришедшей на смену вотчинного и поместного владения. Манифест о Генеральном межевании был обнародован 19 сентября 1765 года в Российской империи, во времена правления Екатерины II. Основной задачей реформирования отношений, было создание более точных границ земель, под частным владением, а также выделение между ними земель принадлежащих государству. Генеральное межевание представляло собой более развитую систему земельного учета по сравнению с писцовыми книгами, которые охватывали лишь малую часть всего земельного фонда страны. Кроме того, осуществление мероприятий по Генеральному межеванию привело к обновлению прин-

ципов российского земельного права: всеобщности учета земель; документальности фактического владения землей; рационального размещения угодий и т. п.

Крупнейшим событием XIX в. была реформа 1861 г., с которой связаны отмена крепостного права и существенные изменения в области земельных отношений. До сих пор нет точного ответа на вопрос, когда и каким образом возникло крепостное право. В.О. Ключевский связывает зарождение крепостного права с таким древнейшим явлением, как холопство. Известный дореволюционный правовед Б.Н. Чичерин утверждал, что крепостное право установилось вследствие потребностей государства.

19 февраля 1861 г. в шестую годовщину своего царствования Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права и Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Однако ожидаемого социального взрыва не произошло, поскольку земельная реформа 1861 г. не затронула в целом земельно-правовые отношения России. Впервые было определено и конкретизировано право частной собственности на землю, определяемое как «…право владения, пользования и распоряжения», соединенное с «…укреплением имущества в одном лице». Общинное землевладение с его круговой порукой являлась удобной структурой для сбора выкупных платежей, а в дальнейшем — сбора налогов с крестьян как податного сословия. Община была одновременно формой осуществления власти в сельской местности на сословных началах. Однако, со временем стали выявляться серьезные недостатки общинного землевладения. На период реформации земельных отношений вводился взамен крепостничества новый правовой институт — «постоянные поземельные отношения между помещиком и водворенным на его земле крестьянином», оформляемый специальным документом — Уставной грамотой. Этот институт прекращался по двум основаниям: в случае добровольного отказа крестьянина от пользования предоставленным им наделом или перехода крестьянина в установленном законом порядке в другое сословие.

Одновременно был введен новый институт — сельских обществ и волостей. Согласно Общему положению сельское общество составлялось из крестьян, водворенных на земле одного помещика.

Начавшиеся в 1906 г. реформы назывались столыпинскими по имени российского премьер-министра П.А. Столыпина. Еще начале 1893 г. с подачи С.Ю. Витте Государственный совет указал министру внутренних дел на недостатки правового устройства крестьян, а уже в 1898 г. С.Ю. Витте вынужден был признать факт «…чрезмерного напряжения платежных сил сельского населения». Особое внимание премьер-министр обращал «…на устранение существующих правовых затруднений к ликвидации надельного имущества, представляющих основное препятствие к выходу из общины». Цель Столыпинских указов заключалась в том, чтобы разрушить общину и создать широкий слой крестьян-собственников. Предполагалось, что достижение этой цели позволит раз и навсегда положить конец мечте о социалистическом перевороте. Задачи новой реформы решались не за счет помещичьих земель, а путем облегчения покупки земельных угодий и создания условий переселения в Сибирь, где были огромные массивы неосвоенных земель. Другой стороной столыпинской политики было совершенствование правоотношений по землеустройству: внося изменения в размеры землевладения и агрикультурную сторону крестьянского хозяйства и дать толчок его производительности и интенсификации. В основе Указов от 4 марта и от 6 ноября 1906 г., Закона от 14 июня 1910 г., Положения о землеустройстве от 29 мая 1911 г. лежала индивидуализация крестьянского землевладения, замена общинного землевладения его личной формой.

Кризис в использовании земель России усугублялся последствиями Первой мировой войны, продолжавшей свой разрушительный ход. В этих условиях от крестьянских масс поступило 242 наказа делегатам I Всероссийского Съезда Советов крестьянских депутатов. Ознакомившись с ними, В.И. Ленин положил их в основу первого земельного закона пролетарского государства. Как известно, это было реализовано в знаменитом Декрете о земле, получившим название «ленинского». Для осуществления социализации земли в принятой 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР было объявлено об отмене частной собственности на землю, а весь земельный фонд признавался общенародным достоянием и передавался трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования. В следующем акте советской власти — постановлении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. появляется уже формулировка, что все земли в Российской Федерации, в чьем бы пользовании они ни находились, составляют единый государственный земельный фонд. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. (ставший основой НЭПа в рамках земельных отношений) допускал аренду земли, правда, сроком не более 6 лет и при условии ее обработки собственным трудом. Регулируя по преимуществу отношения, связанные с ведением единоличного крестьянского хозяйства, Кодекс содержал нормы, поощряющие общественные формы использования земли. В связи с объединением России с другими советскими республиками и с образованием Союза ССР возникла необходимость создания общего союзного земельно-правового нормативного акта, каковым явились Общие начала землепользования и землеустройства. С принятием указанных Основ набирающая силу командно-административная система начала наступление на рыночные отношения в землепользовании.

Первые результаты сплошной коллективизации ознаменовались принятием Примерного устава сельскохозяйственной артели, утвержденного СНК СССР и Президиумом ЦИК СССР 1 марта 1930 г.

Обстоятельнее вопросы колхозного землепользования были решены в новом Примерном уставе сельскохозяйственной артели, утвержденном СНК СССР и ЦК ВКП (б) 17 февраля 1935 г. Этим Уставом земля, занимаемая колхозами, закреплялись за ними в бессрочное пользование.

Среди институтов земельного права прочно заняли доминирующее положение право исключительной государственной собственности на землю и право колхозного землепользования. Это нашло отражение в принятой 5 декабря 1936 г. Конституции СССР, установившей, что земля, ее недра, воды и леса в СССР являются государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием.

Нормативно-правовые акты, принятые в 60-е гг., были направлены на кодификацию земельного законодательства на уровне как Союза ССР, так и союзных республик. Ход кодификации и изменений законов шел в обратном направлении: вначале кодификация осуществлялась на союзном уровне, а затем — на республиканском. Так, в 1968 г. были приняты Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1970 г. на базе этих Основ принят Земельный кодекс РСФСР.

Новый этап развития земельного законодательства относится к периоду «перестройки». Еще в 1989 г. была предпринята попытка кардинального разрешения земельного вопроса. Верховный Совет СССР принял 28 февраля 1990 г. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле». К «достижениям» Основ следует отнести также введение аренды на землю и платы за землепользование. Этим практически исчерпываются все новеллы, введенные в Основы, которые по существу не изменили советский земельный строй. Частная собственность на землю введена не была, но появились еще два титула прав на землю: право пожизненного наследуемого владения и аренда. Тем самым незыблемость исключительной государственной собственности на землю в какой-то мере была поколеблена.

Первые удары по монополии государственной собственности на землю были нанесены Законами РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22 ноября 1990 г. и «О земельной реформе» от 23 ноября 1990 г., которые нашли отражение в поправках к Конституции Российской Федерации. Законом Российской Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 15 декабря 1990 г. ст. 12 Конституции РСФСР была изложена в новой редакции. В ней предусматривалась возможность предоставления земельных участков в собственность, но только для производства сельскохозяйственной продукции. Продажа или иное отчуждение земельных участков, кроме передачи по наследству, допускалась исключительно государству в лице Советов народных депутатов. В течение 10 лет с момента приобретения прав собственности на земельный участок его купля-продажа вообще запрещалась, если земля приобреталась бесплатно, если за землю платили, этот срок сокращался до пяти лет. Таким образом, мы с уверенностью можем сделать вывод, что вся история Российского государства за указанный период пронизана идеями обобществлении земельных ресурсов в интересах общества, а также сохраняет в своей парадигме целеполагания рассматривать уникальный природный объект как невозобновляемое национальное достояние и основу экономического благополучия нашей страны.

Литература

1. Шишов Д.А., Оганесян К.Т., Козырева Е.В. Историческое наследие земельно-кадастрового учета в России (петровский период) // Юридическая мысль. 2015. Т. 91. № 5. С. 76-81.
2. Шишов Д.А., Оганесян К.Т., Козырева Е.В. Историческое наследие земельно-кадастрового учета в России (долгий путь к генеральному межеванию) // Юридическая мысль. 2015. Т. 92. № 6. С. 105-112.
3. Шишов Д.А., Козырева Е.В., Оганесян К.Т. Концепция эволюции земельно-правовых отношений (исторические традиции — дохристианский период) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2014. № 36. С. 182-185.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА УРАЛЕ[1]

Г.С. Моисеев, канд. истор. наук
Свердловская область, г. Каменск-Уральск.

17 век занимает особое место в истории Урала. Это с этого времени имеет смысл говорить об Урале как части Русских земель.

[1] Показывая, как осваивались железные промыслы на Урале в допетровское время, автор аргументированно отходит от общепринятой картины, будто все начинается с Петра I. (Примечание редактора)

Вплоть до конца 16 века Урал был для русских охотников на пушного зверя, торговавших или на рынках России (например в Новгороде), всего лишь перевалочным пунктом в Сибирь. Поскольку в самых русских лесах пушнины к тому времени уже почти не осталось, промысловики всё дальше и дальше уходили на восток, охотясь на зверей и собирали дань с местного населения. Плотность населения к концу 16 в. на Урале составляла лишь 0,1 человека на 1 кв. км.[1]При этом подавляющее большинство русского населения жили в Приуралье. Основная же часть Урала к началу 17 в. ещё не была освоена. Только начинали осваиваться земли Среднего и Южного Урала, где находились основные месторождения железных руд. В течении 17 в. в начале 18 в. Урал с его обширным колонизационным фондом земель привлекал переселенцев из других местностей Российского государства. Преобладающей выступала крестьянская колонизация. Важную роль в движении русских на восток, играли дороги, пересекавшие Урал от Печоры до низовьев Оби. Богатые солью земли между Солью Камской и устьем р. Чусовой царь Иван Грозный отдал Строгановым, за которыми сюда потянулись и другие люди. Севернее владений Строгоновых возникли дорога через Вишеру и Лысьву, доходившая до Волжско-Камского бассейна и Оби.

Знаменитый поход Ермака (1581 г.) на столицу Татарского ханства свидетельствовал о коренных изменениях политики русских царей на юго-востоке государства. Бывший до этого щитом России, защищавшим её от степняков, Урал превратился теперь в плацдарм для её продвижений в Среднюю Азию. Хотя Ермак служил Строгановым, его поддерживало правительство. «Строя здесь крепости, Москва тем самым переходила от политики отдельных походов к установлению своего государства».[2]

Так возник путь с запада на восток через Каму-Чусовую и Туру, на долгие годы ставший единственной возможностью перехода через Уральский хребет; его разделяли два тракта, начинавшиеся на востоке Урала реками Турой и Тагилом (этим путем шёл Ермак). Благодаря ей с древнейших времен был установлен сплошной водный путь. соединяющий центр страны с Уралом и Сибирью. По горной реке Чусовой ездили торговые люди, этим же путем пробирались в Сибирь беглые крестьяне и «гулящие люди», строгановские крестьяне возили хлеб на продажу. Путь по Чусовой шёл до устья р. Утки, где путешественники высаживались и продолжали путь на восток сушей, к р. Реже, и далее направлялись на р. Нейву, в Невьянскую слободу, откуда также водным путём шли к Тюмени.[3] По рекам Чусовой, Каме, Волги и Оке в 17-18 вв. сплавляли с Урала на запад пушки и железо. Ещё большее значение имела другая дорога из европейской части государства в Сибирь — севернее Соликамска на Верхотурье и через деревню Тавдинскую — этим путем пользовались в зимнее время. Верхотурье являлось «воротами» в Сибирь.[4]

Был ещё третий путь — через уральские степи и далее, по Кунгурскому уезду, к верховьям р. Чусовой, откуда дороги раздваивались: одно направление шло на северо-восток, к р. Утке и р. Реже, к Ирбиту; другое шло на юг от р. Чусовой, на р. Исеть, к Арамильской слободе и к Далматовскому монастырю. После основания при Петре I города Екатеринбурга этот путь стал основным для едущих в Сибирь.

Дороги проходили через леса, заселенные аборигенами — вогулами на севере и башкирами на юге. Башкирские земли начинались у истоков Чусовой, юго-западнее Исети. Весьма многочисленные, компактно расселенные и хорошо организованные, башкиры оказались на пути продвижения русских на восток.[5] При Иване Грозном (1557 г.) они приняли русский сюзеренитет. Царь, чтобы показать свою силу послал в «Башкирию» войско, дошедшее до истока Белой, но лишь введение ясака (натурального денежного налога) поставило башкир в зависимость от России. Северные границы региона не были четкими; скорее всего, на здешних скалах вдоль Чусовой и Исети никогда не жил, лишь в мирное время сюда приходили с юга русские. Жившие местами вогулы не были серьёзным препятствием для русской экспансии и петровского строительства.

Первоначально освоение Урала носило сельскохозяйственный характер, в основном животноводческого направления, охотных и рыбных промыслов. Но любое крестьянское хозяйство не может обойтись без железа. Осмотревшись на новым местам, мужики засучивали рукава и начали класть собственные «домницы», искать руду. У каждой богатой семьи была своя печь. Её выкладывали из камней. Шахту «домницы» заполняли древесным углём, на него насыпали руду. Затем печь «задували» и разжигали. Жар поддерживался непрерывной подачей воздуха, который нагнетался двумя кожаными мехами. У печи работало по два человека, один работал у мехов, другой следил за плавкой, засыпной руды и угля. В результате плавки образовывался металл или крица. После этого меха убирали и, взламывали грудь печи, доставали металл. Кусок крицы, положив на плоский камень, околачивали молотом и разрубали на части, Продукция таких частных «домниц» была незначительной, но удовлетворяла потребности нового строительства.

Первоначально для создания уральской пашни правительство просто переводило «на вечные жилы» в «новую государеву вотчину» крестьян из европейской части страны из Поморья, Приуралья, Среднего Поволжья. Для остальной же части территории широко применялся другой путь вербовки для переселения на Урал, Сибирь добровольцев. Их тоже набирали главным образом в северорусских уездах, представляя немалую «подмогу» и льготы.

Основными районами массовой русской колонизации становятся неосвоенные или слабо освоенные плодородные земли лесного и лесостепного Среднего Урала. Местное земледельческое население в основном доброжелательно относилось к русским крестьянам и вместе с ними осваивало пашни. Немногочисленное промысловое и скотоводческое население попадало под влияние русской земледельческой культуры и переходило к оседлости. В начале 17 в. правительство сохраняло льготы для первопоселенцев в слабо освоенных районах. Однако по мере нарастания стихийного массового движения крестьян на Урал оно отказывалось и от этих небольших льгот.

Определенной веткой в русской колонизации Приуралья в 17 в. было образование нового — Кунгурского уезда. Темпы заселения Кунгурского уезда в 17 в. были самыми высокими на Урале. За 55 лет (1648-1703гг.) количество дворов здесь увеличилось в 12,2 раза. Кроме русского населения, здесь проживали татары, башкиры, марийцы, чуваши и удмурты, составившие около 20 % населения уезда. За 80 лет (1624-1704гг.) численность нерусского населения также увеличилось почти в 12 раз.[6] Большинство его занималось земледелием, вместе с русскими поднимали кунгурскую пашню.

Основная часть переселенцев направляется за хребет на восточный склон Урала и в Сибирь. В первой половине 17 в. на восточном склоне наиболее быстро осваивались плодородные земли южной части Верхотурского уезда до р. Пышмы. Здесь было освоено около полутора десятков крупных слобод и погостов. Большинство из них были укреплены острогами и населены беломестными казаками, нёсшими военную службу, наделёнными землей, получавшими жалованье и освобождёнными от тягла.

Слободы[7] возникали по инициативе зажиточных крестьян — слободчиков, признавших «охочих людей» для освоения пашни.

Какова была численность тогдашнего уральского населения?

В Верхотурском уезде в 1624 г. насчитывалось 2 слободы (Невьянская и Ямская) и 149 деревень, состоявших из 278 дворов, да ещё 109 было в уездном центре Верхотурье, следовательно, всего 387 дворов. В уезде проживало 49 бобылей и половников, а если сюда прибавить женщин и детей, то выходит 4000-5000 человек. Тем не менее, она показывает, что уезд был мало заселён. Если принять его площадь за примерно 30000 кв. км., то в среднем плотность жителей в нем составляла максимум 0,2 человека на 1 кв.км. Поселения почти всегда располагались вдоль трактов и рек, проходивших в меридиальном направлении между горными отрогами. Уральцы в начале 17 в. проживали в маленьких деревня, разделенными огромными безлюдными пространствами.

Колонизация края шла быстро: за последующие 20 лет (1624-1645) в северной части Верхотурского уезда возникло 10 новых слобод; в южной части уезда, по течению рек Исети и Чусовой, в районе будущего города Екатеринбурга , с 1645 г. до конца века выросло 19 новых слобод. По переписи 1666 г., в Верхотурского уезде насчитывалось уже 1040 дворов. Верхотурье — 19 в. В 1680 г. в Верхотурском уезде уже имелось 13 слобод, 338 деревень, 2 села, 6 погостов с деревнями, заимка, 2 монастыря — всего 362 населенных пункта. В них писцы насчитывали 1980 дворов, в которых жило 6218 душ мужского пола. За 14 лет после предыдущей переписи число дворов и количество населения уезда увеличилось почти вдвое, а с 20-х годов 17 в. — почти в пять раз.[8]

За 56 лет (1624-1680) число дворов в обширном Верхотурском уезде выросло более чем в 7 раз.[9]

Заселение уральской части Тобольского уезда началось несколько позднее , но шло ещё более быстрыми темпами. Практически все значительные слободы основаны здесь во второй половине 17 в., большинство — в 60-80 гг. Однако уже к началу 18 в. Тобольский уезд не уступает Верхотурскому по заселенности. Тобольск 17в. — административный центр и средоточие основных воинских сил Сибири. В нём правили воеводы — начальники и гражданские правители. С 1590г. город стал центром колонизации Сибири и называли его не иначе как «столица Сибири».

По неполным данным окладной книги Сибири 1697 г. (относительно только к пашенным, т.е. находившимся на десятинной пашне крестьянами), на территории Тобольского уезда числилось 2888 дворов, тогда как в Тюменском было 222, в Туринском — 333.[10] Людской поток из Европейской России, Приморья в Сибирь шёл вдоль казачьих «острогов», что облегчало заселение Урала, в первую очередь, самовольно переселявшимся сюда государственными крестьянами и, в меньшей степени, беглыми крестьянами, а во-вторых, правительственной колонизацией, шедшей одновременно со строительством крепостей и вызванной необходимостью защиты края от нападений кочевников.

Государственные крестьяне, обосновавшиеся на Урале, были людьми свободными. Беглые крестьяне получали свободу в двух случаях: если их не могли найти прежние хозяева (а такое в 16-17 вв. было частным явлением), или же если на них не обращало внимание государство. Таким образом, Средний Урал в социальном плане был достаточно специфической территорией.

Переселенцы, обосновавшиеся на казенных землях, были «государственными свободными людьми» и последовательно требовали лишь исправленного исполнения повинностей. И, принадлежавших им поло-

женных 9,5-10 десятин земли они десятину обрабатывали для государства. Кроме того они платили натуральный оброк церкви, отрабатывали барщину на коллективных работах (сооружение дорог, строительство церквей и т.д.). Вслед за вольной крестьянской и военно-административной колонизации на Средний Урал пришли представители крупного землевладения в лице хозяина — монастыря. «Подмога», налоговые послабления, ссуда — всё это давалось в 17 в. не зря. Тяжело доставался русскому человеку первый сибирский хлеб. Крестьянские семьи по пути на Урал, в Западную Сибирь терпели большие лишения. Особенно трудно приходилось маленьким детям, они нередко умирали в дороге. Не каждый крестьянин мог извлечь выгоду из льготного положения первопереселенцев, не каждый был способен быстро освоиться на новом месте. Освоение того нового, что несла за собой незнакомая земля, требовало времени, больших трудовых усилий, воли к преодолению в суровых условиях возникающих преград.

Уральская пашня зарождалась на больших полянах, и первые сельские поселения были, поэтому небольшими и располагались далеко друг от друга. Помимо деревень в уездах в 17 в. имелись и другие, менее распространенные виды поселений. «Починками» и «заимками» обычно называемые вновь создаваемые, а потому небольшие поселения в одно или несколько дворов. Широко практиковалось право первой «заимки» — владения «истории» без каких либо «данных» или «отводных» грамот. «Заимка» — земельный участок, занятый кем-то по праву первого владения, обычно она находилась вдали от пахотных земель. Из нескольких раскинутых земледельческих деревень образовались села. Крестьяне, жившие в селе, были приписаны, к одному церковному приходу. Гораздо большее распространения получили селы свободных людей, занимавшие промежуточное положение по отношению к городам и сельским поселениям. Слободы становились административными и религиозными центрами для всех селений своей округи, были, как правило, основательно укреплены.[11] Постепенно увеличивалась численность сибирских деревень и их размеры. Крестьяне-переселенцы, проделав многоверстовой путь, наконец, добирались до привольных и благодатных земель. Расчистив поляну или вырубив деляну в действенном лесу, строили дома. В начале 17 века в домах чаще не имели труб и топили «по-черному», как и баню. Лес был верным другом и защитником, их кормильцем и вечным спутником: дары леса от лубяной зыбки и резной игрушки до смертной кончины сопровождали человека на протяжении всего жизненного пути. Самое насущное в крестьянском быту — изба, баня, ложка, кадка, соха, сани, прялка, ткацкий станок, звери, ягоды,мед и многое другое — щедрая дань необъятного прошлого зеленого Зауралья.

Голод был постоянным спутником первых русских первопроходцев. В первой половине 17 века, едва тлевшие очаги земледелия коренных обитателей Урала, не смогли прокормить и сотой доли оказавшихся здесь переселенцев. Им приходилось рассчитывать только на себя. В Москве также хорошо понимали, что без обеспечения переселенцев невозможно их закрепление в Сибири. Курс на создание на восточном склоне Зауралья собственной зерновой базе в тех условиях был вполне закономерным и естественным. Главной задачей становилась задача поддержка устройства «государевой пашни». Самые важные землевладельческие районы Верхотурско-Тобольские земли должны были стать житницей Сибири.

С годами население увеличивалось, темпы заселения новых просторов горнозаводской зоны Зауралья со второй половины 17 века усиливаются. Так, количество дворов на Восточном склоне с 1678 года по 1710 год увеличивалось с 10404 до 28021, рост составил 269% . В то время как прирост населения на Западном склоне Урала были равен только 108 %[12]. Это означало, что колонизация перехлестывала в эти годы через западные склоны уральского хребта, создавая условия для расцвета железного промысла. Именно в этот период истории уральского региона формировался «особый быт» Урала.

В начале 17 века о богатстве уральских недр уже сложились легенды. В 1621 году, в районе открытых ранее месторождений железных руд, на р. Нице, тобольский архиепископ организовал заимку и поселил на ней 8 крестьянских семей, которых он вывез из Руси[13]. В 1628 году тобольский воевода узнал от «татарина» (собирательское обозначение в русских источниках всего местного нерусского населения) о наличии железа на р. Нице и поручил кузнецу из Невьянской крепости в сопровождении мастерового из» гулящих людей» (бродяг) провести опытную плавку найденной руды. Её выплавили в Верхотурье и Тобольске, а образцы отослали в Москву. После этого правительство приказало провести новые поиски, а воеводам было придписано прислать кузнецов для будущего завода, чтобы они своими советами помогли местным кузнецам «…железо плавить и в том железе…пушки и всякое железное дело делати».[14] Так возник Ницынский железоделательный завод. Выстроенный в 1631 году он сгорел через 6 лет. Завод имел лишь сыродутные горны с ручными мехами. В первой половине 17 века железо, как и хлеб заводилось на Урал из поморья и обходилось недешево. Деревня вынуждена была сама обеспечивать себя железом.

Крестьяне самостоятельно разведывали месторождения болотной и гнездовой руды, удобной для обработки в кустарных условиях, сами добывали её, выплавляли из руды железо, после чего кузнецы занимались выковкой орудий труда и других, необходимых в деревне вещей для продажи на рынке и по заказам крестьян или казны. Однако в первой и второй трети 17 века в металлургические промыслы на Урале

были развиты довольно слабо, кузнецов для обслуживания всех нужд деревни и казны не хватало, многие слободы даже не имели кузнецов или квалификации их оставляли желать лучшего. С большими проблемами сталкивались при этом и сами крестьяне и государственные мельницы были своего рода казенными ремесленниками, получившими от государства жалование (чаще всего 2 рубля деньгами, 3 чети ржи и четь овса в год. [15] В связи с нехваткой кузнецов их нередко перебрасывали из одной слободы в другую, исходя из интересов казны, причем крестьянские общины расставались со своими кузнецами очень неохотно, некоторые крестьяне-кузнецы обслуживали сразу несколько мельниц. Переписка о необходимости кузнецов в слободах очень распространена в делопроизводстве Верхотурской приказной избе, кузнецов буквально рвали на части.

В тоже время в ряде уральских селений, расположенных близь месторождений болотных, озерных руд и рудных гнезд, металлургические промыслы развивались гораздо успешнее, чем у их соседей. Болотные и озерные руды легко поддавались обработке и плавке в «малых горнах», правда, были сравнительно небогаты. Руды, залегавшие «гнездами», давали больший процент железа. Добывать и обрабатывать гнездовую руду было несколько труднее, чем болотную или озерную, и все же гнездовая руда была вполне доступна для крестьянских промыслов. В.И. Геннин писал: «Оные железные руды лежат великими обрывными гнездами, из которых бывает в выборе около ста тысяч пудов и больше и меньше, и находятца почти наруже земли, которые с малым трудом без бурывания и без стрельбы порохом, но кирками и ломами добываются великими штуками. Оные же руды весьма преизряднее и пребыточные в плавлении на железо и развариваютца, в горну жидко и так плод из себя дают богатой, что из ста пуд выходит пятьдесят пуд чугуна и оные не в пример олонецким рудам…» [16] Такого рода очаги крестьянской металлургии находились, например, в Кунгурском уезде, особенно в селах и деревнях около г. Кунгур, где в конце 17 века сложилась целая сеть крестьянского мелкотоварного железоделательного производства.[17] На территории Тобольского уезда, возле многочисленных в этих листах месторождений болотных руд, особенно в Багаряцкой слободе, известной развитыми кузнечными промыслами и в Армильской слободе, где жила семья знаменитых уральских рудознатцев Бабиных… Для многих крестьян плавка железной руды и выработка железа были важными источниками существования.

Первоначально на Урале, как и в других региональных с развивающимися железоделательными промыслами, не было разделения труда между рудознатцем , плавильщиком и передельщиком металла. Все они совмещались в одном понятии — кузнец. Однако в последней трети 17 века. Положение начинает изменяться. Появление налогов «с рудного дела крестьян», и «с железного дела крестьян» «с кузниц» косвенно свидетельствуют об знатном разделении труда между крестьянами рудознатцами, рудоплавщиками и кузнецами.[18]

Во второй половине 17 века население Урала увеличивается за счёт новых переселенцев из Средней России. В 1670 году тобольский воевода писал верхотурскому: «А ныне в слободах почало быть многолюдно»[19]. Во второй половине 17 века «гулящие люди», составлявшие почти треть населения Ницинской и почти половину в Невьянской слободе. [20]

С ростом населения металлургические промыслы быстро развиваются по обоим склонам Среднего Урала. В Верхотурском уезде в 1698-1699 гг. в Аяцкой слободе насчитывалось 16 крестьян — рудоплавильщиков, в Невьянской — 15, в Краснопольской — 4. [21]

В Кунгурском уезде также «в разных местах на Государевой земле обретаютца железные руды, а копают тоя железную руду и промышляют ,кунгурские крестьяне , плавят железо из и из того железа делают уклад при своих домах ручной работой…»[22] Руда переплавлялась в небольших домницах, которые обслуживали по два человека.[23] Крестьянские мастерские , производившие крицы выглядели довольно скромно: «Села Троицкого деревни Сухого Логу у крестьянина Якова Басунова плавильный амбар забран в заплот жердям к плавке железа. Припасов мехе кожаные ветхие, одни клещи для выклеки железа, один лом, одна тупица для прииску руды, щуп железный двух аршинный.[24] Были амбары более или менее оборудованные, но принципиально они ничем не отличались от выше описанных техника в деревне оставалась на примитивном уровне. Ежегодная производительность крестьянской домницы колебалась от 40 до 60 пудов кричного железа, на это уходило 1,5-20 тонны руды.[25]

В первой половине 17 века казна проявляла мало интереса к крестьянам — рудоплавщикам, однако, во второй половине 17 века, правительство активизирует свою политику в отношении крестьянской металлургии, крестьян — рудоплавщиков обладают горной податью — они обязывались сдавать в казну каждый десятый пуд, выделенного им железа. Рудоплавщики, естественно, встречали годовой сбор десятого пуда без всякого энтузиазма. «Памяти» из Верхотурской приказной избы последних лет 17 века полны указаниями на саботаж указа. Впрочем, выплавка железа в слободах была крайне нестабильна, а «десятый пуд» требовали исходя из прошлых сборов. Поэтому недоимки нередко возникали, которые выплачивались на следующий год. Так, в Арамашевской слободе в 1699 году, было собрано 18,25 пуда за 1698

и 1689 гг. В Белоярской слободе в 1699 г также было собрано три пуда за 1698 год и столько же за 1699 год. Таким образом, даже судить только по количеству железа, обложенного налогом, логично сделать вывод, что некоторые слободы Верхотурского уезда, также как Невьянская, Арамашевская и Аятская в конце 17 — начале 18 вв. могли производить, пусть и нерегулярно, от 200 до 300 пудов железа в год.

В уральских областях относящихся к Тобольскому уезду, крестьянская металлургия была значительно сильнее, а также слободы как Багаряцкая и Арамильская несомненно производили значительно больше количестважелеза. Собранное железо перевозилось в Верхотурье крестьянами на подводах.

Кузнечное ремесло концентрировалось в тех слободах, где была развита кустарная выделка железа. Крестьяне Невьянской, Арамашевской, Ницинской, Белослуцкой, Усть-Ницинской, Аятской, Краснональской, Уткинской (Чусовской) слобод Верхотурского уезда имели в 1666г 17 кузниц, в 1680 г. их количество возрастает до 24, что составляет 2,1 % от общего числа дворов (1117).[27]

В Тобольском же уезде работал 321 кузнец, из них 146 человек жили в 16 слободах, географически относящихся к Уралу (большая часть уезда относилась к Сибири). Слободы, в которых жил кузнечный промысел был особенно опережают слободы Верхотурского уезда. В Арамильской слободе было 28 кузнецов, в Багаряцкой — 26, в Камышевской — 19, в Катайском остроге-15, в Белоярской Пышминской слободе — 14, в Белоярской, Теченской и в Калиновской — по 10 кузнецов.

В среднем в первой четверти 18 в. в уральской части Тобольского уезда владельцы кузниц составляли примерно 3 % от общего числа крестьян —дворохозяев, в слободах же с наиболее развитым кузнечным промыслом, как например, в Багаряцкой эта цифра достигает 6,5 %. Появляется в металлургии ремесленники как бронники котельники .[28] На рубеже 17-18 вв. на Урале появляются более крупные «мужицкие» заводы, как сыродутные, где выплавлялись крицы, так и передельные, перерабатывающие выплавленные крестьянами крицы в полосовое железо, иногда с использованием водяной силы.

Наиболее значительным успехом в частном железоделательном производстве достигли братья Тумашева, основавшие в 1669 г. на реке Нейве в Краснольской слободе завод, имевший домницу с тремя горнами и кузницу, дававшей около 1200 пудов железа в год. Кроме кричного железа на заводе вырабатывались сельскохозяйственные орудия, которые сбывались уральским крестьянам. Производилось и некоторое количество «битого» т.е. прокованного железа, более чистого и качественного, нежели кричное. [29]

Работал завод исключительно на наемной рабочей силе крестьян Верхотурского уезда и «гулящих людей», что стало возможным благодаря росту населения на Урале во второй половине 17 в. В 1671 г. здесь работало 23 человека. Опытный мастер, Д. Тумашев мог добиться производства железа лучшего, чем на крестьянских заводах качества. Завод проработал 11 лет, до 1680 г.[30]

Во второй половине 17 в. зарождаются элементы рынка железных изделий.

Теперь выясним, что следует понимать под «ремесленной промышленностью» и крестьянским заводом. Число ремесленных металлургических центров в течение 17в. быстро увеличивалось, так выплавка руды и ее дальнейшая обработка производилось в разных цехах: крестьяне плавили руду в маленьких печах, и слитки железа, полученного прямым способом, отправлялись кузнецам, которые ковали из него сельхозинвентарь. Таким образом, разделение промышленных операций являлось, наряду с малыми объемами производства, одним из основных отличительных признаков кустарной металлургии. В конце 17 в. только в Кунгурском уезде насчитывалось более 45 крестьянских заводиков, производивших до 50 пудов (800 кг) железа в год.[31] Но надо иметь в виду, что эти «предприятия» появлялись спонтанно, по местной инициативе, и служили здешнему населению. Имея всего несколько работников, они не затрагивали местный социум и полностью удовлетворяли потребности уральцев.

Активно занимались продажей железа братья Тумашевы. Один из них, В.А.Тумашев выполнял функции разъездного товарного агента в 1670-71 гг. он совершил довольно успешную поездку «за железом в Тобольский и Верхотурский уезд, в слободы и до Тюмени». Возможно, именно деятельность Тумашевского завода содействовало тому, что, как сообщалось в 1673 г. в Верхотурскую приказную избу, в «нижних» слободах (Тобольского уезда) продажного железа много.[32] Впрочем и в слободах Тобольского уезда выплавлялось немало собственного железа на продажу.

Во второй половине 17в. было широко развиты железные промыслы. Они известны в устье р. Оби, в верхнем течении р. Нейвы, но р. Железенке, р. Сысерти и в бассейне р. Сылвы. [33]

«В начале 1672 г. Тобольский губернатор предписал шадринскому драгуну полуполковнику Петру Аншутину собрать драгун разных слобод и двигаться вверх по р. Исети и выбрать место для постройки нового острога». Весной отряд П. Аншутина двинулся в путь. На возах везли лопаты, кирки, ломы, топоры и провиант. Дороги не было, местами приходилось прорубать в сосновом бору дорогу. Наконец, через три дня перед отрядом престал причудливый утёс, с полуденной стороны омываемой р. Яровой (Исетью), а с захода солнца речкой Колчеданской. Высота утеса была от 4 до 6 саженей. Аншутин приказал разбить бивак.[34]

У подножия горы драгуны поставили шалаши и приступили к валке леса и рубке крепости острога. Вся площадка горы обносилась частоколом в 127 сажений из толстых бревен 3-метровой высоты. В самой крепости срубили две 5-метровые башни с бойницами. Острог строился на ключевых позициях. Его не обойдешь не объедешь, так как с юга — река Исеть с высокими берегами в 4-5 саженей, с запада — такой же обрыв в речку Колчеданка, с восточной стороны у частокола драгуны видели 2-метровый ров, а на север от крепости, к лесу, до которого оставалось сажений 30, смотрели бойницы. Острог по названию речки и был назван Колчеданским. 25 ноября 1672 г. Аншутин написал: «…он Аншутин, с драгунами поставил Ново-Колчеданский острог мерою 127 саженей».[35]

Через два года капитан Черкасов по приказу тобольского воеводы П.М.Салтакова достроили острог. Он же провёл межу между землями Катайского и Колчеданского острогов по речке Караулке и Абызовке. К этому времени около острога уже было 10 изб, которые срубили себе крестьяне, бежавшие из вотчины Романовых из-под Кунгура и от монахов подмосковского монастыря. Первыми поселенцами были Лев Горюнов и Иван Вотагин. По отводной Грамоте Фёдора Рухина от 28 июня 1682 г. до нас дошли имена еще нескольких первых жителей Колчедана: Василия Алексеева, Ивана Елизарова, Якова Патракеева, Ивана Сидорова. Они были мастеровыми людьми, но одновременно хлебопашествовали, бродили в поисках руды, занимались охотой и рыболовством. Были среди первых жителей и богатые из переселенцев. Тимофей Житких стал приказчиком, Абрашка Абрамов — мирским старостой .[36]

В 17 в. предпринимались неоднократные нападки ограничить свободу уральских крестьян. Особенно это хотели сделать монастыри, такие как Невьянский Богоявленский, возникший в 1622 г., и Успенский, основанный невьянским монахом Далматом на р. Исети, при впадении в нее р. Течи. В это время долины этих рек были заселены башкирами и сибирскими татарами. Отшельник обосновался на землях тюменского ясачного татарина Илигея. Согласно монастырскому преданию, тот дважды пытался изгнать непрошенного гостя, но в конечном итоге, благодаря Божественному промыслу, весной 1646 г. добровольно передал Далмату владения, в присутствии родственников и соплеменников, площадью 160 тысяч десятин.[37] Далматовский монастырь был основан прямым потомком одного из казаков ермаковской дружины — Дмитрием Ивановичем Мокринским. Монастырь, расположенный на высоком берегу выше слияния двух рек, занимал выгодное стратегическое и географическое положение и поэтому стал своеобразными воротами для заселения обширного Исетского края. Первыми русскими поселенцами были исетские казаки, потомки казацкой дружины Ермака. Слух о новом монастыре распространялся ,и сюда стали прибывать люди из Верхотурского уезда, с Усолья и других мест.

Богатые природные угодья всё больше привлекали пришлых людей и они оседали на землях монастырских, заключая с братией «порядные грамоты», «уговоры», давая «поручные записи», работая за вклад и т.п. С весенним пригревом началась рубка срубов. Русских здешний дом был невелик, он состоял из одной «чёрной» избы с маленькими «волоковыми» окнами. В домах строили печи, топившиеся «почёрному», т.е. без труб. Во время топки дом выходил в сени через дымное окно. В зимнее время окна затягивались брюшиной, зажиточные хозяева делали оконца слюдяными.

Привлекая на свои земли пришлых людей, монастырь предоставлял им «льготы» — «подмогу — лошадей, аральники, топоры, косы и серпы по ценам, а коров и овец по приплоду».[38] На этих изобильных, не тронутых рукою человека землях, монастырские крестьяне рыхлили землю, сеяли и убирали урожай, косили траву, заготовляли сено; на хмелевых угодьях собирали хмель, ловили рыбу в реках и озёрах, собирали ягоды, разводили скот и птицу. [39]

Монахи монастыря, узнав о наличии железных руд на р.Каменке, решили обосновать здесь заимку. Игумен Успенского Далматовского монастыря Исаак с братьей еще «в давние годы», вероятно в 80-х годах 17 столетия, «били себе челом во владенье о речке Железянке». В связи с этой просьбой тобольские власти приезжали для отвода земель монастырю , но крестьяне и казаки Колчеданского острога «у отводу не были и к межевым книгам руку не прикладывали и тое речку спорили, что та речка Каменка, а Железенка и насильством (монастырские власти) построили монастырский двор и крестьян поселили 40 дворов». Но монахи не ограничились захватом земель по р.Каменке и устройством на спорной земле монастырской слободы. В 1682г., по словам казаков и крестьян, тот же игумен Исаак с братьей обратился к властям с просьбой пожаловать монастырю новые земли. Он писал, что «приисками они в Сибири вверх по Исети реке на правой стороне выше Колчеданского острогу 15 верст в пустых местах на речке Железенке руду железную, а то де речка, никому русским людям и иноземцам не в даче, лежит впусте»[40]

В феврале 1682 г., в ответ на челобитную, от царя Фёдора Алексеевича поступил указ тобольскому воеводе: «разрешить игумену Успенского монастыря с братею на Исети р. в урочище плавить руду под монастырский обиход.[41] Началось строительство монастырского завода и заводского поселка в котором жили плавильные мастера, «деловые люди» и заведовавший производством старец Питирим. Имеется описание завода , сделанное в 1691г. Этот завод не был доменным, железо плавилось прямо из руды в

горнах, или домницах, сыродутным способом. Таким образом, завод не отличался от крестьянских промыслов.[42] В описи владений Далматовского монастыря в 1692 г. значилось: «Кузница с наковальнею, клещами, мехами; домница — плавят железо; в ней две печки с кричными клещами, с тремя поварницами; перед домницей сарай угольный прирубной, ступа и пест, чтоб железная руда толчи; погреб подпогребницею и на речке Железенке однопоставная мельница. [43]

Под домницей в технической литературе представляется и изображается нечто вроде небольшой домны. И по отмеченной фразе цитаты можно так и предположить, но следующая фраза сразу определяет значение «домницы» — строение, изба, иногда мазанка, в которой стоят печи или горны для выдувания железа, где «дмут» (дуют) железо. .Отсюда слово «домница», как и «кузница», в которой куют железо.[44] За сезон на железном промысле Далматовского монастыря получали до 300 пудов (4914 кг.) железа.[45] Работали монастырские крестьяне, а продукция шла на нужды монастыря.

Кустарники — ремесленники помогали строить первые уральские заводы. Для постройки первых казённых доменных заводов на Урале требовалось и железо, и уклад, и сталь, для чего до постройки плотин и домен там могла с успехом служить кустарная продукция «рукодутного» железа и стали. И, действительно, на Каменском заводе в 1704 г. наряду с крупным доменным существовало и мелкое производство железа в «малой домнице», размером 8×3 саж., а «в ней 3 печки кирпишных для дела кричного железа» — «рукодутных криц». У этих печей работали местные «рудоплавные мастера» — крестьяне Камышловской слободы. [46] Автор названной калькуляции, тобольский дворянин И.И. Аршинов, прибыв на завод в начале 1704 г. принял из продукции прошлых лет таких рукодутных «653 крицы, весом 647 пуд.» (10598 кг.); за 1704 г. малая домница работала уже 48 пече-дней и дала едва 101 пуд. 30 ф. сырца в крицах. Но уклад и сталь и в 1704 г. выделывались здесь еще только из такого рукодутного железа — сырца. Вместе с тем на заводе одновременно с новым кучным методом углежжения практиковался старый — в «малых ямах». Известна и оплата труда: мастеровым — по 3 коп., прочим — по 2 коп. в день. [47]

Итак, на протяжении всего 17 в. основным производителем железа и железных изделий в Зауралье была деревня. Однако в первой и второй трети 17 столетия металлургические промыслы на Урале были развиты довольно слабо, кузнецов для обслуживания нужд деревни и казны не хватало, многие слободы даже не имели кузнецов или их квалификация оставляла желать лучшего. В целом железоделательные предприятия 17 в. были невелики и нестабильны, но тенденция к увеличению их числа и их производительности на рубеже 17-18 вв. приобретает вполне устойчивый характер. На рубеже 17-18 вв. на Урале появляются крупные «мужицкие» заводы, элементы рынка железных изделий. Расцвет железного промысла в Зауралье во второй половине 17 в. внес большой вклад в создание предпосылок успешного развития петровских металлургических заводов Урала.

Литература

1. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М: Наука, 1989.С.174.
2. Порталь Р. Урал в 18 век. Париж, 1950. С. 31.
3. Бахрушин С. «Очерки по истории колонизации Сибири». — М., 1928. С. 101-102.
4. Вопросы истории. 1947. № 11. С. 150.
5. Атналугов С. Башкирия. — М., Л., 1925. С. 7.
6. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 178.
7. Слобода — большое село, административный центр округа.
8. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в 18-19 вв.: опыт исследования по истории уральской металлургии. Т.1. М., Л. 1949. С. 47; Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. 7. Верхотурский край в 17 веке. Пермь, 1897. С. 57, 98, 102.
9. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М., 1989. С. 179; Устюгов Н.В. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти 18 в. Исторический архив. Т. IV. — М., Л. 1949. С.151-152.
10. Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. — Проблемы источниковедения. Вып. V. — М., 1956. С. 209.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1973. С. 190; Уральская историческая энциклопедия. М., 2000. — С. 290, 483.
12. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР, Т. 1. — М., 1954. С.137.
13. Бушинский П. Заселение Сибири и быт ее насельников. — Тюмень, 1999. С. 125.
14. Кафенгауз Б.Б. Указ. Соч. С. 49-50.
15. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 186.
16. Геннин В. Описании уральских и сибирских заводов. — М., 1937 С .34.

17. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 187; Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб, 1884. С. 268; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д 4 а. Л. 120-122.
18. Кузин А.А История открытия рудных месторождений России. М ., 1961. С.40.
19. Преображенский А.А. Предприниматели в 17в. // Русское государство в 17 в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. — М., 1961. С.119.
20. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 200.
21. Вилков. О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце 16 — начале 17 в. — Новосибирск, 1990. С. 287.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп 1. Д. 4а. Л. 119.
23. Кашинцев Д. История металлургия Урала . — М.,Л.,1939. С. 23.
24. ГАСО. Ф. 240. Оп. 1. Д 4а. Л. 119-122.
25. Вилков О.Н. Указ соч. С. 287.
26. ЦГАДА. Ф. 1111. Оп 1. Стб. 86. ч. 2. Л. 115; там же Ф. 1111. Оп 1. Стб. 16 Л.Л. 106-117, 122-123, 134,145-141,153,157-158; Там же Стб. 604. Л.Л. 121-23, 34, 42, 48-49, 52-53.
27. Вилков О.Н. Указ соч. С. 287.
28. ГАСО.Ф.24. Оп.1.Д.4а. ЦГАДА. Ф.217 Оп. 1. Стб. 634. Л.Л. 981-988, 994 об, 1034 об.
29. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в 17 в. Русское государство в 17 в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. — М.,1961. С. 118, 122-123, 126.
30. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 188-189; Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре 1. Свердловск, 1948. С. 6.
31. Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства 18 века на Урале. — М., Л., 1935. С.15.
32. Преображенский А.А. Указ. соч. С.124.
33. Дмитриев А. Пермская старина, т. VII. — Пермь, 1897. С.77; Шишонко В. Пермская летопись. V период. Ч II. — Пермь, 1885. С. 114, 516.
34. Мичурина В.А. На крутом берегу. Каменский завод. 2006. № 1. С. 10; Приходы и церкви Екатеринбургской епархии, 1902. С. 399-400.
35. Мичурина В.А. Указ соч. С.11.
36. Там же.
37. Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 18; Край по имени Далмат. Т. 1 (1644-1924). — Курган, 2002. С. 34-35; Свято-Успенский Далматовский монастырь — Духовный центр Зауралья: история и современность. Екатеринбург, 2012. С.14-15.
38. Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский монастырь. Шадринск, 2000. С. 18.
39. Пашков А.А. Указ соч.С. 19-20.
40. ЦГАДА. Дела о горных промыслах и заводах. Ф.190. Д.48. 42. Л.Л. 332-333 и 293 (Выписки о Каменских заводах).
41. Металлургические заводы Урала в 17-20 вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С.180.
42. Шишонко В. «Пермская летопись», V период Ч. 1. С.515.
43. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР, т.1. — М., 1954. С. 61; Поварница — большая, разливная ложка, ковш.
44. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства 18 века на Урале, — М., Л., 1935. С. 14.
45. История Урала с древнейших времён до 1861 г. — М.: Наука, 1989. С. 190.
46. Первое поселение Камышевской слободы было основано в 1668 году крестьянами, «беломестными казаками», «бобылями» и «захребетниками» (батраками) — выходцами из центральных районов России.
47. Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 62.

Раздел IV

ПЕДАГОГИКА И КУЛЬТУРА

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Романов К.В.,
доктор филос. н., проф., зав. каф. философии образования,
С-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

Минуло сто лет со дня февральской буржуазной и октябрьской социалистической революции 1917 года. Благодаря эпохе постнеклассического рационализма возникла ситуация, когда трактовок комбинаций исторических событий и великих деятелей столько, сколько профессиональных историков. Причем гипотез значительно больше, чем выводов, которые обоснованы современными требованиями научной логики.

Для теоретического междисциплинарного размышления историков, экономистов, философов, политологов, лингвистов, психологов об отношении к октябрю и февралю 1917 года полем для поиска ценностного согласия становится осмысление фактов, которые позволяют ответить на ряд принципиальных вопросов. Вопрос первый: насколько изменились люди России, ее ближнего зарубежья, а также люди развитых мировых цивилизаций за минувшее столетие? Вопрос второй: существуют ли какие-либо социально-экономические и идеологические параллели между событиями начала и конца XX века? Вопрос третий: какова та философская призма, которая позволяет в эпоху низвержения «абсолютных» догм достигнуть согласия при междисциплинарном взгляде на события февраля — октября 1917 года?

Сосредоточим внимание на третьем вопросе, поскольку он наименее изучен сегодня при всей его актуальности. Предварительно экспромтом несколько суждений по первому и второму вопросам от здравого смысла на уровне обыденного сознания.

По первому кругу вопросов. Биология людей и их инстинкты — жить, размножаться, владеть — не изменилась. Изменилось массовое сознание, изменился быт, изменились потребности. Народную культуру вытеснила массовая, пришедшая с Запада со стороны транснациональных монополий. Её основной лейтмотив — потребленчество. Элитарная культура с головой ушла в саму себя. Как всегда наиболее существенны изменения у молодежи и культурно образованной части взрослого населения. Наиболее характерный признак этих изменений — поиск альтернативных форм сопротивления, в том числе в сфере образования. Фактором сплочения сегодня всё больше выступает вступление в «цифровой мир» и планетарные угрозы, в том числе, угроза появления машинного суперинтеллекта.

По второму кругу вопросов (рассмотрение которых наиболее уместно в октябре). Параллель «Февраль 1917 года — Декабрь 1991 года» и параллель «Октябрь 1917 года — Март 2000 года». В первом случае заметно сильное внешнее давление при внутренней нестабильности и нарастающем недовольстве в различных социальных слоях. Во втором случае, несмотря на усиление внешнего давления, наблюдается локализация национально-патриотических сил, оказавшихся способными выдвинуть лидера.

При рассмотрении первого случая заметно нарастающее недовольство в различных социальных слоях как в 10-ые, так и в 80-ые годы ушедшего века. Случаи внешнего давления на руководство СССР, пожалуй, даже превосходят то, что испытывал Двор Николая II. В 10-ые годы XX века роковую роль сыграло западничество дворянства и чиновничества, полувековая задержка с передачей земли в собственность крестьянам и организованные очереди за продовольствием. В 80-ые годы к неозападничеству партийной верхушки добавился космополитизм интеллигенции и нарождающейся буржуазии, выступавших под флагами глобализации, демократизации и либерализации, задержка с экономическими реформами, а также очереди как за продовольствием, так и за товарами.

Что свидетельствует об изменении хода истории? Многое. Но в первую очередь время, разделяющее февраль и октябрь одного семнадцатого года и время, разделяющее 1991 год и 2000 год. В начале века — 8 месяцев. В конце века — 8 лет! Месяца сменились на годы. Причина — коренные изменения в геополитике и в состоянии российского социума.

Суть изменений в том, что внешние давления и политика управляемого хаоса, которые играли существенную роль в жизни России как до Петра I, так и после него, перестала в XXI веке быть столь эффективной, как ранее.

Антироссийская истерия в неоатлантических и западных СМИ, поднятая после успехов сочинской олимпиады, воссоединения Крыма с Россией и операции в Сирии, это бессильная реакция на необратимый процесс утраты гегемонизма в навязывании своей версии демократии и свободы. Если такое смогла Россия, то что ждать от других? Волнует не Россия как таковая, волнует остальной мир, в котором революционные движения XIX-XX веков плавно перетекли в терроризм. Его невозможно победить военным путем по мере роста эксплуатации и социально-экономического неравенства. Национально-социальный радикализм, как и либеральный радикализм в развитых странах — это грозный предвестник очистки одряхлевших элит.

В историографии при анализе причин этих двух революций упор делается, как правило, на социально-политических факторах. Не стал ли главной причиной феномен объективный, но не экономический, феномен сознания — мировоззрение немногочисленной, но влиятельной группы людей из буржуазного слоя, дорвавшихся до власти демократическим путем и состояние мировоззрения большей части населения.

Для того чтобы удержать власть, лидеры Думы в течение года были вынуждены ломать опору целостного мировоззрения большинства граждан империи. Это вера в непогрешимость самодержавия и церкви. Сломали. Но уже через два месяца буржуазные лидеры сдали свои портфели в кабинете временного правительства в пользу представителей левого радикализма.

Буржуазия, блестяще заявившая о себе созданием мощных мануфактур и рынков, оказалась идейным банкротом. Всего через полгода — социалистическая революция и гражданская война. Дальше — миллионы уничтоженных и искалеченных человеческих жизней, попавших под красное колесо коллективизации и индустриализации, бесконечные чистки в ведущих социальных институтах. При этом у значительной части населения в ходе Великой отечественной войны, создания мощной оборонной системы, победы в космосе, успехов в науке, образовании и здравоохранении шло восстанавление целостного мировоззрения. В основе его — вера в светлое коммунистическое будущее и непогрешимость центральной власти.

Мировоззрение — это воззрение на мир и место человека в нем. Оно может быть с позиций системного мышления целостным (системно-деятельностный подход), фрагментарным (структурно-функциональный подход), мозаичным (механистический детерминизм). С конца 80-ых годов сначала либеральное крыло компартии, а затем буржуазия нещадно ломали целостное мировоззрение народа, который незаметно становился населением. Сломали. Перестройка оказалась катастрофой.

В карете старого далеко не уедешь. Карету заменили скоростные авто, самолёты, поезда, скоростной Интернет. Возможно ли в эпоху сетевых сообществ и высоких скоростей восстановление целостного мышления? Если восстановится, то в какой содержательной форме? Станет ли целостное мировоззрение народа гарантией социальной стабильности? Может быть, преобладающие сегодня фрагментарный и мозаичный типы более перспективны?

Сегодня субъектами влияния на мировоззрение народа являются СМИ, центры образования, институты искусства и религии. Среди названных субъектов единственным государственно-общественным системным каналом влияния на общенародное мировоззрение выступает система непрерывного образования. Она с удивительным упорством формирует не столько целостное или в лучшем случае мозаичное, сколько фрагментарное прагматическое мировоззрение. Последнее обладает низкой степенью защиты от наркомании, алкоголизма, склонностей к суициду, мазохизму и садизму, криминальной антикультуры.

Анализ дореволюционной петербургской школы начала XX века позволил А.Н. Шевелёву выделить 7 основных показателей, которые позволяют провести историческую ретроспективу состояния довузовского образования в 1914-1917 и в 2014-2017 году. На основе изучения архивных данных сравнение возможно по следующим позициям.1) Особенности петербургской городской социокультурной среды. 2) Количественный рост и видовое разнообразие петербургской школьной сети. 3) Повышенное внимание к развитию петербургской школы со стороны государственных органов. 4) Высокий уровень развития в Петербурге различных форм общественно-педагогического движения. 5) Формирование петербургской школой толерантности и демократизма, общей ценности образования. 6) Концентрация в Петербурге за счет усилий государства и общества высокопрофессионального педагогического сообщества. 7) Создание

во многих, прежде всего средних учебных заведениях Петербурга особой школьной среды, формировавшей у учащихся отношение к образованию как социокультурной ценности.

Сравнение историко-культурных материалов по указанным признакам позволяет судить о том, какова роль институтов непрерывного образования в формировании мировоззрения у молодежи.

Сравнительный анализ позволил А.Н. Шевелёву в контексте современного положения дел сформулировать 5 ведущих противоречий системы довузовского образования в начале XX века:

• противостояние образовательных потребностей быстро развивающегося города и отставание темпов роста его школьной сети;

• приоритетное развитие среднего и существенное отставание развития петербургского начального школьного образования;

• противоречие всесторонней жесткой государственной регламентации: жизнедеятельности всех видов петербургских школ и общественных инициатив по ее развитию;

• борьба классической и реальной направленности в содержании школьного образования;

• противоречие формализованного официального воспитания и воспитывающей школьной среды, свойственной далеко не всем школам города [1].

Если по разрешению первого и второго противоречий в современной ситуации проделана большая работа, то третье, четвертое и пятое противоречие в работе современных учреждений не могут не вызывать озабоченность.

При разработке стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года важно не упустить из вида один из центральных вопросов. Это вопрос о содержании и качестве мировоззрения. Двенадцать лет назад В.Л. Обуховым, Р.А. Зобовым и Л.И. Сугаковой был издан «Манифест реалистической философии», значение которого возрастает с каждым годом. Его авторы утверждают: «Реалистическое сознание человека, отличается от реалистического мировоззрения человека, ибо первое отражает его реальные жизненные условия. В то время как реалистическое мировоззрение воспринимает окружающий мир широко и целостно, исходя из диалектики материально-духовной природы человека» [2].

Путь к гармонизации жизни человека в современных цивилизациях лежит через понимание приоритета его мировоззренческой целостности над реальным осознанием бытия [3]. Реальное осознание бытия может быть и чаще всего бывает фрагментарным, в лучшем случае мозаичным. Важно, чтобы мировоззрение, в центре которого стоит общая картина мира, метапредметные понятия, логика универсальных учебных действий, научные принципы и ценности культуры, было целостным. Современный мир дисгармоничен. У человека с разорванным сознанием и фрагментарным мировоззрением это неизбежно порождает злобу, агрессию и ненависть. Есть ли выход? Он в том, чтобы встать над реальными жизненными условиями, увидев мир и себя в органической целостности. Задавая вопросы, комментируя, излагая другую точку зрения, надо избегать озлобленности. Не обязательно принимать позицию другого человека. Важно ее понять и искать пути, которые ведут к истине.

Гуманистическая направленность современной российской философии придает рациональной педагогической мысли особый статус. «Культурный человек — это человек, способный творить уникальные интегрированные формы пользы, истины, красоты на основе любви, доброжелательности и веры. *Главным носителем культуры* в период смены тысячелетий становится Учитель». Культура учителя — это исторически обусловленный тип избирательной деятельности педагога по упорядочиванию своего мира и мира обучающихся с помощью знаков и символов на основе ценностей и прецедентов. Главное, что дает образовательная организация — это ЗАБОТА о встрече человека с той матрицей культуры, которая ждет его на всем протяжении жизненного пути. Начиная с детского сада и заканчивая вступлением в то или иное профессиональное сообщество [4].

Философскую позицию целостного мировоззрения учителя представляет гуманистический реализм.

«Желаемая *гуманизация* человеческого сознания и деятельности собственно и означает, — считает А.П. Желобов, — целенаправленное воспитание у личности высших социальных чувств. Проигрывание Другого как свою собственную возможность — Путь приближения к пониманию другого. Не есть ли это гуманистическая суть движения на крестном пути педагогической деятельности?» [5].

Утрата в 90-е годы высокой культуры означала удар по самосознанию народа и тем самым девальвацию философской культуры общества. Философия гуманистического реализма России последнего десятилетия стала базовой ценностью в развитии содержания образования, в психолого-педагогических исследованиях, при выработке нормативных решений педагогическими коллективами. Именно поэтому сегодня актуальная системная проработка соотношения норм Морального кодекса строителя коммунизма с христианскими заповедями (Ветхого и Нового заветов), с 10 заповедями академика Лихачёва, а также с уставными требованиями образовательных организаций. Смысл 10 заповеди Лихачёва «Пусть свободным будет всё, ибо всё рождается свободным», ставшей лейтмотивом постнеклассических цивилизаций,

можно понять лишь с учётом социально-культурных оснований предыдущих норм [6]. Для «клипового сознания» и «культуры кликов в Интернете» это обременительно.

Впереди самое трудное — смысловая корректировка системы управления и самоуправления. Она связана с новыми принципами информационно-коммуникативной культуры образовательного процесса, в котором используется документооборот, компьютерная грамотность, сетевое взаимодействие, сочетание академических занятий с дистантными формами обучения, воспитания и развития личности.

Социальная направленность гуманистического реализма в философии образования России предполагает установление гармонии человека, обладающего целостным мировоззрением, с окружающим миром (дом, семья, род, коллектив, сетевая поддержка, нация, страна, планета, Вселенная) в концептуальных условиях признания его многомерности и многомирности. Главной проблемой становится определение современных признаков целостного мировоззрения личности.

Литература

1. *Шевелев А. Н.* Петербургская дореволюционная школа как историко-образовательный феномен (XIX — начало XX вв.). Монография. — СПб: ООО «ПОНИ», 2015. — 336 с. — С.244.
2. Цит по: *Сугакова Л.И.* Реалистическое сознание бизнес-ориентированных студентов // Реалистическая философия о творческом познании и преобразовании мира и человека. — СПб.: Гамма, 2014. — 192 с. — С. 52.
3. *Романов К.В.* Философия гуманистического реализма в современном образовании // Материалы международной конференции «Значение реалистической философии для естественных и гуманитарных наук / Под ред. проф. В.Л. Обухова. СПб: Гамма, 2016. — 110 с. — С. 36-38.
4. *Романов К.В.* Миры детства в философии непрерывного образования // Педагогика.2017, № 3. — С. 12-18. — С. 13.
5. *Желобов А.П.* Идея гуманизма и гуманизация образования // Академический вестник, вып. 4 (30), 2015. — С. 156.
6. *Романов К.В., Леванькова Н.А.* Дмитрий Сергеевич Лихачёв и феномен духовности // Alma mater. Вестник высшей школы. № 10, 2006. — С. 7-13.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Бочкова В.Б.,*аспирант ФГБУ ВИЗО
*Агаханов М.М.,*аспирант ФГБУ ВИР

В последнее время в эпоху развития цифровых технологий все актуальнее становится вопросы о роли воспитания и образования в современном обществе. Воспитание играет наиважнейшую роль в жизни человека, которое предопределяет дальнейшее становление личности. Образование является важнейшим институтом социализации, выступает в качестве социума и обеспечивает его воспроизводство и развитие самого социума, и эти функции реализуется через процессы трансляции культуры и реализации культурных норм в изменяющихся исторических ситуациях и постоянно обновляющемся качестве социальных отношений [3, с. 717]. Так же образование рассматривается как целенаправленный процесс передачи и приобретения знаний, умений, навыков, и как важнейший социальный институт, который определяет род деятельности ученика. Однако в ходе образовательного процесса во многих сферах и на разных уровнях образования возникают вопросы связанные с методами передачи информации и воспитания подрастающего поколения. Огромное количество различных гаджетов серьёзно облегчают процесс образования, но тут же образуются и новые проблемы. Именно обилие самих гаджетов и лёгкость их использования очень быстро формируют зависимость ребенка от них. Искажают реальность и заменяют реальное общение на виртуальное. Задача родителей и учителя правильно научить ребёнка использовать гаджеты, что бы они были только дополнением, а не полной заменой учебного материала. При бездумном использовании гаджетов у подростка формируется «культ» интернета и в этой ситуации заинтересованные организации могут и делают подмену информации искажая факты, что приводит к формированию управляемости и зависимости подростка от модераторов сайта, а затем использовании этих подростков в тех мероприятиях которые нужны руководству сайтов, (использовании молодёжи в различных митингах и протестных движениях, как пример: выступление группы школьников в Бундестаге (декабрь 2017 г.), а так же на Украине в 2015 году «Кто не скачет тот москаль». Кроме зависимости уже используется интернет для истребления подрастающего поколения (сайт «Синий кит» и т.д.). В современных условиях

прежде чем использовать гаджеты сначала надо научить ребёнка думать и подвергать все сомнению, что бы мог сам сформировать своё мнение опираясь на реальные факты, а также уметь настораживаться от навязывания лишней информации. В современном мире особенно актуально формировать устойчивую психику у ребёнка в условиях когда со всевозможных мест обрушивается огромный поток легкодоступной информации. Гаджеты это инструмент и помощь в обучении, а не замена общения с родителями и сверстниками.

С 17 века проблемы связанные с влиянием среды на развитие человека является актуальным. Материалисты в 17 веке и французские просветители 18-го века отстаивали мысль о необходимости учитывать среды в развитие личности. Под словом среда подразумевали социальная, а под влиянием социальной среды имели ввиду роль социальных факторов в формировании личности (Дж. Локк).

Дети рождённые в последние годы сильно отличаются от детей периода СССР и дореволюционной России. Эти отличия связаны в первую очередь с экологией, развитием и применением различных химических препаратов (используемые в разных сферах) и совершенствованием медицины, а также появлением гаджетов. Различные гаджеты — это внешний раздражитель, по мнению К.А. Гельвецкого причину различия умственных способностей и воззрений людей связывал исключительно с влиянием внешней среды, отрицая врожденные задатки. В тот период, когда психомоторная система только формируется, ребёнок нуждается в особом внимании родителей, а детям с повышенной возбудимостью необходимо уделять время намного больше. К сожалению, именно времени современным родителям и не хватает, а если дать в руки ребёнка гаджет, достаточно долгое время он этого внимания не потребует.

Изучение проблемы и формирование личности человека использованием возможностей социокультурной среды теснейшим образом связано с именем К.Н. Вентцеля. В 1896 г. в своей статье по педагогике «Среда как фактор нравственного воспитания» К.Н. Вентцель утверждал, что ничто не должно преподноситься детям в готовом виде и тем более внушаться им. Задача воспитателей — сводить к минимуму дурное влияние среды, создать условия и давать материал для умственной и сознательной нравственной деятельности, ставить детей перед необходимостью действовать для других. [4, с. 46]

К 6-7 годам у ребёнка должны сформироваться навыки общения в коллективе, умение выполнять определённые правила социального поведения. Ребенок должен понять простые истины «что такое хорошо и что такое плохо». Все эти навыки формируют его как будущую личность и обучают общению в коллективе, умению договариваться, принимать компромиссные решения, признавать свои ошибки и учиться на них, признавать лидера коллектива, быть самостоятельным. Освоение ребенком культуры, общечеловеческого опыта невозможно без взаимодействия и общения с другими людьми. Ведь именно через коммуникацию происходит то самое развитие сознания и высших психических функций. А умение ребенка позитивно общаться позволяет ему жить комфортно среди людей. Благодаря общению он не только познает другого человека будь то взрослый или сверстник, но и все больше познает самого себя.

Например, Каптер предлагал в соответствие с его наклонностями создавать определенную среду для развития ребенка в соответствии с его способностями. Он писал: «*Нужно создать соответствующую педагогическим целям среду для развития дитяти, материальную и нравственную. Среда будет давать дитяти материальную и духовную пищу, поэтому она должна быть благоразумна, здорова, чиста, богата содержанием, чтобы физическое и духовное питание было обильным и разнообразным*» [2]. Поэтому, необходимо обучать детей нормам и правилам поведения, на основе которых в дальнейшем складываются этически ценные формы общения, так же помочь понять, как легко может возникнуть ссора, её причина и помочь (перефразировать) находить способы и приемы самостоятельного разрешения. Для этого, так же необходимо формировать коммуникативные навыки, умение устанавливать и поддерживать контакты, кооперироваться и сотрудничать, избегать конфликтных ситуаций.

Для формирования всех этих навыков нужна помощь родителей и родственников, только в общении с ними ребёнок может всему этому научиться. Основная форма обучения это игра. Игра для ребёнка это прототип будущих отношений и формирование его как личности. Это важный момент, если не сказать основной. «*Ребенок по своей природе — пытливый исследователь, открыватель мира. Так пусть перед ним открывается чудесный мир в живых красках, ярких и трепетных звуках, в сказке, игре, в собственном творчестве, в красоте. Через сказку, игру, через неповторимое детское творчество — верная дорога к сердцу ребенка» В.А. Сухомлинский.* Дав ребёнку в руки гаджет его лишают фантазии, исследовательской деятельности и творческого развития.

Когда чаще всего ребенку дают гаджет? Когда он капризничает. Потратить время и разобраться в причине капризов родители не все хотят, а очень часто не понимают важности этого момента. Одной из причин может быть усталость ребёнка и он выражает своё недовольство капризом — это его естественное поведение, он ещё не умеет ничего другого. В зависимости от ситуации надо либо уделить ему своё время, возможно сменить обстановку от которой идёт усталость либо научить его немного терпению, ко-

нечно согласно возрасту. Даже грудного ребенка надо учить терпеть. Начиная с 3-месячного возраста, это уже идёт социализация. Это не значит, что он должен терпеть и не плакать, речь идёт о том, что уже в этом возрасте можно научить ребёнка немножко сдерживать свои требования и ждать когда мама подойдёт сама, а не по первому требовательному крику. Это поможет не только развить терпение, но и снизит вероятность возникновения эгоистичной личности.

Что мы получаем когда по первому требованию или при капризах ребёнок вместо внимания родителей получает гаджет — для радости родителей он замолкает и может быть самостоятельно занят достаточно долго, но что при этом формируется у ребёнка:

1. Выполнение его требований, формирование патологического рефлекса, развивается эгоистические наклонности.

2. Не формируются процессы торможения в нервной системе т.е ребёнок не учится терпеть и сдерживать свои эмоции.

3. Не формируются социальные навыки поведения (отсутствие общения со сверстниками)

4. Не развивается фантазия и творческая деятельность — основные двигатели формирования личности.

5. Формируется искажённое мироощущение.

Ж.Ж. Руссо обращает внимание на то, что стремление избежать конфликтов с ребенком путем бесконечных уступок со стороны наставника приводит к весьма пагубным последствиям. Руссо объясняет это, тем что это приучает его не встречать ни в чем отказа; так как желания его постоянно будут возрастать вследствие легкости удовлетворения их, то рано или поздно невозможность вынудит вас, помимо вашей воли, прибегнуть к отказу, и эти непривычные отказы принесут ему больше мучений, чем самое лишение того, чего он желает» [7, с. 87-88].

«Когда ребенок 3-4 лет рассказывает выдуманную историю, он не лжет в том смысле, в каком мы понимаем ложь. Он ярко представляет себе все, что он говорит. Он не очень разбирается, где кончается реальное и начинается нереальное. Вот почему он так любит слушать сказки и истории. Вот почему его не следует водить в кино на неподходящие фильмы, так как они напугают его» Б. Спок

Во времена Б. Спока интернета и гаджетов не было, но было негативное влияние фильмов с жестокими сценами и фэнтезийными героями — ребёнок принимает это как реальность и будет считать это нормой, либо запутается, что скажется на его поведении. Это только кино, а современные гаджеты полностью заменяют детям реальное общение со сверстниками и понимание реальности. Только в виртуальной игре такой ребёнок чувствует себя уверенно и спокойно и как только он этого лишается у него наступает паника. Он просто пугается реальности т.к не умеет реагировать на общение и не знает как себя вести в разных ситуациях .

Современная жизнь без гаджетов невозможна, однако надо помнить. что они только инструменты родителей для облегчения наглядности или иных целей, но не в коем случае не замена общению и игре ребёнка. Если у ребёнка уже есть задатки формирования социальных навыков и он может себя контролировать т.е психика стабильна — можно использовать гаджеты, но не для игры , а например для навигации (пусть ребёнок сам построит маршрут домой по навигатору). Пусть найдет нужный материал в интернете (развивается умение фильтровать имеющийся материал). Ж.-Ж. Руссо устанавливает правила, суть которых «состоит в том, чтобы давать детям больше истинной свободы и меньше власти, предоставлять им больше действовать самим и меньше требовать от других. Таким образом, приучаясь с ранних пор ограничивать желания пределами своих сил, они мало будут чувствовать лишение того, что не в их власти» [7, с. 65]. Однако надо и научить ребёнка правильно всем пользоваться, а не давать ему полную свободу. Прежде чем построить маршрут по навигатору, сначала надо научиться ходить по компасу и пользоваться картой, нарисовать план района с известными ему ориентирами и допустим закопать «клад» и затем его по карте найти. Эти знания и умения предостерегут ребёнка от зависимости в гаджетах. Эту тенденцию мы сейчас уже наблюдаем. Если современному молодому человеку отключить интернет и забрать все гаджеты у многих начинается паника, без них они не могут не только ориентироваться, но и наступает полная растерянность т.к при любой проблеме или вопросе современная молодёжь умеет только «гуглить», а это всё вместе не только зависимость , но и национальная безопасность .

При правильном использовании гаджетов они дают колоссальные возможности. Гаджеты должны дополнять общение, а не заменять его. Способствовать формированию фантазии, а не заменять наглядностью изображений. Раньше нужны были наглядные материалы и много книг, сейчас это всё можно уместить в одном планшете и не искать целый вечер журнал «сделай сам», что бы смастерить кормушку для птичек, а за 2 минуты найти в интернете и сделать её вместе с ребёнком, что бы порадовать птичек, а за материалом для постройки сходить в магазин и пусть ребёнок участвует в выборе инструментов для постройки. Всё это вместе поможет в правильном формировании личности современного человека.

Авторы выражают благодарность за участие в создании этой работы — Белевич Марии Владимировне, действующему медицинскому работнику с большим стажем и практическим опытом работы с детьми.

Литература

1. О'Хейген Т., Жан-Жак Руссо (1712—1778) / Т. О'Хейген ; Пер. с англ. // Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании. От Конфуция до Дьюи. — М.: ИД «Высшая школа экономики», 2012. — С. 102.
2. Каптерев П.Ф. История русской педагогики // Педагогика. 1995. № 5. С. 64-75.
3. Мацкевич В.В. Образование // Всемирная энциклопедия. Философия. — М.: АСТ; Мн.: Харвест: Современный литератор, 2001.
4. Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. — М.,2003
5. Педагогика среды и методы ее изучения: в 2 т. / под ред. М.В. Крупениной. — М., 1930. Т. 1.
6. Дьюи, Дж. Демократия и образование. — М.: Педагогика-Пресс, 2000. — 384 с.
7. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Пед. соч.: / в 2 т. — М.: Педагогика, 1981. — Т. 1.
8. Б. Спок. «Ребёнок и уход за ним».

ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Кутыкова И.В., канд. филос. н., доцент ПСПбМУ

Характеристика духа времени неразрывно связана не только с его специфическими чертами, но и с императивами, или настоятельными требованиями, предусматривающими решение актуальных проблем. Каковы императивы современности, даже более точно, современного момента, текущей, повседневной современности? Приближаясь к концу первого двадцатилетия XXI века, человек встал перед неотвратимой задачей сохранения «человеческого» в человеке, следовательно, самого себя. «Человеческое» весьма многогранно: нравственность, гуманность (любовь, дружба, взаимопомощь, альтруизм), свобода и ответственность, многообразие видов деятельности (игровой, познавательной, трудовой), творчество, историчность. Во всей полноте «человеческое» в человеке начала XXI века испытывает состояние глубоко кризисное. В связи с данной актуальной задачей необходимо обратиться к императивам современности, с ее потребительским, постмодернистским, техногенным и глобалистским характером. К ним относится совокупность требований в системе отношений ««я» — природа — культура, цивилизация — история — общество, «я»»: а) овладение культурой в процессе личностного становления, иначе говоря, собирание культурного «я»; б) формирование, развитие и функционирование экологического, исторического, патриотического сознания; в) «благоговение перед жизнью», сообразно А.Швейцеру.

В процессе воспитания современного человека, его личностного развития представляется возможным выделить ряд ключевых вопросов, требующих пристального внимания со стороны значимых агентов социализации, воспитания личности: семьи, учреждений образования и воспитания, культуры). Ключевыми следует признать вопросы: какова характеристика личности; что есть культурный и исторический человек; что такое «биосоциальное» в человеке; что такое «нечеловеческое» в человеке; что есть жизнь человека; каковы ценности «я» как био-психо-социо-культурно-исторического существа.

Из совокупности представленных императивов современности и основных задач в деле воспитания личности остановимся на императиве сбережения «исторического» в человеке, т.е. формировании и развитии исторического сознания, объемлющего в себе также историческое самосознание, историческую память и задаче патриотического воспитания личности, ибо «отеческое» и чувство привязанности к нему предстает первичным уровнем измерения исторической сущности человека.

Исторические события и процессы рубежа XX-XXI вв., крушение СССР, возврат к капиталистическим принципам общественного развития, процессы глобализации и модернизации, детерминировали коллизии российского бытия, кризис сознания. В ряду социальных явлений, указующих на коллизии в системе отношений «свое — чужое», «я — мы», «патриотизм — космополитизм», «родное — вселенское», «любовь — ненависть», «преданность — предательство», «уверенность — сомнение» оказывается уклонение от службы в армии, отрицание «своего» и положительное признание «чужого», выраженное в эмиграции, предпочтении иностранного образования перед отечественным, изучении иностранных язы-

ков и незнании языка родного, в интересе к приобретению недвижимости за границей, предпочтительных иностранных направлениях туризма, путешествия и т.д.

Любовь, дружба, преданность, верность и другие высокие чувства, ценности приобретают статус научных проблем. «Благое», «правильное», «должное», «типичное» для народного духа оказывается (!?) «несовременным», «прошедшим», «не таким, как у всех». Философски обозревая социальную жизнь рубежа XIX-XX вв., Н.Ф.Федоров с сожалением отмечал, что «нравственное, благое, истинное, прекрасное, стали отвлеченными понятиями, тогда как они должны быть необходимой принадлежностью жизни, составлять самое существо человека». [18, с. 140] Уместно в этой связи вспомнить и одну из доминант оригинальности Л. Фейербаха, выделенную П.С. Тарановым: «Сущностью нашего века является притворство, притворство во всем… Всякий, кто говорит теперь правду считается дерзким и «невоспитанным», а «невоспитанность» равносильна безнравственности. Правда в наш век стала безнравственностью». [16, с. 351]. В «водовороте» чувств, мыслей, переживаний, стремлений, все более индивидуальных ценностей, целей и смыслов, оказалось и священное, по сути, незыблемое по содержанию, чувство любви и преданности к «родным порогам» — Родине, родной земле, людям, культуре, истории. Народная и вековая мудрость «где родился — там и пригодился», воспетая в стихах и песнях «Родина! Исток и устье! / Радость! Снова пахнет Русью!» (М. Цветаева), защищенная в сражениях доблестными и верными сынами Отечества Родина-мать, — традиционно высокие символы и смыслы бытия российского человека и общества приобретают в условиях постмодернистской культуры и глобализационных процессов статус альтернативных. При этом примеры проявляемого героизма, связанного с защитой свободы, мира, благополучия Отечества, чувства преданности «своему» и любви к «родному» являются существующими и непреходящими, спасительными.

В условиях духовно-нравственного кризиса времени социально-исторической трансформации, патриотизм предстает как научная проблема. В научной, методической литературе 2000-х годов тема патриотического воспитания представлена многоаспектно: гражданско-патриотическое, героико-патриотическое, государственно-патриотическое, нравственно-патриотическое, историко-патриотическое воспитание студентов, школьников, дошкольников. Традиционно представлен вопрос военно-патриотического воспитания в соответствии с задачами воспитания детей, подростков, современной молодежи. Внимание исследователей обращено на вопросы методологии, методики, структуры и управления, проблем патриотического воспитания в современной России. Отдельное направление образуют исследования, посвященные патриотическому воспитанию дошкольников и школьников, учащейся молодежи. Раскрывается исторический опыт патриотического воспитания. [3; 10; 13; 15; 20]

Обращаясь к теме патриотического воспитания человека нового поколения, необходимо обратить внимание на соотношение патриотического и исторического сознания, содержание, тенденции и проблемы исторического сознания и самосознания «постсоветского человека», принадлежащего поколению 1990-х. Обратимся к рассмотрению таких вопросов, как: каковы патриотические чувства, идеи и настроения представителя первого постсоветского поколения в контексте его исторического сознания»; что составляет характерные черты, «устойчивое» и «изменчивое» «отеческого» аспекта исторического сознания и самосознания молодежи; каковы задачи патриотического воспитания? Основанием поиска ответов на них являются результаты исследования сознания молодежи, его духовного здоровья в современных социокультурных условиях, в том числе результаты исследования исторического сознания поколения 1990-х, полученные автором на протяжении 2006-2015 гг.

На исходе четверти века после эпохального события — крушения СССР, определившего характер современной переломной эпохи, одной из фундаментальных философских, педагогических, психологических проблем предстает сознание человека нового поколения, духовно-нравственное здоровье молодежи. Очевидно, что забота о нем должна рассматриваться в контексте состояния современного социального здоровья, с присущими ему недугами. [7; 1] Вместе с тем, следует обратиться и к индивидуальному сознанию школьника, студента, осуществляя тем самым «диагностику» его духовного состояния, не только проблем, но и внутренних, сберегающих духовно-нравственных ресурсов, на которые необходимо опираться в образовательном и воспитательном процессах, направленных, в том числе на формирование и развитие патриотического сознания.

Результаты исследования молодежного сознания в начале XXI века выявляют определенную динамику патриотического сознания молодежи. Так, в 2003 году исследователи отмечают, что «коллективное сверхсознание молодежи патриотично: молодежь уверенно смотрит в будущее страны, верит в него, наделено высоким уровнем социального оптимизма, готова к активной созидательной и преобразовательной деятельности»; большинство молодых респондентов (66,3 %) считают себя патриотами России. [4, с. 86, 108]. Согласно результатам исследования, к 2005 году «… весьма выраженной является патриотическая позиция, хотя она и проявляется в первую очередь как самоидентификация». Родина, по мне-

нию 59 % респондентов, есть «место, где я родился и вырос», для 19 % — «государство, в котором я живу». [2, с. 37, 34] По результатам исследования 2012 года заметно снизилась гражданско-патриотическая настроенность, группа «граждане мира» составляет значительную часть учащейся молодежи. Космополитами назвали себя 36,5 % респондентов, патриотами России и малой Родины 49 % и 14,5 % молодых людей соответственно. Полученные данные указывают на проблему духовно-нравственного, культурно-исторического и патриотического воспитания молодежи. [6, с. 47; 19, с. 53, 56]

Кризис — состояние, сопряженное с обострением, но и с преодолением его последствий. Писатель, философ Ю.В. Мамлеев, размышляя о роли и месте России в современном мире, подчеркивает, что патриотическое мировоззрение «должно наполниться конкретным духовным и социальным содержанием, оно должно быть разумным, гуманистическим, просвещенным, находящимся на уровне требований двадцать первого века, но в то же время не отрывающимся от своей первоосновы — вечной России». Великое будущее России неразрывно связано с самосохранением России, ее вечной сути, великих и внешних сокровищ. Задача заключается в необходимости выстоять «прежде всего духовно, сохранив свою великую душу и культуру, не допустив туда всей грязи и обмана современной цивилизации». [12, с. 236, 237-238]. Процесс преодоления кризисного состояния сознания человека и общества предполагает достижение духовного здоровья, силы и зрелости духа, определенности и ясности моральной позиции, переход от ценностных ориентаций к утверждению ценностей в мировоззрении личности, проявления таких высоких чувств к отечеству и «отечественному», как любовь, преданность, верность. Актуален философский вопрос «С чего начинается Родина?», которому посвящалась песня композитора Я. Френкеля, звучавшая в (теле-) и радиоэфире Советского Союза. Недавнее прошлое, жизнь родственников ближайшего круга, родителей, бабушек и дедушек, т.е. история СССР, оказывается для представителей поколения 1990-х годов предпочтительным и первостепенным историческим пространством-временем, предстоящим для внимательного и плодоносного изучения и понимания [11]. Противостоянию манипуляции сознанием человека детской, подростковой и молодежной поры способствует его духовная определенность в «общем» и «частном», т.е. «своем», «отеческом», «родном», иначе говоря, приобщение к духу народа, интериоризация его типичных черт. Патриотизм есть духовно-нравственное понятие и явление.

К числу типичных для русской культуры установок и поведенческих норм относятся патриотизм, коллективизм, духовность, общительность, мессианство. Опыт отечественной истории и культуры показывает, что русский дух традиционно отличали: святая любовь к родной земле, Отечеству и самопожертвование; нетерпение иноземного владычества; храбрость и мужественность; самостоятельность и единодушие; коллективизм и общительность; доброта, своенравность, набожность; жизнелюбие, жизнерадостность, гостеприимство; восприимчивость, сосредоточенность и любознательность. В XIX веке исследователь народной культуры, быта русского народа А.В.Терещенко отмечал, что чувства любви к своему собственному и гордости за него переходили от поколения к поколению в качестве завета самосохранения [17]. Современные аналитики, обращаясь к вопросу места и роли России в мировом геополитическом противоборстве, акцентируют внимание на одном из общих потенциалов России, каковым является «особый цивилизационный тип характера россиянина». На российских просторах его, как пишет Л.Г. Ивашов, сформировали «особый, преимущественно общинный тип хозяйства при традиционно многоукладной экономике, неповторимая культура, пронизанная настроениями соборности и высокой духовностью, братское единство восточнославянских народов и других коренных народов России, социальная солидарность, просвещенное светское общество при равноправных и равнодостойных взаимоотношениях мировоззрений, религий и вероисповеданий» [8, с. 57].

Интериоризация черт народного духа непосредственно связана с процессом воспитания личности. Патриотическое воспитание представляет собой педагогический процесс, направленный на становление, формирование и развитие у подрастающего поколения, человека детской, юношеской, молодежной поры, патриотического сознания. Содержательно патриотическое сознание представлено патриотическими чувствами, настроениями, образами, мечтами, предпочтениями, идеями, знаниями, интересами. Молодежный период жизни человека сопряжен с патриотическим самовоспитанием, в широком смысле с самостоятельным направленным вниманием «я» и «мы» на «патриотическое». Патриотическое сознание детерминирует поступки и действия личности, гражданина, патриота.

Патриотическое сознание, формирование и развитие которого осуществляется в процессе воспитания и образования, сопряжено с историческим сознанием. С педагогической точки зрения, историческое сознание и самосознание предстает в качестве принципа формирования и развития патриотического сознания. Первичный уровень исторического сознания, в соответствии с пространственно-временной многоуровневостью истории, составляют ценности «родного», «своего», «отеческого». В пространстве коммуникации это выражается в понятиях Родины, родителей, родной земли, родного края (отчины и дедчины), родного дома, своего народа, своей семьи и своего рода, отечественной культуры и истории.

Игровая, познавательная, трудовая деятельность, соответственно, обретает черты служения Отечеству, Родине. Тема служения выступает одной из типичных черт наследия русской религиозной философии, классической русской литературы XIX — начала XX веков. Традиционно высокая оценка значения исторического самосознания в подъеме массового патриотизма в годы Великой Отечественной войны дается современными исследователями [9, с. 152-161, 170-172].

С познавательной и мировоззренческой точек зрения историческое сознание предстает индикатором содержания, состояния и функционирования исторического сознания современника. Результаты его анализа позволяют выявить задачи и направления патриотического воспитания подрастающего поколения.

Патриотическое сознание, на злободневность формирования и развития которого указывают результаты исследования молодежного сознания и социальные явления, выступает элементом в структуре исторического сознания, ибо вопросы, связанные с отечественной историей, интереса и познавательного внимания, обращенного к ней, преемственность поколений, чувства и настроения, обращенные к «историческому», включая «я». Одновременно с этим, говоря о формировании и развитии патриотических чувств, идей и настроений следует акцентировать внимание на формировании и развитии исторического сознания, развитии исторической культуры. В этой связи историческое сознание может быть представлено в качестве фундаментального основания, или принципа патриотического воспитания молодежи.

Обращаясь к теме патриотического воспитания в контексте исторического сознания и самосознания, следует акцентировать внимание на вопросах самоопределения роли и места «я» в истории, а также чувств, обращенных к историческому памятнику и месту, известных и интересующих студенческую и школьную молодежь исторических периодах и эпохах.

Согласно результатам исследования, полученным автором на протяжении исследовательского периода с 2006 по 2015 годы, состояние исторического самосознания учащейся молодежи в вопросе самоопределения места и роли «я» в истории носит мятущийся и пассивный характер. В определении уровня истории, на котором студенты и школьники рассматривают свою роль в ней, выявлены две тенденции: снижение значения истории человечества и возрастание значения учебного заведения. Оценка респондентами своей роли в истории страны и города носит флуктуирующий характер. Рожденные в начале 1990-х совершают «виражи» от понимания собственной роли в истории на уровне человечества, университета и города, затем страны (2006 г.) до истории университета, страны, города и человечества (2010 г.). Результаты, полученные к 2015 году, позволяют выявить ранжирование уровней истории, на которых респонденты рассматривают свою роль в ней: история учебного заведения, человечества, города, страны. Данные результаты отражают специфику самосознания молодежи, чьи годы рождения приходятся на вторую половину 1990-х: тенденция непоследовательности и глобальности. А предлагаемые самостоятельные варианты ответов, показывают, что понимание респондентами роли «я» в истории ограничивается кругом ближайшего окружения, редуцируется вплоть до собственного «я».

В вопросе, посвященном месту «я» в истории, респонденты совершают выбор между тремя позициями: «деятеля», «мечтателя», «созерцателя». Позиция «деятеля» выражается в участии, поиске, старании, помощи; определении значимого, важного, немаловажного, достойного места в истории, места творца, преобразователя, хорошего специалиста, отличного семьянина. «Мечтатель» — будущий изобретатель, известный специалист, «человек, мечтающий что-либо изменить». «Созерцатель» представляется респондентами как «рядовой участник процесс», «мелкая деталька в огромной мозаике», «наблюдатель, который смотрит за изменениями в мире», «рано говорить, пока ничтожное», «самое незначительное, только частичка в истории», «никакое», «Я просто есть».

Обращаясь к вопросу своего деятельного участия в историческом процессе, респонденты испытывают неуверенность. Представители первого постсоветского поколения, принявшие участие в опросах 2006-2015 гг., предпочитают, по данным 2015 года, отвести себе в истории место «мечтателя» и «созерцателя», затем «деятеля». Полученные результаты позволяют выявить динамику избираемых позиций. Так, для респондентов, рожденных в начале 1990-х, типичен переход от позиции деятеля (2006 г.) к позиции созерцателя (2010 г.). Позиция «человека мечтающего» стремительно укрепляется в связи с взрослением респондентов (6 % — 2010 г., 63 % — 2014 г.) и становится доминирующей в самосознании учащейся молодежи, чьи годы рождения приходятся на вторую половину 1990-х годов. Парадоксально, что, взрослея, респонденты менее уверены в избираемой ими позиции как «созерцателя» (44,5 % — 2010 г., 24 % — 2014 г.), так и «деятеля» (18 % — 2010 г., 8 % — 2014 г.). Мечтательно-созерцающая позиция «я», завершающего свое обучение в университете, представляет собой предмет исследования и задачу, требующую скорейшей выработки решения.

У подавляющего большинства студентов, так или иначе, есть представление о своем месте в истории, кроме того, как показывают результаты, обращение к данному вопросу очень важно для учащейся молодежи. Количество респондентов, оставляющих вопрос о месте «я» в истории «без ответа», стреми-

тельно сокращается (17 % — 2006 г., 24,5 % — 2010 г., 2 % — 2014 г., 0 % — 2015 г.). Варианты ответов, предложенные студентами, чьи годы рождения приходятся на вторую половину 1990-х годов, указывают на то, что существуют трудности, а в тенденции проблемы, связанные с непониманием значения понятий «гражданин», «студент», имеет место подмена понятий «индивид», «гражданин». С точки зрения некоторых респондентов гражданская позиция не рассматривается как позиция проявления активности, гражданин рассматривается как индивид, а студент и вовсе как разнорабочий; мечты некоторых респондентов сопряжены с былым (2010 г.). Для студенческой молодежи, завершающей обучение в университете, оказывается приемлема (!?) позиция, выраженная как «ничтожное», «стремление быть деятелем», «обычного человека», «дилетанта» (2014 г.). Студенты младших курсов предлагают такие варианты ответов, как «человек из толпы», «рано думать об этом», «никакого», «только ради интереса» (2014 г.).

Исторические памятники, пребывание на территории исторического события, музеев-заповедников и т.д. вызывают у подавляющего большинства молодежи положительные чувства: уважения, гордости, ностальгии, любви. Ряд иных испытываемых чувств, названных респондентами, составляют: «восхищение», «восторг», «трепет», «радость, благоговение», «смешанные чувства». Полученные результаты в 2013-2015 гг. позволяют отметить многообразие чувств, которые одновременно с доминирующим чувством испытывают респонденты, например, гордости; ностальгии; любви; стыда, страха, трепета (2013 г., старшеклассники); гордости; любви; уважения (2014 г., пятикурсники); гордости; любви; уважения и ностальгии (2014-2015 гг., студенты младших курсов). Примечательно, что ученики десятого класса, по результатам 2013 г., более чем школьники одиннадцатого класса, испытывают чувство ностальгии. К выпускному классу у школьников возрастает чувство гордости за «историческое».

Вследствие взросления чувство уважения респондентов к «историческому» носит непреходящий характер, притупляется чувство гордости и ностальгии, неизменно чувство любви. К старшему курсу возрастает количество респондентов, не испытывающих чувств к «историческому» (3 % — 2010 г., 10 % — 2014 г.). Примечательно, что данная тенденция, характерна для сознания учащейся молодежи, чьи годы рождения приходятся на вторую половину 1990-х годов. Сравнительный анализ результатов опроса студентов технического и медицинского университетов в 2014-2015 гг., позволяет сделать вывод о том, что для студентов медицинского университета характерно менее выраженное отчуждение от «исторического», ибо «ничего не испытывают» втрое меньше респондентов, чем студенты технического университета.

Итак, на основании полученных результатов исследований, направленных на изучение проблемы сознания современной молодежи, следует выделить несколько наиболее значимых положений, связанных с императивом сбережения «исторического» в человеке, или формирования и развития исторического сознания и задаче патриотического воспитания личности:

— Сознание человека нового поколения характеризуется состоянием растерянности пред историческим прошлым и настоящим. Оно заключается в доминирующей созерцающей позиции исторического субъекта, тенденции эмоционального аскетизма, мировоззренческой неопределенности, метафизичности, субъективизма. Наряду с этим существует потребность отечественно-исторического познания и понимания, прежде всего, XX века, СССР.

— Свою роль в истории учащаяся молодежь рассматривает на уровне учебного заведения, человечества, затем города, страны. Оценка респондентами своей роли в истории страны и города носит флуктуирующий характер. Доминирует мечтательно-созерцательная позиция молодежи, в том числе завершающей обучение в университете. Историческое самосознание человека поколения 1990-х отличает сомнение и пассивность. Учащиеся испытывают преимущественно положительные чувства к «историческому». Обращают на себя внимание, отмечаемые респондентами, чувства гордости, ностальгии, любви в качестве непременных наряду с доминирующим чувством по отношению к «историческому», а также выраженность данных чувств старшеклассниками, чьи годы рождения приходятся на вторую половину 1990-х годов.

— Первостепенное значение в становлении, формировании патриотического сознания имеет время первичной социализации личности, совпадающей с периодами детства и отрочества. К молодежному периоду жизни патриотическое воспитание дополняется и расширяется самовоспитанием. На данном этапе жизни гражданина, личности, его патриотическое и историческое сознание должны быть свободны от инфантильных черт. Созидательно-деятельностная активность является выражением сформированного и развитого патриотического сознания, объемлющего в себе гражданские, военные, героические, нравственные аспекты.

— Первостепенная роль в патриотическом воспитании, становлении и формировании патриотического сознания, принадлежит семье. Семья есть первичный фактор социализации, формирования и развития мировоззрения личности. Дальнейшее формирование и развитие патриотического сознания связано с учебным заведением, культурными учреждениями, средствами массовой информации. С долженствую-

щей позиции необходимо рассматривать такие ценностные ориентации, как «благое», «созидательное», «общественное», «историческое», «отеческое», приобретаемые молодежью периода первичной социализации. Жизнь, как отмечали поэты «серебряного века», есть произведение искусства, а искусство предполагает выход к пределам «должного». Оно заключает в себе силу возвышающего и вдохновляющего идеала, непреходящих ценностей, утверждающихся в индивидуальном сознании. Духовно-нравственное преображение и сбережение — фундаментальная задача воспитания человека нового поколения. Наличие жизненных идеалов и целей составляет одну из духовных потребностей человека, взрослеющего человека особенно. Данные идеалы и цели должны носить личностно-социальный характер.

— Детерминантами направлений воспитания патриота являются отечественная история, культура, природа России, российское общество и, соответственно, связанные с ними наследие, опыт, уроки, задачи. Духовное основание патриотического сознания составляет развитое историческое сознание. Знание и понимание истории России, семьи, отечественной культуры, владение родным языком, положительные чувства к Родине, людям, армии, государству, природе, культуре и истории России — первостепенные ценностные ориентиры патриотического воспитания в современных исторических условиях. Уроки отечественной истории показывают, что организация общественной жизни человека детской, отроческой и молодежной поры представляет собой необходимую и непреходящую задачу общества. Детские, юношеские, молодежные организации способствуют становлению и развитию активной созидательной позиции молодежи, реализуемой на благо России. Воспитание достоинства личности, гражданина, патриота — задача современного общества.

Литература

1. Актуальные проблемы исследования социального здоровья. Опыт социолого-философского анализа. Часть I. — СПб.: Химиздат, 2004.
2. Актуальные проблемы исследования социального здоровья молодежи. Часть II. Информационно-аналитические материалы. — СПб.: Химиздат, 2005. *Беспятова Н.К.* Военно-патриотическое воспитание детей и подростков: методическое пособие. — М.: Айрис Пресс Айрис дидактика, 2006.
3. Будущее России в молодежном сознании: Опыт социолого-философского анализа. — СПб.: Химиздат, 2003.
4. Героико-патриотическое воспитание в школе: детские объединения, музеи, клубы, кружки, поисковая деятельность. — Волгоград: Учитель, 2007.
5. *Зобов Р.А., Сугакова Л.И.* Образование и жизненные установки группы «граждане мира» // Молодежная галактика. Ежегодный альманах. 2012. №8. — СПб.: ЭлекСис, 2012. — С.44-49.
6. *Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Социальное здоровье и социализация человека. — СПб.: Химиздат, 2005.
7. *Ивашов Л.Г.* Место и роль России в мировом геополитическом противоборстве // Геополитика — безопасность — терроризм. [Сб. ст.] — Бишкек: «Бийиктик», 2006. С. 50-58.
8. *Козлов Н.Д.* С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. — СПб.: «ТЕССА», 2002.
9. *Колпачева О.Ю.* Патриотическое воспитание в школе дореволюционной России: монография. — Ставрополь: Северо-Кавказский социальный институт, 2005.
10. *Кутыкова И.В.* История Отечества в сознании учащейся молодежи: итоги постсоветского двадцатилетия // Историческая психология и социология истории. — 2013. — Т.6. — № 2. — С. 95-106.
11. *Мамлеев Ю.В.* Россия вечная. — М.: АиФ-Принт», 2002.
12. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников: сборник научно-методических материалов. — Магнитогорск: МГТУ, 2015.
13. *Нуждин Д.М.* Государственно-патриотическое воспитание курсантов военного училища: монография. — Челябинск: ЧВВАКИУ, 2008.
14. Патриотическое воспитание: уроки истории и проблемы настоящего: материалы научно-практической конференции, 22 апреля 2015 г. — Новосибирск: Немо Пресс, 2015.
15. *Таранов П.С.* Интеллектуальные крылья. — М.: АСТ, 2000.
16. *Терещенко А.В.* История культуры русского народа. — М.: Эксмо, 2007.
17. Федоров Н.Ф. Из материалов к 3-му тому «Философии общего дела» // Вопросы философии. — 1993. — № 1.
18. *Федорова Т.Н.* Учебная активность молодежи: гражданско-патриотический аспект // Молодежная галактика. Ежегодный альманах. 2012. №8. — СПб.: ЭлекСис, 2012. — С. 53-56.
19. *Шайденко Н.А.* Патриотическое воспитание молодежи: модели социального партнерства и современные технологии: монография. — Тула: Изд-во ТГПУ, 2011.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

И.В. Солонько, канд. филос. наук, доцент

Семья — это союз мужчины и женщины, с целью рождения и воспитания детей, а также заботы о родственниках, которые в ней нуждаются. Все основные социальные роли человека (бабушка и дедушка, папа и мама, сын и дочь, братья и сестры, внуки и внучки) связаны непосредственно с семейным социумом и обусловлены им. Казалось бы, что эти незыблемые банальные истины вечны и неизменны. Однако, в последнее время именно они подвергаются сомнению и противо-естественной трансформации в новые либеральные понятия: «родитель № 1» и «родитель № 2», «беременный человек», «ребенок без гендерной идентификации» и т. п. Все эти антисоциальные новации западного «трансгуманизма» уже настойчиво стучатся в наши двери. И от того какую позицию мы займем в вопросе традиционных семейных ценностей, зависит наше конкретное и общее будущее, а также будущее наших детей и внуков.

Академик А. А. Корольков, подчеркивая принципиальную значимость института традиционной семьи для будущего нашей страны, обоснованно пишет: «Закат или возрождение России определяется в первую очередь духовным и телесным здоровьем семей» [2]. Принимая это справедливое утверждение, рассмотрим взаимосвязь семейных ценностей и условий развития российского общества, а также их роль в воспитательном процессе школ и вузов России.

Традиционные семейные ценности — это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Семья является первичной ячейкой общества, то есть его базовым социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство населения и обусловливающим частную жизнь граждан.

В традициях народов России испокон веков семейные ценности составляли одну из основ культуры. Институт семьи формировался на протяжении тысячелетий как основа любого общества и в современности его актуальность остается значительной. Первое и главное воспитание бóльшая часть людей получает в семье. И в зависимости от того, какие ценности впитает ребенок в самом начале своей социализации, будут формироваться и его социокультурные навыки, нравственность и жизненные ориентиры. Посредством социально-психологического импринтинга на важнейшем этапе формирования психологии и характера ребенка (до 6 лет) значительную роль играет личный жизненный пример всех взрослых членов семьи. В этом контексте семейные ценности сами являются важнейшим социокультурным жизненным приоритетом, так как воспроизводство новых нравственно и физически здоровых поколений обусловлено здоровьем института семьи.

Современные вызовы западной глобализации нацелены на растворение традиционных семейных ценностей с целью упрощения манипуляции массовым сознанием и «гуманным» сокращением «избыточного» населения планеты Земля. В этом заключается реальная причина и подоплека ювенальной юстиции, агрессивной пропаганды однополых браков и навязывания феминистического равноправия между мужчиной и женщиной, искусственное стирание естественных различий в социальных ролях, психологии и физиологии гендерных взаимо-отношений. Все это необходимо откровенно и доходчиво объяснять нашей молодежи, в школьном курсе обществознания и особенно в высших учебных заведениях, готовящих будущих управленцев и авторитетных специалистов для всех сфер жизнедеятельности российского общества.

Жизненный опыт показывает, что для устойчивости общества в преемственности поколений предпочтительной является традиционная семья, в которой совместно проживает несколько поколений в просторном и комфортном доме на своем участке с садом и огородом [3]. Доминирование в массовой статистике общества именно такого типа семьи, позволит гармонично и оптимально решить множество социальных проблем, с которыми мы вынуждены сталкиваться в современности. Поэтому культурная политика в системе образования и в СМИ должна быть нацелена на эффективную пропаганду такого оптимального типа семьи. На это же должна быть настроена, и демографическая политика государства и, следовательно, обеспечивающая ее реализацию — экономическая политика. Большинство социально-экономических проблем современной России обусловлены игнорированием этой целесообразной приоритетности в практике государственного и муниципального управления. То есть существующая социально-экономическая политика пока не в полной мере соответствует требованиям статьи 7 Конституции Российской Федерации [1].

Многие европейские обыватели еще десять лет назад даже не предполагали современных порочных и губительных реалий ювенальной юстиции, однополых браков или насильственного сексуального «просвещения» в начальной школе. Эти заказные западные тенденции уже стоят на пороге российского обще-

ства и угрожают конкретному будущему наших детей и внуков. Если мы не предпримем своевременных адекватных мер в нашей культурной и образовательной политике, то рискуем повторить этот пагубный опыт «просвещенной» Европы. Поэтому воспитывая своих школьников и студентов вне зависимости от профиля учебного заведения целесообразно в рамках образовательного курса обществознания и социологии системно объяснять ключевые факторы развития или деградации общества в преемственности поколений. Образованный человек вне зависимости от своей профессии должен знать эти объективные социокультурные закономерности и их проявление в реальной жизни. Адекватное понимание взаимосвязи традиционных семейных ценностей и благополучия общества в преемственности поколений обеспечат не только здоровье общества, но и свой цивилизационный суверенитет в условиях вызовов и рисков глобализации по западному сценарию [4]. Реализация этой важнейшей составляющей воспитательной работы — это насущная необходимость для образовательного процесса средней и высшей школы в Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. — СПб: Питер, 2014. — 64 с.
2. Корольков А. А. Духовная антропология. — СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та, 2005. — С. 150.
3. Общество: государственность и семья. Рабочие материалы: К вопросу о выработке государственной политики поддержки института семьи в процессе общественного развития. — СПб. 2004. — 78 с.
4. Солонько И. В. Система концептуальной власти в условиях глобализации: социальная обусловленность и приоритеты: Монография. — СПб: СПбГАУ, 2017. — 346 с.

ЗАКАТ АМЕРИКИ. САРКОМА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

(Продолжение. Начало в альманахе Ключъ № 9 / 2015, № 10 / 2017)

И.М. Ефимов
Писатель, США

3. В ФИРМЕ

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом.
Михаил Лермонтов

Переходя со студенческой скамьи на инженерную должность в Советском Союзе, я и все мои сверстники должны были поспешно переучиваться, овладевая жаргоном, на котором власти отдавали команды в промышленной сфере. Ни на каких лекциях, ни в каких учебниках нас не предупреждали, что социалистическое производство не просто управляется идолом по имени План, а что тысячи раз этому идолу надо будет приносить в жертву здравый смысл. План только притворялся, будто его можно измерять строгими цифрами, обозначающими число единиц выпускаемой продукции или её общий вес. На самом деле, отбросив рыночное регулирование производства, советские руководители были вынуждены изобретать свой особый слэнг для отдачи команд заводам и фабрикам, в котором ключевым словом являлось слово «показатель».

Изобретением, внедрением и измерением показателей занимался тот отдел интеллектуальной элиты страны, который носил название «экономисты». Это им приходилось ломать голову над тем, как увязывать все нелепости, порождаемые отказом от рынка. Конечно, задать угольной шахте план, измеряемый количеством тонн добытого угля, было несложно. Но что делать, например, с заводом, выпускающим стальной прокат самых различных форм и профилей?

Ага, ему мы зададим план в цифрах суммарного веса продукции.

Что-что? Завод тогда будет стремиться выпускать только тяжёлые балки, двутавры и швеллеры, уворачиваясь от введения прогрессивных облегчённых сплавов? Тогда мы введём новый показатель, оценивающий процент внедрения научных достижений, или экономии отходов производства, или объёма реализованной продукции, или повышения производительности, или... Всё это открывало бескрайнее поле для умственной, словесной и цифровой эквилибристики, которой и занимались бюрократы в заводских бухгалтериях и в надзиравших за ними ведомствах и министерствах.

Выпускника американского университета или колледжа тоже ожидает немало сюрпризов, когда он начнёт заниматься своей профессией. Ему тоже придётся срочно приспосабливаться к необходимости приносить жертвы здравому смыслу, о чём никто не предупреждал его в учебных аудиториях. Вторая

мировая война и последовавшая за ней гонка вооружений сделали правительственные организации мощнейшим участником экономической жизни страны. В роли заказчика и владельца они оперируют в военной сфере и космической, в строительстве дорог и портов, в авиаперевозках и почтовой связи, и многом, многом другом. Деловой мир Америки всегда относился к социалистическому планированию с пренебрежением. Но именно поэтому он оказался совершенно не готов к замаскированному массовому вторжению вируса социализма с тыла. Невероятное возрастание и расширение участия государства в экономике неизбежно вело к ослаблению рыночных рычагов регулирования, к замене их государственным планированием со всеми его пороками.

Бывшие советские инженеры были изумлены, когда им пришлось в американских фирмах, выполнявших государственные заказы, сталкиваться с такими же случаями массового очковтирательства и расточительства рессурсов, как и в СССР. Много раз мне доводилось слышать от эмигрантов одни и те же истории. «Получили большой заказ на проектирование атомной электростанции. Исходные данные должна поставлять другая организация, которая запаздывает с ними. Наша проектная фирма в ожидании не пытается занять нас какой-то другой работой. Ведь она выписывает государству счёт за потраченные нами рабочие часы. Нас заставляют сидеть без дела за столами, у кульманов и компьютеров. Причём категорически запрещают читать или отвлекаться на интернет. От скуки и безнадёжности хочется иногда завыть».

Или взять такого гиганта как Почтовое ведомство США (USPS). С одной стороны, оно обладает полной монополией внутри рыночной структуры страны. С другой стороны, чиновникам запрещено вздувать цены на почтовые отправления без достаточных оснований. С третьей стороны, понятие «прибыль» остаётся критерием успеха их деятельности. В результате половина чиновничьего аппарата занята изысканием аргументов для вздувания цен, другая половина — поисками нововведений для растрачивания полученных непомерных доходов.

Будучи независимым издателем, я должен был постоянно пользоваться услугами почтовой службы для рассылки выпущенных нами книг в магазины, библиотеки и индивидуальным заказчикам. Меня поражало, что, при постоянных жалобах на убыточность почтового ведомства, клерки взвешивали мои пакеты на дорогих компьютерных весах, заменявшихся чуть ли не каждый год всё более и более сложными.

В середине 1990-х Почтовое управление заказало и получило тысячи автомобилей для развозки почты, этакие бело-сине-красные кубики, не годящиеся ни для чего другого. Фантазии не хватает, чтобы представить, сколько ему это должно было стоить. Зато оно отменило отправку книжных пакетов морем за границу — только по воздуху, втридорога. Зарубежная продажа наших книг резко пошла вниз, европейские магазины отказывались оплачивать непомерно дорогую пересылку. Уверен, что и большие издательства вынуждены были сократить свои отправки. То, что при этом торговый дисбаланс Америки только ухудшался, почтовых социалистов не заботило.

Независимый предприниматель, оперируя на свободном рынке, расплачивается за свои ошибки убытками или полным разорением. Когда государственный чиновник является на рынок со своими заказами, он знает, что разорение ему не грозит. Каким же образом можно стимулировать его, контролировать правильность его решений? Ведь многомиллионная армия штатных и государственных чиновников распоряжается сотнями миллиардов долларов, получаемых от налого-плательщиков на прокладку дорог и каналов, строительство школ и тюрем, ремонт мостов и общественных зданий, образование и медицинское обслуживание. Как заставить чиновника тратить эти деньги осмотрительно и разумно, не допустить, чтобы на распределение заказов влияли взятки, взаимные услуги, кумовство?

О, для этой цели другие чиновники вырабатывают строжайшие правила, нарушение которых будет чревато тяжёлыми последствиями для карьеры бюрократа — распределителя заказов.

Прежде всего составляется подробное описание требуемой работы. Оно рассылается фирмам соответствующего профиля. Наверное, в первую очередь пытаются привлечь те фирмы, которые уже хорошо зарекомендовали себя высоким качеством работ и деловой честностью? Ни в коем случае! Это будет называться «фаворитизм». Нет, участие в конкурсе на получение заказа каждый раз должно быть окутано полной анонимностью.

Допустим, требуется провести серьёзные ремонтные работы на каком-то объекте. Из списка строительных контракторов наугад выбираются восемь или десять, но так, чтобы среди них обязательно был хотя бы один представитель этнических меньшинств и одна женщина. Им рассылаются заказы на составление плана работ и смету. Личные контакты между заказчиком и потенциальным исполнителем запрещены, все переговоры фиксируются на бумаге. Кроме сметы контрактор должен представить документы, подтверждающие, что он соблюдает все правила расового равноправия при приёме на работу и не имеет деловых отношений с государствами, на которые американским правительством были наложены экономические санкции.

Наконец, сметы и все нужные документы получены — можно выбрать из них самую выгодную и начинать работу?

Ишь, разогнались!

Нет, теперь создаётся комиссия из трёх-пяти бюрократов, которые будут анализировать полученные материалы, выискивать, не закралась ли в них какая-нибудь ошибка или дезинформация. Нужно учитывать, что на этом этапе конкуренты легко могут подбросить членам комиссии достоверные или клеветнические сведения, дискредитирующие соперников. Сколько недель или месяцев уйдёт у комиссии на расследование? О, это несущественно. Главное, чтобы проверка была осуществлена с максимальной тщательностью.

В 1990-е годы возникла необходимость отремонтировать один из мостов в городе Нью-Йорк (Carroll Street bridge in Brooklyn). Предварительные расчёты показывали, что это будет стоить 3,5 миллиона и займёт около трёх лет. Помощник директора строительного отдела, мистер Сэм Шварц, решил, что было бы славно закончить ремонт к дате столетия постройки моста. Он предложил проигнорировать предписанные этапы подготовительного процесса и поручил подчинённым ему инженерам самим составить план и смету. В результате мост был отремонтирован за 11 месяцев, и затраты составили 2,5 миллиона долларов. Мистер Шварц получил строгий выговор за невыполнение тридцати пяти положенных шагов, которые потребовали бы участия шести различных бюрократических агентств.[1]

Фактор затрачиваемого времени, как правило, не играет большой роли в бюрократическом планировании. В 1992 году в Чикаго были замечены протечки воды в потолке железнодорожного туннеля, проложенного под рекой Чикаго. Соответствующий чиновник обратился к знакомой ему фирме, и та предложила устранить протечку за 75 тысяч долларов. Это показалось чиновнику дороговато, и, чтобы обезопасить себя от обвинений в коррупции, он решил пойти обычным путём: выставить ремонтный заказ на конкурс. Увы, он не успел получить ни одного нового предложения, потому что через семь недель, 13 апреля 1992 года, потолок туннеля рухнул, воды реки и озера Мичиган хлынули в подвалы деловых зданий в центре города, в трансформаторные подстанции, в котельные, причинив убытков на миллиард долларов.[2]

Даже наше маленькое издательство «Эрмитаж» в какой-то момент попало под ножи бюрократических правил. Старинный ленинградский друг нашей семьи, журналист и переводчик Кирилл Косцинский, был отправлен в лагерь при Хрущёве за слишком смелые высказывания. Просидев там четыре года, он увлёкся собиранием жаргонных слов, и его коллекция стала основой для собранного им словаря ненормативной русской речи. После эмиграции в 1978 году американские друзья-слависты помогли ему попасть в Гарвардский университет и там получить грант на завершение и издание его словаря в 20 тысяч слов.

Заказ на смету был разослан разным издательствам, включая «Эрмитаж». Я потратил несколько недель, готовя образцы набора с различными шрифтами и финансовые расчёты, отправил всё в администрацию университета. Через год спросил у Косцинского, есть ли какое-нибудь движение со словарём. Он смущённо признался, что декан объяснил ему их правила. Они должны разложить присланные сметы в ряд, от самой низкой до самой высокой, и потом, не утруждая себя анализом, начать с того, что отбросить самую дорогую и самую дешёвую как несерьёзные.

Оказалось, что «Эрмитаж» предложил самую низкую сумму и был, соответственно, вычеркнут из конкурса. «И вы не сказали чиновникам, что знаете Ефимова двадцать лет и что он обычно выполняет обещанное?» — «Я сказал, — ответил Косцинский, — но мне объяснили, что факт нашего знакомства

только ухудшает ваши шансы, ибо на сцену выходит фактор “фаворитизма”». Дело тянулось ещё несколько лет, но вскоре Косцинский умер, и словарь его так и не был опубликован.

Вторжение государства в рыночную экономику не ограничивается ролью заказчика-покупателя. Гигантская чиновничья сеть создана для выпуска всевозможных правил, ограничений и запретов, за нарушение которых на фирму могут обрушиться серьёзные кары. Конечно, все эти правила диктуются самыми благими намерениями, все направлены на улучшение жизни и здоровья американских граждан. Но, пытаясь исключить ошибки, некомптентность и злонамеренность, они одновременно подавляют инициативу и чувство личной ответственности каждого служащего.

Например, давно было замечено, что различные производственные процессы могут обернуться травмами, болезнями или даже смертью работников. Могло ли цивилизованное общество мириться с подобным положением дел? Конечно, нет. И в 1970 году Конгресс постановил создать при Министерстве труда (Department of Labor — DOL) специальный отдел по технике безопасности (Occupational Safety and Health Administration — OSHA).[3]Тысячи инспекторов этого отдела могут явиться в любой момент на любой завод, фабрику, строительную площадку и проверить, как выполняются 4000 инструкций по безопасности.

На кирпичную фабрику Глен-Гери в городе Рединг, штат Пенсильвания, инспекторы OSHA являются не реже двух раз в год и всегда что-нибудь находят. «Особенно их интересуют ограждения. На старых участках фабрики они обнаружили ограждения высотой 39 и 40 дюймов, вместо положенных 42 дюймов, и внесли нарушение в протокол осмотра... Также они вынудили владельцев потратить несколько тысяч долларов на механизм автоматического отключения конвейерной ленты, в случае если зазевавшийся рабочий наступит на неё. Предупредительные плакаты развшены повсюду. Большой плакат ЯД висит на стене склада с песком. Ибо научные исследования показали, что вещество silica, содержащееся в песке и выделяющееся при некоторых дробильных операциях, может стать причиной рака».[4]

Судьба инвалида в коляске вызывает импульс сострадания в сердце нормального человека, особенно в стране, которой двенадцать лет успешно управлял полупарализованный президент. Компания по созданию условий, облегчающих жизнь таких людей, охватила все штаты. Все учреждения, все магазины, все библиотеки, все кинотеатры обязаны были устроить рядом с входными ступеньками гладкие въезды дли инвалидных кресел. В Бостоне я своими глазами видел такой въезд на входе в пожарное депо. (А вдруг инвалиду понадобится зачем-то нанести визит пожарникам?!) Миллиарды долларов были потрачены на все эти перестройки. В автобусных дверях были устроены подъёмники для колясок.

Но что делать с уличными туалетами? Оказалось, что туалет со специальным въездом занимал бы слишком много места и это нарушало бы кодексы устройства уличных тротуаров. Несколько комиссий бюрократических доброхотов в Нью-Йорке обсуждали эту проблему с разных сторон в течение нескольких лет, сравнивали различные модели и проекты, включая канадские, французские, немецкие. В конце концов, пришли к решению, что нельзя унижать инвалидов зрелищем туалетов, в которых им не оставлено места. Лучше мы оставим восемь миллионов жителей и миллионы визитёров вообще без уличных туалетов — ведь высокие идеалы гуманизма важнее низменных нужд.

Государственное регулирование мощно вторгается также в отношения между тружеником и работодателем. Вопрос о допустимой минимальной заработной плате постоянно обсуждается в Конгрессе, лево-либеральный хор постоянно требует её повышения. Она доползла уже до уровня 7.50 долларов в час. Но недавно прошла забастовка работников сети ресторанов «Мак-Дональдс», которые требовали поднять им плату до 15 долларов. «Кто может прожить в Нью-Йорке на нашу зарплату?!», восклицали бастующие и поддерживавшие их политики. Робкие возражения, указывающие на то, что владельцы закусочных разорятся и вы останетесь совсем без работы, отметались как пропаганда эксплуататоров, рвачей и кровососов.

«Обзор показал, что 85 % канадских экономистов и 90 % американских считают, что законы о минимальной заработной плате увеличивают безработицу. Не нужно быть доктором экономики, чтобы понимать: увеличивая цену, вы уменьшаете число возможных покупателей товара. Это относится и к

работодателям, которые нанимают меньше работников, когда цена на их труд искусственно вздувается. Подобные процессы происходили во Франции, в Южной Африке, в Новой Зеландии. Стоит ли удивляться тому, что это случилось и в Чикаго?»[5]

Также устанавливаются строгие правила, усложняющие увольнения нанятых сотрудников. Эта мера объявляется средством борьбы с безработицей. На самом деле она приводит к тому, что работодатели боятся нанимать молодых людей с низкой квалификацией на постоянную работу с выплатой бенефитов, стараются оставить их в статусе рабочих по контракту. Сравнение показало, что во многих странах Европы, где социалистическое регулирование зашло ещё дальше, чем в Америке, проблема безработицы только обострилась.[6]

Огромную роль в экономике Америки играют профсоюзы. Мне не довелось лично сталкиваться с проблемами, создаваемыми этими организациями. Знакомый инженер, получивший работу в кампании «Форд», со смехом рассказывал мне, как он попытался перенести свой компьютер из одного кабинета в другой и как испуганные коллеги остановили его, шепча: «Что вы делаете?! Это работа обслуживающего персонала. Их профсоюз может поднять скандал и обвинить вас в том, что вы лишаете работы их членов».

В середине 1930-х президент Франклин Рузвельт поддержал расширение прав профсоюзов в коммерческом секторе. Но разрешить государственным служащим тоже создавать свои профсоюзы и грозить правительству забастовкой большинству политиков тогда казалось просто нелепостью. Это отдавало бы всё население страны на милость какой-то одной профессии. Однако постепенно такие профсоюзы стали возникать на штатном уровне. Они активно поддерживали партию демократов на местных выборах, а те, победив и придя к власти, охотно поднимали зарплаты и пенсии государственным служащим. Численность членов постепенно росла и в 2009 году достигла почти восьми миллионов.[7]

Государственным служащим не разрешается устраивать забастовки, но они могут оказывать давление на правительства штатов другими методами: демонстрациями, обструкциями, массовой неявкой на работу под предлогом болезни. На сегодняшний день средняя зарплата государственного служащего достигла 130 тысяч долларов, что вдвое превышает зарплату в частном секторе. Когда в 2011 году губернатор штата Висконсин — республиканец — призвал учителей и других штатных работников согласится на некоторые сокращения пенсий, чтобы спасти штат от банкротства, это было встречено бурей протестов. Законодателей обзывали фашистами, посылали письма с угрозами, а одному подсунули под дверь листовку, озаглавленную: ХОРОШИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ — ЭТО МЁРТВЫЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ.[8]

Довольно сильное впечатление оставили фильмы, описывающие захват профсоюзов мафиозными кланами: «В доках», «Хоффа», «Крёстный отец». То, как профсоюз рабочих автомобильной промышленности довёл своими непомерными требованиями американских автостроителей до кризиса, я мог видеть своими глазами, гуляя по наполовину сожжённым улицам бывшей автомобильной столицы — Детройта. Однако и сегодня американский журналист поостережётся выступить с критикой этих организаций, боясь обвинений в политической некорректности.

Так как граница между рыночным регулированием и социализмом в Америке остаётся размытой, очень часто одним чиновникам приходится изворачиваться, преодолевая рогатки, установленные другими. Например, радиостанция «Голос Америки», будучи ответвлением Министерства информации, обязана строго выполнять правила выплаты своим сотрудникам пенсий, медицинской страховки и прочих бенефитов. С другой стороны, когда в Конгрессе начинается очередная компания за экономию, от дирекции требуют снижения расходов. Что остаётся делать? «Голос Америки» начинает подталкивать старшее поколение к уходу на пенсию, а их работу передаёт сотрудникам по контракту, не получающим никаких бенефитов.

Перетекание рабочей силы из сферы рыночного производства в сферу государственно-административную идёт неостановимо. В 2011 году госслужащих стало вдвое больше: 22 миллиона против 11 миллионов в частном секторе. При этом Госдепартамент каждый год выпускает по миллиону «зелёных карточек», дающих иностранцам право состязаться с местными за рабочие места и в итоге получить американское гражданство.[9]

Вмешательство государства в экономическую жизнь часто оказывает парализующее или искажающее воздействие. Но и рынок, оставленный без присмотра, часто выкидывает фокусы с последствиями катастрофическими. Ярче всего это продемонстрировало падение энергетического гиганта «Энрон» в 2001 году.

Компания бурно развивалась, торгуя газом и электричеством, а в конце 1990-х перешла и к торговле ценными бумагами на бирже. К тому времени в ней насчитывалось около двадцати тысяч работников в сорока странах мира. Руководством компании, для сокрытия истинного положения дел, были созданы тысячи фиктивных дочерних предприятий, располагавшихся за пределами США. Так на Каймановых островах «разместились» 692 филиала «Энрона».

Принцип действия схемы был прост: через дочерние компании проводились сделки с электроэнергией, позволяющие раздуть стоимость всего конгломерата, на них же перекладывались те долги, которые не попадали в официальную отчётность. В результате показатели «Энрона» росли, руководство получало многомиллионные премии, росла стоимость акций и их пакетов. Налоговому же управлению компания показывала столько убытков, что получила налоговых возмещений на 380 миллионов долларов.

Однако долги не переставали расти, накапливались в геометрической прогрессии. В 2001 году руководство компании начало тайно продавать свои пакеты акций, хотя сотрудникам обещали блестящие перспективы. В октябре компания объявила об убытках в 640 миллионов долларов. Акции «Энрона» стали стремительно падать. Уже в ноябре долг вырос на 2,5 миллиарда долларов. Цена акций упала с 80 долларов до одного. В декабре компания объявила о банкротстве, которое оказалось крупнейшим в истории страны. Уволены были около пяти тысяч сотрудников в США и Европе.[10]

Прожить без постоянного заработка человеку нелегко. Но прожить без крыши над головой ещё труднее. Проблемы бездомных вызывают не меньшее сострадание в сердцах американцев, чем проблемы безработных. А там, где есть сострадание, безотказно появляются политики, обещающие применить новые, ещё никем не испытанные способы покончить с очередным бедствием. «Каждый человек имеет право на достойное обиталище! Мы живём не в пещерном веке! Садовая скамейка — не место для ночлега!» В течение последних десятилетий строительство домов сделалось любимым поприщем для доброхотов, верящих в то, что правильное регулирование может решить все социальные проблемы.

Здесь мы незаметно подошли к теме следующей главы, которой дадим название «В доме».

Примечания:

1. Howard, Philip K. *The Death of Common Sense* New York: Random House, 1995), pp. 64-65.
2. Ibid, p. 60.
3. Ibid., p. 12.
4. Ibid., p. 13.
5. Sowell, Thomas. *Dismantling America* (New York: Basic Books, 2010), pp. 184-185.
6. Sowell, Thomas. *Intellectuals and Society* (New York: Basic Books, 2009), p. 58.
7. Horowitz, David, & Laksin, Jacob. *The New Leviathan* (New York: Crown Forum, 2012), p. 164.
8. Ibid., p. 159.
9. Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower* (New York: St. Martin Press, 2011), pp. 14, 16.
10. http://www.molomo.ru/inquiry/enron.html.

4. В ДОМЕ

Я строю, строю, строю,
И всё не Рим, а Трою...
Наталья Горбаневская

Кажется, ни одна сфера деловой активности в Америке не окутана такой густой и прочной сетью всевозможных правил и запретов, как жилищное строительство. Множество связанных с этим парадоксальных ситуаций приводит исследователь Филип Ховард в своей книге «Смерть здравого смысла».

В 1988 году монахини ордена «Миссионеры милосердия», возглавляемого знаменитой матерью Терезой, собрали 500 тысяч долларов для устройства ночлежного дома в Бронксе (северный район Нью-Йорка). На 148-ой улице они нашли два подходящих дома, разрушенных пожаром. Город согласился продать им эти остовы по доллару за каждый. Почти два года ушло на создание плана ремонтных работ и согласование его с мэрией. Наконец, в сентябре 1989 работа началась. Однако Провидение в этот момент отвернулось от монахинь, и их благие намерения столкнулись лоб в лоб с благими намерениями сочинителей строительного кода города Нью-Йорк.

Оказывается, этот код с недавнего времени включал в себя правило: в новых и перестраиваемых домах высотой больше четырёх этажей наличие лифта объявлялось обязательным условием. Включение лифта в рабочий план требовало дополнительно 100 тысяч долларов, которых у «Миссионеров милосердия» не было. Напрасно они пытались уговаривать городских чиновников и объяснять им, что отсутствие лифта не будет главной проблемой в жизни бездомных. Никто не обладал правом изменить раз принятое правило или хотя бы сделать исключение. Сгоревшие дома на 148-ой улице остались стоять в своём прежнем виде и давали приют только тем бездомным, которых не смущало отсутствие не только лифта, но также окон и дверей.[1]

Советские лидеры с самого начала решали проблему нехватки жилья, вселяя людей в общежития и коммунальные квартиры. Иметь одну комнату для семьи из трёх, четырёх, пяти человек, с доступом к одному общему туалету и газовой горелке в общей кухне люди почитали подарком судьбы. Для американцев же 20-го века такой вариант казался недопустимым. На совместное проживание с чужими они соглашались разве что в студенческом общежитии или в солдатской казарме. Отдельная квартира или отдельный дом для каждой семьи сделались непременным требованием. Но как осуществить его на деле? Города начинали разрастаться в вышину — небоскрёбами — и в ширину — сливая бескрайние пригороды в многомиллионные мегаполисы.

Этот процесс сопровождался неуклонным и стремительным ростом цен на жильё. Оставить людей на волю рыночной стихии было, действительно, невозможно. Миллионы стариков, живших в арендованной квартире, не могли бы платить вздорожавшую ренту из своих пенсий. Не имея возможности снять отдельную недорогую комнату в мебелированной квартире (такая форма аренды была запрещена законом), они все превратились бы в бездомных. Городские власти в большинстве штатов были вынуждены вмешиваться и принимать какие-то меры. Чаще всего они выносили постановления, запрещающие поднимать арендную плату для старых обитателей, вводили так называемый rent-control.

Установление допустимого потолка арендной платы, конечно, представляло собой грубое нарушение свободы рыночных отношений. По сути оно являлось бессудным отнятием собственности домовладельцев в пользу государства — действие, запрещённое конституцией. Оно подверглось серьёзной критике со стороны таких мыслителей, как Милтон Фридман и Фридрих Хайек. Но и экономисты левого лагеря указывали на его серьёзные недостатки. Швед Ассар Линбек писал: «Во многих случаях контролирование ренты оказалось наиболее эффективным способом разрушить город — если, конечно, не считать бомбардировки».[2]

Но что было делать с новыми поколениями? Что было делать с миллионами небогатых людей, рвавшихся в большие города, потому что только там они могли найти работу? Миллионы людей, работавших в сфере обслуживания, не могли осилить взлетевшие цены на жильё — как обеспечить для них возможность являться на рабочие места?

Для них было решено строить специальные кварталы, составленные из недорогих домов, в которых квартиры сдавались бы только малоимущим. Как всегда, благонамеренные доброхоты, спонсировавшие эту программу (в Нью-Йорке она называлась «Программа № 8»), не хотели заглядывать вперёд и задумываться над неизбежными последствиями своих благородных порывов. Главным же следствием в данной ситуации стало то, что быть бедным сделалось выгодно, а слегка разбогатеть — просто губительно.

В знакомой мне эмигрантской среде я видел десятки примеров того, как это происходило. Небогатый журналист живёт в Квинсе с женой, матерью и дочерью в снимаемой квартире. Две спальни,

гостиная и кухня — это роскошь, по сравнению с тем, что они имели в Советском Союзе. Потом у супругов рождается сын. При этом официально они не зарегистрированы. Значит жена получает права матери-одиночки. А таким, по 8-ой программе, полагается отдельная квартира в квартале для бедных. Она становится на очередь и очень скоро получает квартиру. Туда вселяется подросшая дочь, которая очень скоро уезжает искать счастья в других местах, а квартиру жена журналиста тайно и незаконно пересдаёт за очень приличные деньги.

Другой пример. Немолодая эмигрантка, никогда не работавшая в США и не платившая налогов, едва владеющая английским, хочет переехать из Мичигана в Нью-Йорк, чтобы оказаться поближе к родственникам. Она разузнаёт правила Восьмой программы, списывается с приятельницей, живущей в Квинсе, которая соглашается подыгрывать ей и объявить её жиличкой, снимающей у неё комнату.

Нет, добрый город Нью-Йорк не может допустить, чтобы старая женщина ютилась в комнатке у чужих людей!

Он ставит её на очередь и через полгода вселяет в односпальную квартиру в специальном квартале на юге Манхеттена. Платить за неё она будет в пять раз меньше рыночной цены. Плюс ей гарантируется медицинское обслуживание по программам Медикер и Медикейд, фудстемпы и оплаченная городом индивидуальная помощница. Как при этом город Нью-Йорк может преодолеть жилищный кризис и вообще сводить концы с концами, понять нелегко.

Правила для постройки нового жилья сильно отличаются от штата к штату, но все они так или иначе должны учитывать соображения пожарной безопасности, охраны окружающей среды, прав этнических меньшинств и прочего. Журналисты обратили внимание на то, что в новых городках Среднего Запада дома отстоят друг от друга неестественно далеко. Оказалось, что чиновники, выпускающие правила застройки, внесли в них пункт: ширина улицы должна быть такой, чтобы две пожарные машины, несущиеся на полной скорости навстречу друг другу, могли безопасно разъехаться. Это правило применялось даже в тех городках, которые были слишком малы, чтобы позволить себе иметь собственное пожарное депо хотя бы с одной машиной.[3]

По нашей семье эпидемия благих намерений застройщиков ударила с совершенно неожиданной стороны. В гостиной нашего дома в Нью-Джерси вдруг просел пол. Что могло случиться? Вызвали ремонтников, и те обнаружили вторжение термитов в подвале. Несущая деревянная балка была проедена ими до кружевного состояния.

— Не беспокойтесь, — успокаивал меня ремонтник. — Балку заменим, пол выровняем. Стоить это вам будет столько-то.

— А что помешает термитам вернуться и повторить разбой? — спросил я. — Нельзя ли поставить балку, пропитанную особыми химикалиями, которые, как я слышал, термитам не по вкусу?

Оказалось, что нельзя. Что где-то когда-то суперзаботливый пожарный чиновник задумался: ведь в случае пожара пропитанная химикалиями балка будет испускать особенно ядовитый дым. Нет, с точки зрения пожарной безопасности, это недопустимо. И, видимо, добился внесения в строительный код соответствующего запрета. То, что в горящем доме человек погибнет и от обычного дыма так же быстро, как-то к рассмотрению не принималось. И то, что миллионы деревянных домов остаются беззащитными перед атаками термитов, было уже проблемой другого ведомства.

Мы вызывали бригады борцов с термитами, те сверлили дыры в грунте вокруг нашего дома, загоняли туда какие-то ядовитые смеси — ничего не помогало. Через два года балка была снова проедена. Пришёл тот же ремонтник, отколупнул коричнвую корочку туннеля на бетонной стене, по которому враг добирался до вкусной древесины. Цепочка беленьких разбойников, деловито ползущая по своим важным делам, вызвала у ремонтника ласковую улыбку.

— Кормильцы мои, — сказал он. — Как мне их не любить?

Когда нам пришло время продавать дом и переезжать, пришлось погрузиться в новую пучину ремонтных работ. Приходившие подрядчики называли такие цены, от которых у нас темнело в глазах. Один привёл с собой городского инспектора жилых зданий. Когда я заявил, что названная цена нам совершенно не по силам, инспектор негромко сказал:

— А вы знаете, что я могу объявить ваш дом опасно непригодным для жилья? (По-английски — condemned.) И вас выселят из него в 24 часа?

Пришлось залезать в долги и платить, платить, платить...

Повсеместный рост цен на жильё в городах приводил к тому, что многие семьи вынуждены были тратить половину своего дохода, чтобы иметь крышу над головой. Политики-доброхоты не могли смириться с таким положзением дел. Лозунг affordablehousing («жильё по карману») начал набирать силу и в начале 1990-х реализовался в специальных постановлениях Министерства городского строительства (Department ofHousing and Urban Development, HUD). Эти постановления требовали от банков выдавать определённый процент займов на дома и квартиры представителям этнических меньшинств, даже если эти представители не имели достаточного дохода. Банкам, не выполнявшим введённые квоты, Министерство юстиции вчиняло судебные иски, чреватые крупными штрафами.

К этому моменту зависимость банков от благорасположения штатных и государственных учреждений сделалась очень заметной. Для многих выгодных операций они должны были получать разрешение от соответствующих комиссий. Такие разрешения не выдавались, если банк находился под расследованием на предмет выполнения квот. Поневоле банкиры начинали снижать свои стандарты, выдавать займы, не требуя первичного взноса наличными (down payment), не проверяя кредитоспособность клиента.[4]

В октябре 2002 года президент Буш-младший выступил в Вашингтоне с речью: «У нас в Америке есть серьёзная проблема с неравенством. Меньше половины латино-американцев и афро-американцев имеют собственные дома. Мы должны вместе трудиться, чтобы разрушить барьеры, создавшие этот разрыв. Правительство выдвигает амбициозную задачу: к концу декады увеличить число домовладельцев из меньшинств по крайней мере на 5,5 миллионов».[5]

Давление на банки со стороны правительства возросло после этой речи. Их заставляли выдавать займы даже людям, успевшим разрушить свою финансовую репутацию. Среди афро-американцев число хронических неплательщиков долгов достигало 48 %, тем не менее и таким выдавали займы. Сумма займов, выданных банками Фанни-Мэй, Фредди-Мэк и Федерал Хом Лоан Бэнк за период с 1998 по 2008 год возрастала на 184 миллиарда каждый год.[6]

Местные власти тоже включались в кампанию улучшения жилищных условий. Они накладывали на строителей всевозможные ограничения под красивыми лозунгами: «открытое пространство», «разумный рост», «охрана природы», «сохранение сельскохозяйственных угодий». «Как и большинство красиво звучащих политеческих лозунгов, эти тоже исключали непристойное слово из четырёх букв: *цена*».[7]

Цены же на дома при этом неуклонно росли. Например, в прибрежных районах Калифорнии относительно небольшой дом уже нельзя было купить дешевле, чем за полмиллиона. Но кризис не мог остаться в пределах одного штата. Повсеместно банки складывали эти сомнительные займы в некие пакеты ценных бумаг и продавали их на биржах так, будто это были реальные капиталы, обеспеченные солидной недвижимостью. Финансовый мыльный пузырь всё раздувался и наконец в 2008 году лопнул.

По всей стране тысячи домовладельцев, исчерпав свои денежные ресурсы, начали объявлять себя неплатёжеспособными, оставались без крыши над головой. Дома возвращались в собственность банков, но из-за возникшей паники продать их за изначальную цену было невозможно. Кризис рынка недвижимости потряс страну и потребовал вмешательства федерального резерва, что, в свою очередь, увеличило дефицит государственного бюджета.

Аналитики, вглядываясь в происшедшее, наводят обвиняющий палец на всех участников: на банки, выдававшие рискованные займы, на политиков, давивших на них, на Уолл-Стрит, торговавший бумагами весьма сомнительной ценности. Подводя итог, журналист и политический деятель Патрик Бьюкенен пишет: «Финансовая и политическая элита этого поколения показала себя неспособной вести великий народ... За случившейся катастрофой лежит жадность, глупость и некомпетентность огромных масштабов». И дальше приводит пророческие слова Джона Адамса: «Скупость и тщеславные амбиции могут прорвать крепчайшие ячейки нашей конституции, как кит прорывает рыболовную сеть. Американская конституция была создана для людей моральных и религиозных. Ни для какого другого правительства она не годится».[8]

Финансовая катастрофа, поразившая Детройт, подробно описана в книге Чарльза Ле-Даффа «Детройт. Американское вскрытие».[9] В годы войны этот город называли «арсеналом демократии», потому что там изготавливался весь военный транспорт. Кроме автомобилей, здесь сосредоточилось производство холодильных установок, впервые в массовом порядке стали использовать кредитование, разрабатывались формы отношений между фирмами и профсоюзами. Город богател, рабочие получали очень высокую зарплату.

Но к началу 21-го века всё изменилось. Белое население, спасаясь от преступности и высоких налогов, разбежалось в пригороды, оставшаяся беднота не могла вносить в казну достаточные средства. Из столицы автомобилестроения Детройт превратился в столицу безработицы, столицу безграмотности, в которой дети приносили в школу свою туалетную бумагу, учителя не имели учебных пособий, полицейские — автомобилей. Банды подростков поджигали пустующие дома, чтобы согреться или развлечься. Ведь пожар — дешевле билета в кино, да и кинотеатров почти не осталось.

Большинство политологов считает, что главная причина упадка — близорукая жадность профсоюзов. Их непомерные требования вынуждали автомобильных гигантов Пакард, Форд, Дженерал Моторс, Крайслер переносить производство в южные штаты, в Канаду, за океан. Городские политики в погоне за голосами избирателей разбазаривали городскую казну или давали щедрые обещания, зная, что выполнять их достанется следующей команде чиновников.

В 1950 году население города насчитывало 1,8 миллиона жителей. Сейчас их осталось около семисот тысяч. Задолженность Детройта достигла двадцати миллиардов долларов, и в 2013 году он должен был объявить банкротство. Десятки тысяч пустых или полусгоревших зданий, огромные пустыри, неосвещённые улицы — трудно поверить, что город может когда-нибудь возродиться.

На одном из сайтов, посвящённых Детройту, были размещены две пары фотографий. Первая фотография изображала преуспевающий, цветущий Детройт в 1945 году и рядом — фотография Хиросимы после атомной бомбардировки. Дальше шли рядом две фотографии тех же городов в 2010 году. Подпись: «Кто выиграл войну?».[10]

Бездомных можно увидеть во всех крупных городах Америки. Среди них много пьяниц, наркоманов, душевнобольных или просто людей, утративших волю бороться за жизненные блага. Но есть и разряд чудаков, выбравших эту судьбу, как в старину люди выбирали отшельничество в скиту или в пустыне.

Мне довелось познакомиться с одним таким чудаком, ибо мы с ним арендовали соседние помещения в коммерческом складе. В своём я держал книги «Эрмитажа», не поместившиеся в подвале нашего дома, он — свой нехитрый скарб, состоявший из посуды, спальных мешков, палатки, бензинового примуса, старых книг, башмаков, одежды, журналов и прочих отживших вещей, с которыми у него не было сил расстаться. Ночевал он в автомобиле, пенсии ему хватало на еду и бензин. Речь его была спокойной и дружелюбной, но он никогда не заговаривал первым. Видимо, другие люди его не очень интересовали.

Однажды при встрече я спросил его:

— Давно не видел вас. Что-нибудь случилось?

— Нет, всё в порядке. Я просто ездил по южным штатам.

— Какова же была цель вашего путешествия?

— Цель? — переспросил он. Вопрос явно показался ему наивным. — Цель всегда может быть только одна: *познание (knowledge).*

Пристыженный мудростью автомобильного отшельника, я не нашёлся что ответить.

(продолжение следует)

Примечания:

1. Howard, Philip K. *The Death of Common Sense* (New York: Random House, 1995), p. 4.

2. Jackson, Gregory. *Conservative Comebacks to Liberal Lies* (Ramsey, NJ: JAJ Publishing, 2006), p. 76-77.

3. Howard, op. cit., p. ?

4. Sowell, Thomas. *Dismantling America* (New York: Basic Books, 2010), pp. 140-141.

5. Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* (New York: St. Martin Press, 2011), p. 22.
6. Ibid., p. 23.
7. Sowell, *Dismantling,* op. cit., p. 146.
8. Buchanan, op. cit., p. 25.
9. LeDuff, Charlie. *Detroit: An American Autopsy.* New York: Penguin Books, 2013.
10. Buchanan, op. cit., p. 417.

ПАЛАТКА У КОСТРА

Отрывок из документального повествования «ПУТЬ ЗЕРНА»

А. Скоков, писатель

Тропа, проложенная с давних времён по склону, спускается в ложбину, устремляется дальше за перевал, но Кассия, старший караванщик, даёт знак: останавливаемся на ночлег здесь. Поляну окружают заросли древовидного молочая. На эфиопском плоскогорье и мимозы, и можжевельник, и клещевина, и молочай, и акации с высоко вознесёнными зонтами ветвей, поражают необычной мощью, высотой. Ночь на экваторе настигает путников внезапно, без долгих закатов, мягких сумерек, как это бывает в Подмосковье, всей Средне-русской полосе. Солнце быстро скатывается к горизонту, теряется в зарослях саванны или в кронах смоковниц, и сразу темень накрывает малолюдный край, пока не всплывёт луна и на западе засверкает Венера…

С февраля, за недели пути, когда снялись из Аддис-Абебы, каждый приспособился к своему делу. Погонщики быстро вбивают колышки, ставят палатки, натягивая растяжки между стволами клещевины; снимают вьюки с мулов, и смирные труженики, подвернув копыта, устраиваются на отдых. Мамуш, молоденький погонщик, почти мальчик, помогает старшим раскладывать костёр — выбирает из вязанки хвороста, привезённого с собой, тонкие прутики, ломает их на растопку. Двое мужчин удар за ударом, без отдыха, рубят ствол засохшей акации, заготавливая дрова на ночь. Костерок закурил, задымился; Мамуш подходит к мулам, подвешивает торбы, отсыпает каждому его долю ячменя.

В вавиловскую палатку, ближнюю к костру, вносится поклажа — и накопленное за минувшие дни, и сегодняшний сбор, который предстоит разобрать. Путники знают, что после ужина, пока они будут спать, хозяин палатки при свете маленькой лампы начнёт раскладывать, паковать зёрна, колосья пшеницы, ячменя, тэффа, подписывать бирки, заполнять тетрадные листки.

Костёр из робкого огонька разрастается в жаркое пламя, в тёмное небо поднимается дым, с тем же запахом, как в селениях, которые они проходили день за днём. Похожие друг на друга эфиопские деревеньки из двух-трёх десятков конусообразных хижин, крытых соломой; заросли высокого молочая или кусты дикой клещевины, как забор, скрывают от взгляда дворы.

Грамота правителя Эфиопии раса Тафари, его распоряжение, посланное с гонцами по пути следования каравана, предписывали властям обеспечивать почётного гостя Эфиопии провиантом, фуражом, патронами. Зная гостеприимство местных жителей, с обязательным угощением ячменным пивом, талой, «гость Эфиопии», чтобы не терять время, старался избегать ночёвок в селениях. Караванщики разбредаются ночью по деревне, утром не собрать… И зимой, и летом день на экваторе двенадцать часов, смеркается рано, если хочешь уложиться в срок, надо торопиться. Деревушка, где можно было сегодня остановиться на ночлег, тоже осталась позади, но от угощения, приготовленного по приказанию старосты, не отказались. Плетёную корзину с инжерой, блинами из тэффа, мелкого проса, завернули в шамму, накидку вроде плаща. В глиняную посудину сложили жареную баранину, сдобренную острыми приправами. От талы отказались, ночью надо спать…

- Господин, пора ужинать, — отвернув полог, Кассия заглянул в палатку. Озабоченный, всё примечающий взгляд, над бровью небольшой шрам от копья или падения в горах с кручи. Сдержанный, немногословный, способный принимать быстрые решения в рискованных обстоятельствах. За два месяца пути, преодолевая опасные спуски к рекам и тяжёлые подъёмы из глубоких каньонов, пересекающих эфиопское плоскогорье, пробираясь среди кустарников и высокой, в рост, травы, Вавилов не раз мог убедиться в смекалке, решительности своего друга-амхарца. В поле, среди созревающих хлебов, на маленьких токах, где шёл обмолот прогоном по снопам медлительных буйволов, Кассия, при его понятливости, исполнительности, оказался толковым помощником и в сборе зерна. Вспомнился Бахтяр, проводник-караванщик из экспедиции на Памир. Осторожный, осмотрительный, вёл он доверившихся

ему путников, вьючных лошадей по извилистым, горным тропам, прилепившимся к отвесным скалам оврингам, собранным из вбитых в расщелины кольев, настила хвороста, присыпанного камнями и землёй. Далеко внизу, на дне пропасти, бился о камни неслышный Пяндж… И не вина проводника, что на одном из крутых подъёмов, лошадь поскользнулась и вместе с вьюком сорвалась в реку, местами уже покрытую муфтами-льдинами. Погибли книги, записи, дневники, материал, собранный на высокогорных таджикских делянках.

Кассия, караванщики, переводчик, охранники-стражи расположились возле костра. Босые ноги подвёрнуты под себя. Блики пламени изменяют знакомые лица; в молчании руки тянутся к стопке блинов, отделяют часть, макают в приправу, захватывают ломтики баранины. В горах Памира, Нуристана, Кавказа дорожная трапеза перед сном награда за дневной труд. Издревле в горах, пустынях, на равнинах бьётся над своим пропитанием человек, не всегда имея возможность вечером насытить хлебом детей. Караванщики, нанятые иностранцем, в их понимании богатым, состоятельным, только в пути и могут вдоволь поесть, но и этот кусок бывает горек от мысли, что там варится сейчас на домашнем очаге. Нужда гонит работника из дома, от родного очага, будь то степная самарская глушь, бедные подзолистые волоколамские пашни или африканские деревушки с клочками каменистых делянок, плугом-бороздильником и мерной поступью вола…

Пламя осело, улеглось, головешки раскалил жар, в дрёме вздрагивает то один путник, то другой; пора в палатки, завтра снова на тропу, всё дальше и дальше на север, к Эритрее. Только тихий, грузноватый, с едва заметной седой бородкой стражник-сомалиец, оставленный дежурить у костра, подбрасывает ветки, и, отмотав от катушки нитку, без рубашки, штопает порванный под мышкой рукав. Вечер покоен, тих, только порхает козодой-охотник, хлопок крыльями и снова треск… В такие тёплые вечера среди волоколамских полей, перелесков далеко-далеко светятся огоньки табунщиков или ночующей в пути артели. Рыбаки на берегу Шоши, под ивами, разводят огонь. Неспешные рассказы-бывальщины, прислушиваются к ним ивашковские мальцы и московские гости-гимназисты. После многолюдья Москвы, звонков конки, стука пролеток на Средней Пресне, суеты и тесноты большого города ночной мир с мерцанием звёзд на излуке реки, бегом зарниц, дымом костра вдруг открывает на миг путь постижения всего сущего и себя…

Сомалиец-стражник надевает рубашку, накидывает на плечи шамму. На озерце, потревоженные лисицей или волком, загоготали гуси, уже готовые к перелёту. В этом безлюдном краю зимуют и гуси-гуменники, и аисты, и цапли, и журавли. Крупная и мелкая птичья рать скоро снимется в свои сроки, кто в ближний путь, через Средиземное море в Европу, кто дальше и дальше на Север, за Урал. В заполярной тундре только начинают таять снега…

При свете лампы снопики, колоски, зёрна привычно пакуются, повезут их в Россию автомобили, пароходы, поезда. Дома, на родине, сеятель уже вышел на поля, зачерпывает горсти зёрен из лукошка... В таджикских кишлаках, на крохотных делянках, щепотка за щепоткой ложатся в бороздки семена. Как долго ещё ждать, когда нальётся силой колос. К похлёбке из гороха нет лепёшки даже для детей. Ранняя зелень, корешки, тутовник… Из экспедиции на Памир доставлены были тогда в Ленинград не только зёрна-потомки древних горных пшениц, ржи, но и тёмная лепёшка из высушенных, истолчённых ягод тутовника. Да и в самой России, не имея возможности прокормиться на земле, миллионы крестьян снимались в отходничество.

В 1919 году Ленин, читая книгу А. Гарвуда «Обновлённая земля» о достижениях американских земледельцев, делал пометки. Почему такой огромный разрыв в урожайности российской пашни и заокеанской? Да, пшеничный пояс штатов Айова, Иллинойс, Канзас, Миннесота, Миссури с мягким, благоприятным климатом не знает ранних внезапных холодов, бесснежных морозных зим, затяжных летних дождей, жестоких засух, сжигающих всю растительность на миллионах гектаров от Украины до Сибири. Но разве мало значат сильные сорта, обильные минеральные удобрения, новые приёмы земледелия, высокая механизация крестьянского труда?

Локомотивом подъёма урожайности российской пашни должна стать наука. Первый съезд Советов Союза ССР в декабре 1922 года принял решение: «Организовать в Москве, как в центре нового государства трудящихся, центральный институт сельского хозяйства с отделениями во всех республиках в целях объединения научных и практических сил для быстрейшего развития и подъёма сельского хозяйства союзных республик»

Через два с половиной года, 20 июля 1925-го, в Кремле, в зале заседаний Совнаркома РСФСР открылось первое торжественное заседание Института прикладной ботаники и новых культур /впоследствии ВИР.-авт./, в котором приняли участие Председатель ЦИК СССР А.Г.Червяков и бывший личный секретарь Ленина, затем управляющий делами Совнаркома Николай Петрович Горбунов. Институт подчинялся не Комиссариату земледелия, а непосредственно правительству СССР. Горбунов

стал председателем Совета научного учреждения, руководитель института Вавилов был подотчётен только ему. От Мурманска до пустынь Средней Азии, в двенадцати точках страны институту были переданы тысячи десятин лучшей земли для ведения генетических исследований, селекционной, сортоиспытательной работы. В Воронежской губернии, на Северном Кавказе, в Детском Селе под Ленинградом опытные станции, участки стал и полигоном для научных поисков. Выделялись деньги на приобретение научной литературы, заграничных семян, на внутренние и заграничные экспедиции.

Летом двадцать первого, когда готовилось решение о создании научного института сельского хозяйства вместо Бюро прикладной ботаники, детища Р.Э. Регеля, трагически погибшего от тифа в голодном двадцатом, Н.И. Вавилову и А.А. Ячевскому удалось побывать в Америке. Первые советские учёные, приехавшие на Запад после революции, не только обсуждали теоретические проблемы со знаменитым генетиком Томасом Морганом в его лаборатории, но и знакомились с передовым земледелием Америки, Канады.

Для выведения новых сортов, более урожайных, зимостойких, не боящихся болезней, требовался надёжный строительный материал. Предстояло отыскать на разных континентах прародителей нынешних Кубанок, Арнауток, заменив на огромных площадях России беспородные малоурожайные сорта на более сильные, чтобы со временем приступить к созданию Государственной племенной книги сортов сельскохозяйственных растений. Исследования, начатые в Саратове, привели к открытию закона гомологических рядов. Логика закона, опыты, расчеты укрепляли уверенность: родину нынешних пшениц, ржи следует искать в горных районах Африки, Кавказа, Памира…

До глубокой осени двадцать шестого, собрав немалый генетический «капитал» в странах Средиземноморья, пройдя с караванами равнины и горы Алжира, Туниса, Марокко, Сирии, он не знал, сможет ли попасть в Эфиопию, страну древнейшей в мире земледельческой цивилизации. Получить визы во французские колонии тоже было делом непростым. Власти избегали пускать иностранцев в свои заморские владения, где не прекращались бои. Зачем посторонним знать, что происходит на африканском континенте. В Сирии друзы вели войну с иноземцами, неспокойно было в Марокко… На помощь пришла госпожа Ф. де Вильморен, глава крупнейшей во Франции семеноводческой и селекционной фирмы. Влиятельные Вильморены знали русского генетика ещё со времён его первой заграничной поездки накануне Великой войны; тогда он не только знакомился с достижениями Бэтсона в Англии, успехами немецких генетиков, но и посетил французских коллег.

В земледельческой Франции авторитет сельскохозяйственной науки был высок, госпоже Вильморен были доступны кабинеты и премьера Бриона, и самого президента Пуанкаре. К удивлению чиновников, ведавших визами, разрешение на въезд в четыре колонии дали первые лица государства. Влиятельная дама пожелала успехов профессору из России.

Восемь месяцев тянулась бесплодная переписка с эфиопскими чиновниками ещё до экспедиций во французские владения. Четыре визы, полученные в Париже, стали ключом к недоступной Абиссинии. Французский консул в Риме, видя их, дал разрешение на следование в Эритрею по транзитной визе через Французское Сомали — порт Джибути.

После экспедиций в Алжир, Тунис, Марокко, Сирию, отправив посылки с добытыми материалами в Ленинград, с разрешением на въезд в Сомали, пришлось снова возвращаться в Марсель. Белоснежный «Леконт де Лилль» два раза в месяц отправлялся в дальнее плавание с заходом в Джибути. В Средиземном море в декабре, потеснив мягкие летние ветра, скатываясь с гор, бушевал самовластный Бора. Неделя в каюте при изматывающей качке, пока «Леконт де Лилль» пробивался сквозь шторм к Суэцкому каналу, показалась бесконечной. Лучше кручи Памира, овринги, опасные тропы Сирии и Марокко, ежедневные десятки километров пути, чем броски с борта на борт, провалы с вершин водяных гор и невозможность хотя бы на час задержаться у письменного стола, достав из чемодана записные книжки, дневники.

Красное море подарило безветрие, штиль. Можно кое-что наверстать за упущенные дни. Пароход лёг на створные знаки Джибути…

Началась полоса удач. Счастливый дар располагать к себе людей, от крестьян, караванщиков до местных чиновников и их владык, не раз выручал в Иране, Нуристане, Африке. На пароходе русскому профессору покровительствовал господин Карль, бывший директор департамента земледелия Мадагаскара и сейчас возвращавшийся из Франции на остров. Столько невероятного встречается в пути… Бывший директор департамента читал краткое изложение вавиловской работы «О происхождении культурных растений», опубликованное в одном из научных французских журналов. Встретить подписчика малоизвестного специального издания на борту корабля у берегов Африки!

Господин Карль знал, как обращаться с колониальными чиновниками. Без лишних слов он дал им понять, какое светило прибыло в их захолустье. Сам президент, премьер-министр покровительствуют

русскому профессору! В тот же день разрешение-штамп французского губернатора Сомали появилось в паспорте именитого путешественника. Путь в Эфиопию был открыт.

Поезд в Аддис-Абебу по узкоколейке, проложенной французскими строителями всего лет десять назад, двигался только днём, когда с восходом солнца владыки пустыни отправлялись на отдых в свои логова. Вагончики, громыхая, катили по рельсам, уложенным от термитов на железные шпалы. Селения, деревушки из десятка хижин-шалашей, крытых рогожами, циновками, придавленные безысходной нуждой, как в таджикских кишлаках глинобитные мазанки…

Между Джибути и Аддис-Абебой лежал Харар, известный район земледелия в Африке. Познание стремится к началу начал, к истокам первородства. Много ли таких мест уцелело на земле?

Собрать небольшой караван, зная порядки, обычаи, нравы Востока, для опытного путешественника дело несложное. Труднее объяснить крестьянам, для чего чужестранец-господин, приехавший издалека, сходит с дороги, выбирает колосья, срезает их… Одни приветствуют, улыбаются, в глазах других страх: не злой ли это человек, способный причинить вред урожаю? Январь в этих местах месяц страды, созревшие хлеба ещё на корню, лучшее время для собирателя.

Сорок посылок с образцами местных злаков — среди них удивительные пшеницы с фиолетовыми зёрнами — отправились в дальний путь к берегам Невы, в дом, где некогда размещалось Министерство земледелия Российской империи. Здесь, в Эфиопии, обнаружились своеобразные, неизвестные нигде в мире особые пшеницы, которые он предугадывал ещё в Саратове, создавая свою таблицу гомологических рядов. Тогда, в июне двадцатого, на съезде селекционеров, учёных-генетиков была отправлена из Саратова телеграмма в Совнарком: «Этот закон представляет крупнейшее событие в мировой биологической науке, соответствуя открытиям Менделеева в химии, и открывает самые широкие перспективы для практики…»

В Аддис-Абебе, по традиции, известных иностранцев правителю Эфиопии представлял посол одного из государств. Профессора, имевшего рекомендательные письма из Парижа, согласился представить посол Франции. Рассказав о целях предстоящей экспедиции, гость подарил расу Тафари карту земледелия СССР и свою книгу «Центры происхождения культурных растений» на английском языке.

Протокол дипломатических приёмов не располагает к откровенным беседам, для них нужна иная обстановка. А расспросить гостя правитель хотел о многом: после событий семнадцатого года это был первый сторонник новой власти. Русские эмигранты, издававшие здесь даже свою газету, не брались в расчёт.

Вечером чиновник для особых поручений, найдя учёного в гостинице, пригласил его для личной встречи с расом во дворец.

Во второй половине девятнадцатого века, с началом быстрого раздела Африки «просвещёнными» колонизаторами, православная Эфиопия стремилась установить дипломатические отношения с Россией, заручиться её поддержкой. В 1896 году император Эфиопии Менелик Второй разбил наголову экспедиционный итальянский корпус, вступивший на территорию Эфиопии с севера. Европейские информационные агенства разнесли по миру ошеломляющую новость: впервые в новой истории воины «варваров» в битве при Адуа не только победили колонизаторов, но и получили немалые трофеи в виде оружия, транспорта, продовольствия.

В том же, девяносто шестом, Российский Красный Крест снарядил два отряда в Эфиопию. Состав экспедиции утверждал сам Николай Второй. Через два года с независимым африканским государством были установлены дипломатические отношения.

Тафари Макконен, неплохо владевший французским, без переводчика, с глазу на глаз, долго беседовал с гостем. Европейская пресса, особенно эмигрантская, предрекала России, под управлением «невежд», скорый крах. Появление научной экспедиции, занятой поиском селекционного материала, для выведения новых сортов высокоурожайных злаков, свидетельствовало о больших переменах в пролетарском государстве.

Эфиопия и Россия находятся в схожем положении: одна страна в кольце колоний, откуда могут пожаловать экспедиционные корпуса незваных «друзей», другая в блокаде европейских государств. Не хватает хлеба и Эфиопии, и России. Ивашковские мужики от малоземелья, низких урожаев тянутся на заработки в Петербург, Москву. Не прокормиться многодетной семье на бедной пашне. В начале двадцатого века каждый третий-четвёртый год был голодным. В 1911 году великая засуха накрыла Поволжье, Башкирию, Урал. Тридцать миллионов душ оказались в беде. И в Африке, и в России на полях ручной труд: серп, коса, борона, соха…

В СССР, в недавно созданных научных институтах, в Госплане готовится пятилетний план индустриализации — строительства электростанций, гигантских металлургических комбинатов, станкостроительных, машиностроительных заводов, чтобы на село, как в Европе, пришли комбайны,

автомобили, трактора. Но сначала надо ликвидировать неграмотность, какой рабочий из вчерашнего пахаря, не понимающего назначения станка…

Тафари слушает собеседника, профессора-сверстника, думает, сколько поколений надо вырастить, обучить, чтобы в его многоплеменной стране с первобытным укладом, где камнетёрками, вручную, растирают зёрна пшеницы, ячменя, появились свои агрономы, инженеры, доктора. Есть храбрость, воинская отвага, как в битве при Адуа, есть трудолюбие крестьян, но мало средств у его бедной империи, и много предрассудков, племенной розни, вражды.

- Ваше посещение для нас честь, господин профессор, — умный пытливый взгляд подтверждает слова. — Вы будете приняты как гость Эфиопии.

… Дымок от костра проникает в палатку, в соседней простуженно кашляет Кассия, в заботах о караване проходят его ночи и дни. Сомалиец-стражник, определяя время по странствию луны-ладьи, истолок в деревянной ступке щепотку жареных кофейных зёрен, вскипятил в котелке воду. Стакан из толстого стекла, прихваченный снизу полой шаммы, появляется в жёлтом свете лампы.

- Спасибо, друг…

Сомалиец улыбается, возвращается к костру, подвигает к огню поленце акации палкой-посохом.

У этих пшеничных зёрен, колосьев, собранных сегодня, нет запаха, как у знаменитого абиссинского кофе, да и с виду они не так уж отличаются от сородичей, собранных на полях Придонья, Кубани. Но сколько селекционеров, агрономов, опытников-крестьян были бы счастливы высыпать на ладонь горсть этих злаков. Не в низовьях Нила, прародине всех землепашцев, а здесь, на Эфиопском плоскогорье, обнаружились неизвестные прежде твёрдые безостые пшеницы. Потомки древних семян, выбрасывавших колос на полях ветхозаветного Аксумского царства времён Соломона и путешествовавшей к нему царицы Савской. Египетские фараоны, иудейские цари, правители эллинов, римские цезари из века в век пребывали в заботах, как наполнить житницы. Многое изменилось в череде веков, исчезли великие и малые царства, народились новые, но избытка хлеба нет. Хлеб нужен всему миру. Даже богатые индустриальные страны, черпающие задаром из колоний сырьё, вынуждены покупать зерно. Его продают немногие государства, имеющие благоприятные условия для земледелия, промышленный сельскохозяйственный уклад. Америка, Австралия, Канада, Аргентина… Продавала его и Россия, не имея другого товара, кроме зерна, выбиваемого из должника-мужика. Основная доля товарного зерна производилась в помещичьих «экономиях» с дешёвым наймом крестьян-батраков.

… Привычные три-четыре часа сна здесь, в экспедиции, сократились до двух-трёх: последний сбор надо привести в порядок, подготовиться к новому дню. Великие мужи науки Дмитрий Николаевич Прянишников, основоположник генетики Вильям Бэтсон, знаменитый Томас Морган делились не только плодами открытий, но и указывали пути, как к ним идти.

Снаружи, фыркая, забеспокоились мулы. Ночью холодает, стражник, кутаясь в шамму, присаживается к огню. В зарослях молочая затихает всхлипывающий рык леопарда.

- Анер?

Стражник молча кивает. Вблизи заухала гугут-сова. Стражник, высвободив руку, ведёт счёт, загибая пальцы. Совсем как ивашковские мальчишки вечером, на берегу летней Шоши, загадывают у кукушки свои года…

В чистом небе сияют Регул и Арктур. Млечный путь, пролегая через зенит, уходит на север, где низко над горизонтом крадётся Большая Медведица. В России на пашнях ещё чернота, но с каждым днём набирают молодую силу заливные луга…

Лагерь будят притихшие ночью попугаи, потом вступают в парную распевку дрозды. Путники быстро собираются, скатывают палатки, дорожный скарб прячут во вьючные мешки. Мамуш отсыпает мулам по мерке ячменя. Костёр погашен, остаётся чёрное пятно от огня; караван выбирается на тропу. Стыло, зябко, но скоро становится теплей от ходьбы. Маловодная речушка в огне рассветной зари. Вот и она позади, караван растягивается в определённом Кассией порядке.

Так бы идти и идти среди невысоких вулканов-холмом, небольших хлебных полей, от ночёвки к ночёвке, с беседами караванщиков у огня, если выдался лёгкий путь по саванне. Но скоро вместо троп Абиссинии начнутся шоссейки Эритреи. И там расставание. Кто не был в долгом, опасном пути, не знает, как роднит дорога, общий хлеб, забота о тебе, больном, слёгшем в тифозной лихорадке… Весельчаки и однодумы, бесшабашные и осмотрительные, ловкие и медлительные, подозрительные и доверчивые, простодушные и скрытные в конце пути становятся одним братством. Не в замках, особняках, дворцах пролегает самый короткий путь от души к душе.

Сторожевой вскрик раздаётся в вышине. Длинная цепь, не ломая порядка, удаляется на север.

Хорошо в тёплых краях, но пора домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Р а з д е л I
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

Величко М.В. **КОМПЛЕКСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ГЛОБАЛДИЗАЦИИ** 5

ПАНЧЕНКО И.С., ТУФАНОВ А.О. **КЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ** 10

ШКРАБАК В.С., ШКРАБАК Р.В. **ИСТОКИ И УРОКИ** 15

Р А З Д Е Л II
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ

МИЛОВЗОРОВА М.Н. **ЛЮБОВЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ЦИВИЛДИЗАЦИИ** 18

ОРОПАЙ А.Ф. **ВОЙНА И ЛИМИТРОФЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** 21

ТАРБА И.Д. **НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ** 27

СУГАКОВА Л.И. **ОБЩИННЫЙ АРХЕТИП, МАКСИМАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКО-РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА** 31

Р А З Д Е Л III
ИСТОРИЧЕСКИЙ

СМИРНОВ П.И. **ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЯ 1917: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ** 35

АРЕФЬЕВ М.А., ДАВЫДЕНКОВА А.Г. **ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН — ФИЛОСОФ, ПУБЛИЦИСТ И РЕВОЛЮЦИОНЕР** 40

ОБУХОВ В.Л. **ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ, ИЛИ НАДО ЛИ ПРОСЛАВЛЯТЬ ДИКТАТОРОВ?** 44

ШИШОВ Д.А. **ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ** 51

МОИСЕЕВ Г.С. **ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА УРАЛЕ** 53

Р А З Д Е Л III
ПЕДАГОГИКА И КУЛЬТУРА

РОМАНОВ К.В. **СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ** 62

БОЧКОВА В.Б., АГАХАНОВ М.М. **ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ** 65

КУТЫКОВА Н.В. **ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ** 68

СОЛОНЬКО И.В. **СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА** 76

Р А З Д Е Л IV
ФИЛОСОФКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭССЕ

ЕФИМОВ М.И. **ЗАКАТ АМЕРИКИ. САРКОМА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ** 76

СКОКОВ А. **ПАЛАТКА У КОСТРА** 86

Научное издание

Ключъ № 11

Философско-общественный альманах
Пушкинского центра аналитических исследований
и прогнозирования

Выпуск одиннадцатый

Печатается в авторской редакции

Обложка О.В. Граблевской
Компьютерная верстка П.А. Нуттунен

Подписано в печать 20.12.17. Формат бумаги 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 24.
Тираж 500 экз. Зак. . С. 92.

Пушкинский центр аналитических исследований и прогнозирования

Руководитель Центра — доктор философских наук, профессор
Валерий Леонидович Обухов

Исполнительный секретарь — Павел Андреевич Нуттунен

Пушкинский центр будет благодарен за присланные отзывы на данный выпуск Альманаха. Приглашаем к сотрудничеству всех, кому дорога судьба России.
Подробно с деятельностью Пушкинского центра можно ознакомиться на сайте:
http://www.realfil.com

Адрес Центра: Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2, СПбГАУ.
Тел.: 476-36-66. Электронный адрес: philosophy-world@yandex.ru

Издательство «Копи-Парк», СПб, наб. Обводного канала, 87.
Напечатано в типографии ООО «Гамма».